

**Православный
Свято-Тихоновский
Богословский Институт**

Воробьев М. Н.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

**Часть 1
Москва, 1999**

Лекция 1

ВВЕДЕНИЕ

1. — Определение истории, предмет и задачи истории как науки. 2. — Краткий обзор русской историографии. 3. — История славян до появления письменных источников. 4. — Природно-климатические особенности. 5. — Возникновение государственности у восточных славян. 6. — Программа курса.

Как определить науку историю? В древности она была скорее художественным повествованием. Даже столь серьезный автор, как Геродот, совершенно безжалостно оснащает свои хроники литературными излишествами. Правда, в те же древние времена появилось замечательное определение: «История есть наставница жизни». Здесь уже чувствуется, что история — не просто «улада воображения», а что-то рациональное.

В XVIII веке, когда наступает эпоха Просвещения, ко всем наукам, а следовательно и к истории, предъявляются требования чисто рационального порядка. История должна помогать совершенствовать человеческую жизнь, устраивать человеческое общество и т. д. Сейчас мы можем с уверенностью сказать, что подобная задача от научных требований далека.

В начале XIX века, когда, собственно говоря, зарождается научная история, предпринимается попытка сформулировать, каковы цели этой науки. И тогда начинают говорить о том, что задача истории — изображение тех состояний, которые суждено переживать всем народам. И если какой-то народ еще не пережил ту или иную фазу своего развития, ее можно предугадать. Потом, когда немецкая философия начнет влиять абсолютно на все, будут просто говорить о том, что история есть изображение тех мировых событий, которые выражают пути Провидения. Если все это суммировать, то получится, что и по мнению рационалистов, и по мнению утопистов история должна изображать только те основные факты, которые выявляют общий смысл событий. Таким образом историю стали формулировать как науку о законах исторической жизни человеческого общества. Это удобно: наука об общих законах, а не сумма фактов, не анализ деталей. Отсюда очень близко до марксизма, по которому история — это «наука о наиболее общих законах...», потом это

уже перейдет в исторический материализм.

Я предлагаю вам записать совершенно иное определение истории, которое дает С. Ф. Платонов и которое представляется мне наиболее серьезным:

«История есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества».

Нас с вами интересует прежде всего наша российская, отечественная история. Как эта наука развивалась в России и что мы можем почерпнуть из ее развития?

Русская историческая наука знает летописи, сказания, рукописные своды, но, строго говоря, эта запись событий в лучшем случае была морализующим чтением, но не наукой.

В период петровских реформ предпринимается попытка создать первые научные труды. И здесь, конечно, на первом месте стоит 5-томная «История» знаменитого русского ученого В. Н. Татищева, которая и по сей день сохранила определенное значение [1]. Дело в том, что Татищев использует массу источников, иногда перепечатывает, как говорится, все подряд, но поскольку сейчас многие из этих источников не существуют, то Татищев фактически становится для нас весьма солидным и почтенным автором.

Затем появляются ученые — и русские, и немецкие. Шлецер — это знаменитый автор первого научного труда о русских летописях (под названием «Нестор»). Это большая книга, посвященная анализу трудов первых русских летописцев. М. В. Ломоносов начинает писать курс русской истории, но доходит только до изложения событий первых веков.

Все вы, конечно, знаете имя Николая Михайловича Карамзина. Его труды сейчас изданы, и издаются, и переиздаются, я от души желаю вам всем его читать. Он написал первый научный систематический труд по русской истории. Другое дело, что не все выводы Н. М. Карамзина признает современная наука, что не все равноценно у него изложено. Карамзин был чудесный писатель, и чисто литературная сторона его таланта иногда принижает его талант историка, тем не менее это первая солидная «История», которую очень интересно читать и по сей день [2].

Еще мы знаем исторические сочинения М. П. Погодина, а дальше наступает время, когда профессор Московского университета Сергей Михайлович Соловьев начинает издавать свой курс, свою многотомную «Историю России с древнейших времен» [3]. В течение 29 лет выходит 29 томов с удивительной аккуратностью: каждый год по тому — и он доводит это свое огромное историческое сочинение до времен Екатерины II. С. М. Соловьева очень непросто читать подряд; людей, которые прочитали весь его труд подряд, единицы. Но труд С. М. Соловьева — это фактически энциклопедия русской истории (естественно, не исчерпывающая все проблемы и вопросы). Можно дополнить этот труд, но предпринять еще одну стр. 3 такую попытку, вероятно, никто никогда уже не сможет. Будут создавать энциклопедии, справочные материалы, курсы лекций — все это будет. Но без Соловьева представить себе русскую историческую науку мы не можем. Я не буду сейчас говорить о теориях, которые положил в основу своего труда Сергей Михайлович Соловьев. Это — в дальнейшем. А то, что все, интересующиеся русской историей, не должны пройти мимо этого труда, — я думаю, это вы понимаете.

У С. М. Соловьева был ученик — Василий Осипович Ключевский. Если С. М. Соловьев был сыном законоучителя училища коммерции (родился Соловьев в Москве, на Остоженке), то его ученик В. О. Ключевский был родом из Пензы, окончил там семинарию. Если учитель

был гениален, то и ученик поразительно талантлив. Ключевский понял, что переписать «Историю...» С. М. Соловьева нельзя и не нужно. Он создал свой курс лекций [4], совершенно под иным углом зрения. Это был своеобразный теоретический комментарий к «Истории» С. М. Соловьева, правда, очень неровный. Там, где дело касалось характеристики личности отдельных исторических деятелей, — скажем, Ивана Грозного, или Петра Первого, или Екатерины, — там Ключевский, великолепный стилист, становился не столько историком, сколько прекрасным писателем. Эти его исторические портреты без конца переиздавались и переиздаются, и всем необходимо это прочитать — прежде всего для того, чтобы почувствовать обаяние русской истории. А там, где он разбирал, скажем, дворянское землевладение, таможенные тарифы, или где он касался особенностей финансовой системы России в тот или иной период ее существования, — там он был немножко заумен и сух. Там все запоминается, — здесь глаза уже не читают, ум переполнен фактами, цифрами, справками... Такая неровность его курса вами должна быть учтена.

И, наконец, Сергей Федорович Платонов. В новом издании этого учебника есть, к счастью, биография автора и его собственное «Введение». С. Ф. Платонов был представителем школы петербургских ученых (эта школа немного отличалась от московской, но я не буду сейчас говорить о теориях, дело не в этом). С. Ф. Платонов как бы подводит определенную черту под развитием русской науки истории, и черта эта приходится как раз на те кошмарные годы, когда происходит революция. То есть Платонов — это та вершина, на которую поднялась до революции русская историческая наука. С. Ф. Платонов не только автор «Курса лекций...» [5] (они издавались 10 раз, и 10-е издание — самое лучшее) — он еще и автор классических трудов по отдельным вопросам русской истории (например, «Очерки по истории смуты» [6]). Это был замечательный ученый, замечательный человек, и недаром он был обвинен чекистами в саботаже и контрреволюции. Его не расстреляли, видимо, посчитав это несколько неудобным перед Европой. Его сослали в Самару, где он скоро умер, поскольку в то время условия жизни там были совершенно непереносимы. Когда у нас в стране любят говорить, что большевики разгромили в первую очередь генетику, надо помнить, что первой погибла русская история.

Я до сих пор помню, как однажды, разбираясь в очередном книжном развале, нашел потрепанное 2-е издание С. Ф. Платонова. Рядом мой товарищ-студент тоже копался в книгах. Я обнаружил, что у меня в карманах нет ни копейки, и попросил: «Я тут нашел хорошую книжку, дай мне немного денег». Когда он увидел, что я покупаю Платонова... Словом, он мне не может этого простить всю жизнь.

Вот теперь вы, имея доступ ко всем этим трудам, курсам, имеете возможность работать, что-то учить, познавать. Но сразу предупреждаю, что это очень трудная работа. Мало читать — надо вчитываться, мало запоминать — надо вдумываться. Не просто набирать в голову как можно больше фактов — все равно всех фактов упомянуть невозможно — нужно осмысливать эти события, сравнивать их друг с другом, короче говоря, пытаться действительно понять тысячу лет русской истории. Задача эта, прямо скажем, очень не простая, но весьма благородная.

Теперь, коль скоро у нас вводная лекция, надо сказать несколько слов о том, с чего мы с вами начнем. Я не буду вам рассказывать ни про палеолит, ни про неолит, я не буду рассказывать об обычаях наших предков, которые когда-то жили на территории нашей необъятной Родины, — все это к истории отношения не имеет. Существуют науки археология, этнография, — они этими проблемами и занимаются.

История, строго говоря, начинается тогда, когда появляются письменные источники. И

вот упоминание о славянах в источниках нерусских (потому что тогда России не было) — у античных авторов и у авторов раннего Средневековья мы находим. Если суммировать эти весьма отрывочные данные, то можно прийти к такому заключению: где-то в Центральной Европе, может быть, ближе к Эльбе (сказать это абсолютно точно сейчас уже невозможно) жили славяне — какое-то древнее большое славянское племя. Очевидно, что оно соседствовало с германскими племенами. Приблизительно в период великого переселения народов (как вы знаете, в IV–V веках нашей эры), когда вся Европа представляла собой огромную территорию, по которой двигались массы самых разных племен, народностей, которые расселялись на территории Римской империи и на каких-то не освоенных землях, — тогда приходит в движение и это древнее славянское объединение, древнее славянское племя, эти праславяне. Они движутся в трех направлениях: одни идут на юг, в сторону Балкан (это далекие предки южных славян), другие — чуть западнее (эта ветвь — предки западных славян: моравов, поляков, словаков и чехов) и, наконец, еще одна ветвь движется на восток — это наши с вами предки. Это — общие моменты, которые надо знать.

стр. 4

Сразу надо сказать, что восточные славяне были земледельцами. Существует только два типа цивилизации: земледельческая и скотоводческая — оседлая и кочевая. Кочевники и сейчас живут так, как жили, вероятно, тысячу лет назад. Читая, скажем, описание жизни монголов в XIV веке и положив рядом книгу, которая повествует о гуннах, напавших на Европу за тысячу лет до этого, разницы не увидишь. Ничто не меняется: по-прежнему конь, по-прежнему юрта, по-прежнему в лучшем случае телега, по-прежнему «все мое везу с собой» и соответствующий быт. Земледельцы же непрерывно работают над улучшением своей среды обитания, создавая цивилизацию. Те из нас, кто копошатся на дачах, прекрасно знают, каким трудом нужно добывать там себе насущный хлеб. Ну а те, кто просто любит, чтобы в квартире было уютно, тоже знают, что появляются то полки, то крючки, то замки, то обивка, то надо покрасить что-то — короче говоря, это наша с вами природа, мы — потомки земледельцев, оседлого населения.

Расселялись восточные славяне на востоке, в Восточной Европе. Несколько слов о том, что собой представляет Восточная Европа. Если посмотреть на школьный атлас, мы увидим, что это равнина, что перепад высот очень невелик, что наша с вами Среднерусская возвышенность не возвышается и на 300 метров, что реки текут в разных направлениях — и на север, и на северо-запад, и на юг, и на юго-восток, что рек этих много, что огромную часть этой территории занимали тогда леса. Для того чтобы представить себе, какую площадь они занимали, сошлюсь на то, что только в 1865 году 40 процентов чисто русской территории занимали леса, несмотря на то, что русский человек использовал лес непрерывно.

В Древней Руси лесов было гораздо больше. Смешно сказать, но еще в XIII веке прямой путь, скажем, из Коломны во Владимир на Клязьме не существовал, потому что нельзя было проехать через леса. Приходилось делать крюк до Москвы, а от Москвы ехать до Владимира — крюк был 200 с лишним верст.

Итак, восточные славяне расселялись по лесам, по рекам. Что нужно для земледельца? Во-первых, хорошая земля — это бесспорно. Источники воды. Необходим лес — в тех случаях, когда неурожай, лес может прокормить (в лесу всякая живность), лес может одеть (шкуры зверей), лес может дать предметы для торговли (воск, мед), лес может обогреть (дрова). И, наконец, самое главное: лес может спасти жизнь, защитить от набегов кочевников. Вот эти факторы — реки или озера, лес и степь, откуда приходили кочевники, — эти основные моменты так или иначе стали влиять на психику, на душу древнего восточного славянина.

Чтобы попытаться узнать, сохранилось ли в вас что-нибудь от древнего человека, я сейчас задам вам два вопроса. Прошу отвечать хором, без всякой подготовки все, что придет в голову. Первый вопрос: каким словом (одним) вы охарактеризуете наш климат? Обычно отвечают: «умеренный» или «нормальный». Абсолютно правильно: умеренный, нормальный.

Ну как еще мы можем сказать о климате, где летом до плюс сорока, а зимой до минус сорока? Нормальный, умеренный климат... Вы абсолютно правильно ответили, русские люди иначе не отвечают. Теперь, пожалуйста, назовите мне ближайший город к Москве, только быстро. Обычно средний московский школьник или первокурсник отвечают: Санкт-Петербург, в лучшем случае — Тверь. Санкт-Петербург — это 700 верст, Тверь немножко ближе.

Так вот, происходит это не от непонимания, а от определенного психологического устройства русского человека: что для нас 700 верст? Это езды-то одна ночь. Ближе, чем до Санкт-Петербурга, некуда ездить, потому что те города, до которых можно добраться на электричке, как будто вообще не города — все равно, что на дачу съездить.

Вот этого нет у европейца начисто. Когда вы ему предлагаете проехать 700 километров, он чешет в затылке, для него это целое путешествие — проехать всю страну, а может быть и две. Ведь вся Польша укладывается между Москвой и Петербургом, да еще две Чехословакии, вместе взятые, а это большие европейские страны. Также и климат: в Европе он мягкий, там нет больших морозов, летом умеренная жара — вот там все хорошо. А здесь зимой надо топить, потому что иначе замерзнешь, а летом не знаешь, куда деваться от жары.

Это поразительное влияние природного фактора на восточных славян, как вы теперь поняли, ощущается и поныне. Кто из вас не катался в лесу зимой на лыжах? И только в страшном сне можно себе представить, что на лыжах можно отправиться куда-то в поле или в чистую степь: там холодно, там ветер, там ничего нет. А вот в лес — это прекрасно. Если у вас когда-нибудь будет такая возможность, попробуйте какого-нибудь среднего европейца затащить в лес на лыжную прогулку километров на 20. Вы поймете, что такое европеец, сразу, и больше эксперимента повторять не будете. Сначала он будет в восторге, но потом почувствует себя крайне плохо. И даже не от холода, а потому, что лес для него — совершенно чуждая среда. А для нас наоборот: в воскресенье на целый день в лес по грибы — это же прекрасно! И только одно желание — чтобы лес этот не кончался. Какой же это лес, если через 5–10 километров он кончается? Это не лес — это остатки леса.

За границей вас тоже могут отвести в лес. И вы, конечно, бестактно спросите: «Ну а когда лес-то начнется?». Так как это нечто вроде парка какого-нибудь — весьма среднего, Сокольники по сравнению с таким лесом — это просто тайга.

Однажды меня в Польше повели в лес. В Польше, в лесной стране! Мы долго ходили, потом я не выдержал и спросил: «А где пан увидел лес?» На что мне ответили, что мы уже несколько часов в лесу гуляем. Этот лес напоминал сито.

Но, естественно, наши предки не были чисто лесными жителями. Очень раннее возникновение городов говорит о быстром развитии общества от племени к государству.

стр. 5

Если мы посмотрим на карту археологических раскопок, то увидим, что на территории южной Руси, да и нашей полосы, было колоссальное количество так называемых городищ — поселений, которые могли развиваться в город, но не развились. Они чаще всего возникали на берегах рек и представляли собой небольшие, очень компактные поселения с какими-то примитивными укреплениями, где жили в основном ремесленники (там всегда находят очень много керамики). Но вымерли ли жители от болезней, или были убиты врагами, разогнали ли их какие-то стихийные бедствия, истребил ли пожар — этого никто никогда уже не узнает. Таких городищ было очень много, и большинство их хирели, затухали. А некоторые стали развиваться и превращаться в города.

Этот процесс, сложный, многоликий, который шел не одно столетие, привел к возникновению государственности. Первая династия правителей государства была норманской. Здесь следует обратить внимание на ту летописную статью, которая сообщает о призвании варягов и о том, что наши предки никак не могли договориться между собой, кто же будет ими править. И тогда собрались все вместе и решили послать к варягам — там так и сказано: «к руси» — придите и владейте. Это была форма создания третьей страны. Какая разница, кто будет? Пусть со стороны, он будет человек непредвзятого мнения. Так все

думали, и вот пришли Рюрик, Синеус и Трувор и вся «русь», то есть, видимо, какое-то конкретное скандинавское племя, к которому Рюрик сам принадлежал; они-то и считаются основоположниками династии, которая впоследствии так и называлась — династия Рюриковичей, и которая пресеклась со смертью царя Федора Иоанновича, младшего сына Ивана Грозного, в конце XVI века (1598 г.). Это были все потомки того Рюрика, который когда-то пришел по просьбе, видимо, каких-то славянских старейшин со своим родом управлять этой, прямо скажем, весьма необычной страной.

Так возникает наше государство. Догосударственный период отражен в русских летописях спустя много лет как своеобразное воспоминание о том, что было, потому что в то время у нас ничего еще не писали. Первые русские летописи стали появляться позже, и туда в первую очередь были внесены вот эти древние предания, которые, вполне возможно, передавались изустно. Конечно, возможно, что были какие-то отдельные миссионеры-христиане, которые что-то записывали. Но были они или нет, мы не знаем. Поэтому так драгоценны для нас эти первые сведения о русской земле, которые находятся в знаменитой древнейшей русской летописи — «Повести временных лет». Конечно, было бы желательно, чтобы все вы эту летопись прочитали. Естественно, не по-славянски — это непосильная задача, а в русском переводе. Тем, кто хочет ограничиться отрывками, предлагаю обратиться к любой хрестоматии по древней русской литературе — везде есть фрагменты из «Повести временных лет». Она не только драгоценный исторический источник, но и первоклассное древнее литературное произведение. Если иметь в виду полный текст, то Академия наук в свое время издала его параллельно с переводом в серии «Литературные памятники», а кроме того, по-славянски в 11-томном издании «Памятники литературы Древней Руси» под редакцией Д. С. Лихачева [7]. Тем, кто серьезно относится к изучению истории, я бы рекомендовал начать с этого.

Все это — как бы предыстория России, общие замечания, которые обычно делают на вводной лекции. Как будет дальше?

Я полагаю строить курс следующим образом. Сначала мы будем заниматься домонгольской Русью, естественно, и до принятия христианства и после крещения. Иногда ее называют «Киевская Русь», потом «Владимирская Русь». Я думаю, что мы будем говорить более обобщенно: домонгольская Русь, т. е. Русь до христианского периода и после принятия крещения.

Затем наступает XIII столетие, а вы знаете, что в этом печальном столетии, в 1237 году начинается нашествие монголов. Прерывается естественное логическое развитие страны, разгромлена вся Южная Русь, с трудом выживает Северо-Восточная. Начинается постепенный рост Москвы, и мы говорим уже о московском периоде, т. е. о событиях XIV, XV, XVI столетий. Затем еще один рубеж: Смутное время. Вызывает оно массу ассоциаций, поскольку мы сами сейчас переживаем приблизительно такой же период.

Дальше — XVII век. На этом кончается Древняя Русь. У нас термин «Древняя Русь» весьма условен. Строго говоря, это Средневековье. Но это время, когда русский язык был совершенно иным, и все памятники были написаны на этом древнем русском языке. И поэтому термин «Древняя Русь» закрепился за периодом X–XVII веков.

Затем происходят реформы Петра, наступает Новое время, XVIII–XIX век, о котором речь впереди.

Теперь о том, что касается нашего курса истории X–XVII столетий. Здесь много проблем: и политическая история, и социальная история, и мы обязательно должны поговорить об источниках, и о вопросах, связанных с историей Церкви, потому что совершенно невозможно отделить гражданскую историю от истории церковной. Для этого периода такое деление вообще, строго говоря, порочно, и если на него идут, то исключительно из соображений удобства: в один курс вместить все невозможно. Поэтому

читают специальный курс истории Русской Церкви и курс как бы светской истории — государственной, гражданской, хотя на самом деле представить себе русскую историю без Церкви могут только большевики. Но считать, что вся русская история это история Русской Церкви — тоже неверно. Россию к жизни вызвало, конечно, крещение Руси — Россию как культурное государство, как государство европейское, как государство с мировой цивилизацией, мировой культурой. Но если ограничиться только житиями святых и перестановкой архиереев на кафедрах, то тогда, конечно, история получится весьма односторонней. Поэтому руководствоваться в нашем курсе «Историей русской церкви» Толстого я вам не рекомендую: она весьма благочестива, стр. 6 но историю вы будете знать крайне своеобразно. Это все равно как если бы я заставил вас читать только светские учебники истории: из них вы бы тоже что-то узнали, но очень относительно. Поэтому если говорить о литературе по церковной истории, то здесь существуют курсы, к сожалению, весьма объемные, но учебников по-настоящему толковых нет. Все эти курсы, конечно, посмотреть надо, но я не требую, чтобы вы их проработали — это немыслимое дело. 12-томную «Историю Церкви» митрополита Макария [8] поднять, как говорится, очень непросто. Е. Е. Голубинского можно использовать только для справок, настолько все там перенасыщено информацией.

Лучшим пособием по истории Церкви является 2-томный курс А. В. Карташева [9].

Лекция 2

НАЧАЛО РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. — летописное известие о призвании варягов. 2. — Возникновение Древнерусского государства. 3. — О происхождении названия «Русь». 4. — Славяне и норманны. 5. — Основной источник по истории Древней Руси. 6. — Предание о путешествии апостола Андрея Первозванного. 7. — Крещение Руси.

«Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готландцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Когда в XVIII в. ученые Российской Академии наук, в основном немцы, стали интересоваться русской историей, эта летописная статья побудила их сделать вывод о том, что государственность здесь была привнесена, что она сама по себе возникнуть не могла, и мы этим обязаны варягам.

Знаменитый автор первого исследования о русском летописании Август Шлецер в своем труде «Нестор» об этом сказал совершенно однозначно. Его работа имеет массу достоинств, но этот вывод, я думаю, неверен.

Первым, кто стал утверждать обратное, а именно, что государственность у нас

образовалась естественным путем, и никто к нам ее не приносил, был М. В. Ломоносов. Аргументы его были довольно разнообразны (помимо чисто логических выкладок, помимо истолкования текстов, он иногда набрасывался на своих оппонентов с «болваном, на коий шляпы вешают», заставляя немецких коллег прыгать в окна, благо было невысоко) В дальнейшем эта полемика не утихла.

Если мы будем внимательно рассматривать аргументы сторон, то убедимся, что те, кто говорят о естественном развитии государственности на Руси, оперируют как раз теми предпосылками, которые объективны, которые «работают» во всех обществах, где возникает государство. Это и разделение общества на определенные социальные группы, и появление богатых и бедных, и образование сословий, или каст, или групп жрецов (в языческих государствах), наконец, общность языка, определенная общность территории, выделение сословия ремесленников, крестьян, горожан, сельских жителей и т. д. В этот же период возникают города, археология дает нам вполне объективную информацию на эту тему, и вряд ли можно всерьез говорить о том, что все это завелось только потому, что здесь появились варяги. Как ни странно, эта полемика бурно расцвела при советской власти, хотя, казалось бы, какое дело было большевикам до этой, в общем-то, старой проблемы? Когда нет врага, его надо выдумать, чтобы получать субсидии для охраны. Так вот, у нас всячески муссировались домыслы «буржуазных» ученых о том, что у нас не могло быть своей государственности, и, естественно, с этим боролись, били этих ученых, писали научные труды и т. д. Думаю, что реанимировать эту проблему теперь нет никаких оснований. Но в тексте, который я вам прочитал, вы, вероятно, обратили внимание на выражение: «пошли за море, к варягам, к руси». И вот слово «русь», название нашей страны, по сей день вызывает немало вопросов.

Происхождение слова, его этимология — это одна проблема. Вторая проблема: какой, собственно говоря, народ или какое племя имели такое название и когда это название распространилось на весь народ, проживающий на территории, занятой восточнославянскими племенами.

Основные работы, которые полезно прочитать на эту тему: первые главы «Истории Русской Церкви» А. В. Карташева, первая половина первого тома Е. Е. Голубинского и, наконец, очень коротко говорится об этом у С. Ф. Платонова, но там не разбирается полемика по этому вопросу. Дело все в том, начну опять-таки с конца, что в советское время пропагандировалась довольно любопытная и весьма несостоятельная гипотеза. Археолог и историк Б. А. Рыбаков писал, что южнее Киева течет река Рось, она впадает в Днепр, и вот там-то жило мощное племя россов, откуда-де и стали называться поляне, стр. 7 древляне и все остальные. Строго говоря, такую точку зрения высказал один ученый еще в XIX в., а Б. А. Рыбаков ею воспользовался.

Критика этой гипотезы сводилась к тому, что во всех русских губерниях есть речка с названием Рось: губерний очень много, а речек еще больше, и поэтому отдавать предпочтение той речке, которая течет южнее Киева, нет никаких оснований.

Но сложнее было другое. Если «Повесть временных лет» нам сообщает о варягах, которые назывались «рось», то арабские и византийские источники совершенно отчетливо говорят о каких-то россах, что живут в районе Керчи или даже в северном Причерноморье. И вот здесь возникает немало проблем. Россы — это славяне или варяги для византийцев и арабов? Для нашего летописца россы — это варяги. Когда же словом «русь» стали называть именно славян, а не варягов?

И вот тут, вероятно, нужно вспомнить о том, что варяги попадали в Европу и Византию разными путями. Один из них был от Скандинавии морем — через Баренцево море, Северное море, Ламанш, дальше по рекам к центру Франции или через Бискайский залив к Гибралтару и в Средиземное море. Это классический путь, и мы знаем, что завоевание берегов западноевропейских государств, Франции и Англии, не говоря уже о Дании, шло именно таким путем. Таким же путем норманны, между прочим, попадали и в Византию, а в Южной Италии они успели даже создать свое королевство. Репутация норманнов была

совершенно однозначной: они славились страшной жестокостью, грабежами и насилиями и поэтому, естественно, доброй памяти о них европейцы сохранить не могли.

Был и другой путь. Как могли узнать о варягах арабы? Очень просто. Если посмотреть на систему рек, которая покрывает Восточно-Европейскую равнину, то мы убедимся, что эта система дает возможность плыть от берегов Балтики на юг. Путь «из варяг в греки», который упоминает летописец, был вторичным. Напомню этот путь: Балтика, Финский залив, Нева, Ладожское озеро, Волхов, Ильмень-озеро, Ловать. Дальше по системе мелких речонок и иногда пешком — до Днепра в районе Смоленска, ну а по Днепру — в Черное море и Византию. Этот путь из варяг в греки знает наша летопись.

Но был и третий путь. В первой части опять-таки шли до Ловати, дальше волоком и маленькими речками переходили в бассейн Волги и уже по Волге спускались вниз. Там можно было попасть через сравнительно небольшое пространство суши в районе современного Царицына с Волги на Дон и опять в Азовское море и Черное море, а можно было плыть дальше и попасть в Каспийское море, ну а тут уже, понятно, связь с арабами. И вот существует гипотеза, которой придерживается и А. В. Карташев, которая сводится к тому, что когда-то, в глубокой древности, варяги — именно восточные скандинавы, т. е. «русь», появились и в Причерноморье и, может быть, где-то в низовьях Волги и уж во всяком случае на Дону, и попали, естественно, куда-то в район Керчи, греческой Пантикапеи.

Именно об этих русских говорят арабские и византийские щеточники. Может быть, и так. Но что за термин «русь»? Что значит это слово?

Е. Е. Голубинский в своей «Истории Церкви» пишет, что еще в конце XIX в. финны называли шведов словом «tuotsi, guossi». Но по-русски произносить «руосси» неудобно, мы будем произносить только первую гласную. Поэтому отсюда, понятно, происходит слово «русь». А почему это слово финское, тоже понятно: потому что нашими непосредственными соседями были финны, и даже в современном русском языке немало финских корней. До сих пор лингвисты думают: «Москва» — это славянское слово или финское? И вот когда эти бравые норманны двигались своими дружинами, то «русские идут» — это перешло сюда, к славянам. Может быть, и так — это вторая гипотеза.

А. А. Шахматов, замечательный русский лингвист, филолог, человек, который дал наиболее ясную систему взаимозависимости отдельных русских летописей, считал — и это гипотеза, может быть, наиболее удачная — что, в сущности, был один процесс, когда норманны, раньше попавшие на юг, встретились с норманнами, которые шли с севера более поздним путем, через Днепр. И слово «русь» как бы второй раз стало распространяться навстречу друг другу и с юга, и с севера. Но в это время здесь уже складывалась государственность, а поскольку династия была сюда приглашена именно из Скандинавии, то мы и стали называться Русью.

Строго говоря, здесь есть еще совершенно четкая, видимо, общеевропейская тенденция. Ведь французы называются по имени германского племени франков, которые когда-то завоевали Галлию. Ведь Англия называется так потому, что опять-таки германское племя англов покорило Британию.

Мы знаем немало случаев, когда какой-то воинственный народ завоевывал территорию, но сам растворялся среди коренного населения и оставлял ему только свое имя. Пример — Болгария. Болгары — славяне, но само слово «Болгария» ничего общего со славянским языком не имеет, это слово — тюркского происхождения.

Если рассуждать так, то логично будет представить себе, что норманны, действительно, дали нам имя, но не более. Все остальное они получили уже в готовом виде сами, т. е. здесь уже имела место определенная государственная структура. Уже делались попытки взимать дань, т. е. проводилась определенная налоговая политика. Уже сложилась определенная иерархия социальных слоев. И все это было только увенчано основанием династии. Типично европейский штамп, если хотите, потому что и в средние века в Европе, как правило, основателями династий в разных королевствах были всегда выходцы из каких-либо других

земель. В этом отношении Русь тоже была европейской страной.

Что остается добавить? Естественно, когда летописец писал о призвании варягов, он использовал либо какие-то уже существовавшие тексты, либо предания. Чтобы потом уже не возвращаться к этому стр. 8 вопросу, я скажу несколько слов о том, что собой представляет древнейшая русская летопись «Повесть временных лет».

Русские летописи — это колоссальное количество рукописных памятников разных веков, которые издаются в нашей стране на протяжении очень большого времени, издаются научно, и все это многотомнейшее издание называется «Полное собрание русских летописей». Издаются они обычно одним форматом, с комментариями не только к каждому слову, но иногда к начерку отдельных букв — вполне понятно, почему. Причем есть летописи, написанные очень давно, и летописи, которые были созданы в XVII в.

Первой русской летописью, дошедшей до нас, была «Повесть временных лет». Это летопись, рассказывающая о происхождении Руси, о первых русских князьях и о событиях X — начала XII века. Таково определение, которое полагается знать.

«Повесть временных лет» была создана Нестором — монахом Киево-Печерского монастыря — около 1113 года. Эта точка зрения наиболее распространена, хотя время от времени появляются работы, где она подвергается сомнениям, потому что все-таки, как ни говори, а автографа Нестора (его подписи в конце страницы) у нас нет.

В своем труде Нестор использовал, очевидно, уже существовавшие летописи. Использовал «Византийскую хронику» Георгия Амаркова, договоры русских князей с греками и, наконец, народные предания.

Предания — это не легенды, это совсем другое. Если говорить о тех письменных летописных источниках, которыми Нестор пользовался, то у него перед глазами был так называемый «Начальный свод» (свод — это тоже какая-то летописная работа, где объединялись летописные известия за какой-то срок) «Начальный свод» датируется 1093–1095 годами. Ученые полагают, что «Начальному своду», в свою очередь, предшествовал так называемый «Свод Никона», созданный в 70-е годы XI в., и существует также гипотеза, что был еще более ранний летописный свод, так называемый «Древнейший» (это условное название), который был написан, вероятно, еще в начале XI в. Но это, повторяю, только гипотеза; никто никогда не видел ни «Древнейшего свода», ни «Свода Никона», ни «Начального свода». Родилась эта гипотеза вследствие анализа текстов — анализа филологического, исторического, поскольку ученые стремились выделить определенные временные пласты и на основе их исследования пришли к таким выводам. Но оригинал Нестора до наших дней тоже не дошел. Повторяю, «Повесть временных лет» была им написана в 1113 г. в Киеве. А спустя три года, в 1116 г., игумен Выдубецкого монастыря (тоже в Киеве) Сильвестр переписал Несторовскую летопись, заново отредактировав только ее последнюю часть, в которой говорилось о событиях 5–10-летней давности. Эти события были, как говорится, у него на памяти, а и та или иная политическая конъюнктура требовала определенных изменений.

Этот вариант (или, как его называют, редакция Сильвестра) дошел до нас полностью в составе «Лаврентьевской летописи».

«Лаврентьевская летопись» — это летопись, написанная монахом Лаврентием в 1377 г., за три года до Куликовской битвы. Лаврентий держал перед собой «Сильвестровскую редакцию», и благодаря тому, что он ее переписал просто автоматически, слово в слово, мы, видимо, получили возможность читать эту древнейшую русскую летопись. Существуют еще два варианта, помимо «Лаврентьевской летописи», — это «Радзивилловская летопись» и летопись по так называемому Московско-академическому списку.

Вообще летописи называются обычно либо по имени писца, что бывает очень редко, либо по месту хранения или находки. «Московско-академическая летопись» — это летопись, которая хранилась в библиотеке Московской Духовной Академии, «Радзивилловская летопись» принадлежала знаменитому магнату Радзивиллу, ее еще иногда называют «Кенигсбергской», потому что она хранилась в архиве Кенигсберга.

«Полное собрание российских летописей» всегда начинается первым томом — «Лаврентьевской летописью» — независимо от переизданий.

Спустя два года после того, как Сильвестр сделал свою редакцию, была сделана еще одна редакция, тоже в Киеве, в 1118 г. Автор этой третьей редакции (первая — Нестора, вторая Сильвестра) нам не известен. Но эта редакция тоже дошла до нас в составе «Ипатьевской летописи», которая была создана в первой четверти XV столетия. Кем — неизвестно. Название свое она получила потому, что хранилась и была найдена в Ипатьевском монастыре. Это — второй том «Полного собрания российских летописей».

Обычно в академических изданиях «Повесть временных лет» публикуют по «Лаврентьевской летописи» с дополнениями в тех случаях, когда это необходимо, с вариантами — по «Радзивилловской» («Кенигсбергской»). Но для анализа текстов всегда привлекают и «Ипатьевскую летопись», и ее списки.

«Повесть временных лет» — основной источник по древней русской истории — состоит из следующих частей. Она начинается рассказом, очень кратким, о мировой истории. Но это, видимо, летописца интересовало мало, потому что здесь всё крайне лапидарно. А дальше он переходит к путешествию апостола Андрея. Поскольку обычно задают на эту тему вопросы, я вынужден на этом остановиться.

Летописный текст о путешествии апостола Андрея выглядит следующим образом:

«Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, и будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья молодые, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп».

Тут сразу же видны два плана: издевательство над новгородцами и путешествие апостола Андрея. Для того чтобы у нас была какая-то система, скажу сразу, что пользоваться благочестивыми рассказами по русской истории, которые широко распространялись в XIX в., но в которых все нивелировалось, не надо. Коль скоро мы с вами занимаемся историей, то как раз нужно стремиться к тому, чтобы вопросов не избегать.

То, что апостол Андрей был в Синопе, — это известно, и здесь проблем не возникает. Известно, что апостолы получали для проповеди какие-то регионы, и что северные страны были уделом апостола Андрея. Но дальше мы вступаем в область загадок, домыслов. Синоп — это южное, малоазийское, побережье Черного моря, оттуда морем по хорошей погоде всего три дня пути до Корсуни, до Херсонеса — современного Севастополя. Тут проблем никаких, потому что греческая колония Херсонес был уже известным городом, и в принципе такое путешествие могло состояться. Но давайте рассуждать дальше. От Херсонеса, действительно, не очень далеко до устья Днепра, и миссионер апостол Андрей, обращавший в христианство дикие народы, вполне мог туда поехать. Но ведь апостолы просвещали страны, просвещали народы. Был ли народ на Днепровских горах в то далекое время? Может, кто-то и жил, но о «народах» речи идти просто не может.

Думаю, что мы должны к подобным преданиям относиться критически, но с

уважением. Относиться критически — это не значит отвергать, говорить о том, что все это чушь и выдумка. Ничего подобного. Но вместе с тем не надо полагать, что раз написано в книге, то, значит, все так и было.

Мнение о том, что эта легенда византийского происхождения была принесена сюда, на Русь, изначально, практически одновременно с крещением Руси, а может быть, даже немного раньше, — пожалуй, это наиболее убедительная гипотеза. Замечательный русский историк церкви В. В. Болотов в одной работе (она увидела свет уже после его смерти) проанализировал известную легенду о путешествии апостола Андрея в Абиссинию, в Африку: она очень похожа на рассказ о путешествии апостола Андрея на Днепровские горы. Почему? Потому что нужно было доказывать перед Римом свои определенные преимущества в вопросах проповеди христианства в новых странах. Вряд ли это появилось в первые века нашей эры, потому что Византия как государство возникает только в середине первого тысячелетия. Следовательно, мы можем говорить о том, что время появления подобных легенд — это время, когда обостряются отношения Константинополя и Рима, когда возникает спор о том, кто имеет те или иные права. Короче говоря, то время, когда дело идет к расколу между церквями. Тогда-то эта легенда и переходит уже, видимо, сначала в какие-то христианские города Причерноморья, а оттуда — на север. А может быть, она была просто перенесена первыми учеными-греками прямо в Киев, или пришла к нам через Болгарию... Мы этого не знаем.

Вместе с тем легенда эта имеет и другой пласт, который тоже очевиден и который является для нас наиболее драгоценным. Сознание того, что даже в то время, когда еще не было народа и государства, это место было предназначено для православного христианского государства, много значило не только для средневекового книжника, но имеет значение и для нас с вами. Это придавало определенный смысл всей дальнейшей истории. Это было своеобразным освящением трудов. И не случайно в русской истории именно с именем Андрея Первозванного так много связано, причем в разные ее периоды. Достаточно сказать, что в 1698 г. первым русским орденом становится орден Андрея Первозванного. Флаг на русских военных кораблях, начиная с XVIII в., — Андреевский флаг; не случайно Петр, первый русский император, знавший русскую историю, таким образом как бы связал предание о путешествии апостола Андрея с реальной русской жизнью. И не след нам от таких традиций отказываться. Следующий вопрос, который надо рассмотреть, это вопрос о крещении Руси.

Все мы отлично знаем, что Русь была крещена в 988 г., но обычно не задумываемся о том, как это произошло и чего стоят те летописные известия об этом событии, которые помещены в «Повести временных лет».

На эту тему существует очень много работ, основные — в трудах митрополита Макария в его «Истории церкви», у Е. Е. Голубинского и А. В. Карташева. Последний — в высшей степени почтенный автор, пожалуй, до сих пор наиболее современный. Достаточно сказать, что эрудиция его была поистине безграничной, к тому же он не стремился действовать, исходя из каких-то политических соображений. Но если вы будете читать митрополита Макария, у вас будет одна точка зрения, а если вы будете читать Голубинского, то она будет иной. Голубинского до сих пор недолюбливают очень многие ортодоксальные богословы, историки Церкви, потому что он скептик, критик. Очень часто от тех летописных статей, которые позволяют их критиковать, Голубинский не оставлял камня на камне и таким образом лишал многих любителей русской старины возможности гордиться замечательной русской историей.

Сама статья летописи, очень большая, о крещении Руси, во-первых, чрезвычайно неоднородна, а во-вторых, она оставляет впечатление, что является огромной вставкой в летопись, а не каким-то естественным логическим ее элементом.

стр. 10

Суть сводится к тому, что Владимир, живший по языческому обычаю, вдруг решил

креститься. Так рассказывает летопись. И тогда к нему стали приходить посланцы от разных религий и расхваливать их. Владимир выслушал всех, но все-таки до конца не был убежден, какая религия лучше — иудейская, православная или католическая. Он послал посольства в разные страны, и они везде побывали, а побывав в Византии на богослужении, не могли понять, на земле они стояли или на небе. Приехали и все это ему рассказали. И еще припомнили, что если бы греческое православие было плохим, то не крестилась бы Ольга, его бабка, «а она была мудрейшей из всех людей».

Раз так, то вопрос решен: надо креститься в православную веру. Но дальше почему-то Владимир отправляется походом на Корсунь, осаждаст этот город, эту Одессу того времени. Греки не сдаются, и он обещает креститься, если возьмет и разграбит город. И он его берет, но не грабит: чтобы спастись от этого ужаса, византийские императоры присылают ему свою сестру. В такой ситуации он крестится в Корсунь и женится. Но все отлично знают, что крестил он Киев, киевлян. Может быть, он и сам там крестился?

Короче говоря, летописная статья содержит некие несообразности, и мы вынуждены задавать массу вопросов, читая ее. Неужели до того, как Владимир пришел к мысли, что необходимо креститься, он ничего о христианстве не знал? А как же Ольга — его бабка? А как же другие христиане, о которых мы можем догадываться только на основании косвенных известий? Конечно, христиан было много. Владимир был незаконным сыном Святослава, сына Ольги, который жил вполне в традициях языческих князей. У него, вероятно, была масса незаконных связей, и от одной такой связи с ключницей Малушей и родился Владимир. Поскольку он был незаконным сыном, то на него обращали меньше внимания. В усобице он завоевал первенство. Сначала два брата воевали друг с другом, потом он выступил на оставшегося в живых как мститель за первого — все это традиционно для языческих усобиц. Что же, он ничего не знал о христианстве? Да конечно знал. Более того, в Киеве уже были церкви. А раз так, то были и церковные служители. А тогда зачем этот чисто литературный рассказ с подробностями об испытании вер? Не вставлен ли он в летопись в определенное время, в определенный год по какой-то определенной инициативе? Зачем путешествие в Византию? Разве о Византии ничего не знали? Воевали десятки лет с византийцами, договаривались, писали договоры, где упоминали о том, в какой церкви что и как.

Спрашивается: почему отсутствует в русской летописи подобная информация? Почему она рассматривается только под определенным углом?

Наконец, история с Корсунем. Если Владимир действительно решил креститься, зачем надо было ходить на Корсунь? Разве в Киеве этого нельзя было сделать? Конечно, с точки зрения язычника, логика очевидна: если возьму город — крещусь, значит, сила Божия налицо. Здесь попытка язычника договориться с Богом, что, собственно говоря, и отличает язычество от христианства. Но есть и другая, чисто политическая, интерпретация событий. Мятеж, который поднял в Византии один полководец, византийские императоры подавить не могли. Они обратились к Владимиру, который и послал своих подчиненных. Они прекрасно справились с поставленной перед ними задачей, но долг платежом красен, а Владимир потребовал вознаграждения соответственно его заслугам, зная, что у византийских императоров сестра на выданье. Те, естественно, не могли выдать христианку за язычника.

И Владимир крестился. Но принцесса Анна не ехала, присылать ее не торопились, и вот тогда последовало нападение на Корсунь. И становится понятным, почему Корсунь не была разграблена. Взять-то он ее взял, а грабить не стал, поскольку уже получил соответствующее подтверждение из Византии. Но это означает лишь, что отношения с Византией были очень близкие; знали о том, что творится друг у друга, очень хорошо и, следовательно, все эти выдумки про посольства и про состязание вер — чисто литературное творчество. Тем более, что оно, действительно, не несет никакой положительной информации и существует только вне времени и пространства. Я бы сказал даже, что это своеобразный литературный штамп.

Но тогда получается интересная вещь. Мы ничего не знаем об архиереях, о церковнослужителях как раз того времени, когда происходит крещение Руси. Зато уже при

Ярославе Мудром начинается счет митрополитов, ведется учет всех событий в митрополии и т. д. И вот здесь А. В. Карташев высказывает замечательную идею: зная, что собой представляют греки, Владимир, когда крестил Русь, вовсе не жаждал получить вместе с крещением церковную зависимость от греков, а иерархию пригласил из Болгарии, которая была тогда независима от Константинополя. И всем было хорошо. Но когда Болгария была разгромлена византийцами, то тут уже Россия автоматически попадала в сферу влияния Константинопольского Патриархата. Митрополиты пошли только греки, а они, имея колоссальное влияние и возможности, естественно, постарались, чтобы в летопись был внесен такой, прямо скажем, своеобразный рассказ о крещении Руси. Тем более что летопись велась в монастыре и летописец обязан был слушаться. Это надо тоже себе представлять.

Здесь много загадочного, и не нужно думать, что это — последнее слово; наверняка будут печататься еще и работы, и труды. И будут работать и историки, и филологи, но в целом история с крещением Руси в свете научных гипотез выглядит совершенно иной, чем та, которая, скажем, излагается у Толстого в «Истории церкви».

Теперь мы можем сказать, что помимо чисто документального материала — а это договоры Руси с греками, где просто идет текст: кто договаривался, с кем, где, каковы условия договора, каковы штрафы, кто, где, что будет хранить, когда приедет торговать, когда отдавать убитых или пленных, по какой стр. 11 цене и т. д. (а летописец располагал этими договорами, текстами и включил их полностью в летопись, следовательно, задолго до написания «Повести временных лет» уже очень многое писалось и хранилось), — помимо очевидно существовавших первых древних летописей, может быть, «Свода Никона» и «Начального свода», имелись и определенные предания, которые так или иначе литературно обрабатывались. И вот одно из них — об апостоле Андрее, второе — о призвании варягов, причем здесь наверняка имеет место рациональное зерно (варяги, вероятно, действительно были призваны, и именно какие-то князья, то есть именно для того, чтобы основать династию). Наконец, литературное сочинение по поводу крещения Руси, рассказ о крещении Владимира в Корсуни, где он, как вы знаете, незадолго до крещения ослеп, потому что откладывал это, и прозрел в момент крещения, погружения в воду, — все это вполне убедительно само по себе. То, что написал по этому поводу А. В. Карташев, должно быть взято, что называется, назубок, и в «Повести временных лет» соответствующие статьи должны быть прочитаны.

Лучшее издание «Повести временных лет», наиболее для вас доступное, содержится в первом томе «Памятников литературы древней Руси» (Москва, 1978 г.). Это замечательное издание, осуществленное по инициативе и под редакцией Д. С. Лихачева, хорошо тем, что имеет параллельный текст: славянский, древний, и академический перевод. Перевод Д. С. Лихачева. Это очень хорошо сделано, с обстоятельным комментарием. Конечно, можно взять академическое издание в «Литературных памятниках», но это издание — редкость. Там очень большие комментарии — это чисто научное издание. Существуют, конечно, издания отдельные — фрагментами, в хрестоматиях по древнерусской литературе.

Лекция 3

«РУССКАЯ ПРАВДА»

1. — Юридические памятники Древней Руси. 2. — «Русская Правда». 2а. — Краткая редакция. 2б. — Правда Ярослава. 2в. — Правда Ярославичей. 3. — Пространная редакция. 4. — Церковный устав князя Владимира. 5. — Источники церковного устава. 6. — Значение древнерусского законодательства.

Сегодня я постараюсь рассказать о двух памятниках древнерусского законодательства — о «Русской правде» и «Церковном уставе» князя Владимира. Я прошу вас быть внимательными и стараться записывать как можно больше, потому что в учебниках подробного изложения на эту тему нет. До революции эти памятники изучались на спецкурсах, которые были посвящены истории права, чрезвычайно подробно и основательно. В советское время «Русская правда» изучалась в основном с двух позиций — как источник по классово-борьбе в древней Руси или как источник по истории социально-экономических отношений (это считалось более научным), т. е. кто чем владел, кто как покупал, платил штрафы и так далее. В лучшем случае изучался состав общества. Но именно в свете этой своеобразной традиции в учебниках обычно говорилось лишь о том, что существовал такой законодательный памятник, было законодательство, основанное на нормах, зафиксированных в «Русской правде». Этим обычно все кончалось.

Итак, древнерусское законодательство можно рассматривать под двумя углами зрения. Первый: как источники по истории права, т. е. не связывая непосредственно с жизнью общества, с проблемами социальными, экономическими, политическими, с церковной историей. Второй вариант, второй угол зрения — как источники именно по социально-экономической истории общества, как изображение тех или иных политических событий. Для нас это, конечно, гораздо важнее.

Само слово «правда» в древней Руси имело значение «суд», «закон». (Насколько это понятие деградировало, я думаю, очевидно для всех, кто держал в руках газету с таким названием). Открыты эти юридические памятники были всего в XVIII веке, то есть тогда, когда стала созидаться научная история России. С того времени не утихает и полемика вокруг этих памятников. Представьте себе, что до сих пор ученые спорят о том, когда возникли эти памятники, в какой среде и где территориально.

«Русская правда», т. е. памятник древнерусского законодательства, дошла до нас в трех редакциях. Редакции эти выделили ученые, и мы этой устоявшейся классификацией воспользуемся; «Краткая правда», или «Правда в краткой редакции»; «Пространная правда», или «Правда в пространной редакции»; «Сокращенная правда», или «Правда в сокращенной редакции». Сразу оговорюсь, что «Сокращенную правду» мы с вами рассматривать не будем, поскольку она никогда не имела значения законодательного акта. Это довольно поздняя компиляция из «Пространной Правды», и она уже не имела значения для социальной и политической жизни Руси.

«Русская правда в краткой редакции» состоит из нескольких частей. Так называемая древнейшая часть («Древнейшая правда», или «Правда Ярослава») — это статьи с 1 по 18. Затем идет так называемая «Правда Ярославичей», т. е. закон детей Ярослава Мудрого. Это статьи с 19 по 41. И, наконец, две отдельные статьи, два отдельных закона — это так называемый «Покон вирный» (статья 42) и «Урок мостникам» (статья 43). «Покон вирный» — это статья, которая трактует о том, сколько должен получить княжеский чиновник за свою службу, где он должен рассудить людей или собрать налоги, установить штрафы и так далее — т. е. вопросы его материального обеспечения. Что касается «Урока мостникам», то это относится к тем, кто либо мостил дороги и реки, либо собирал пошлины за проезд по этим мостам, т. е. прямой связи с «Правдой Ярослава» и «Правдой Ярославичей» здесь мы не видим.

стр. 12

Итак, я открываю текст, коротко перечисляю некоторые статьи и пытаюсь их прокомментировать.

Первая статья «Правды Ярослава»:

«Убиет муж мужа, то мстить брату брата или сына, или отца
либо отцу сына или брату чада, либо сестрина сына. Аще не будет
кто мстя, то сорок гривен за голову. Аще будет русин, либо гридин,
либо купчина, либо ябедник, либо мечник, аще изгой будет, либо

славянин, то сорок гривен положить за ны».

Сразу бросается в глаза, что здесь сохранен обычай кровной мести: если кто-то будет убит, то за него можно мстить, причем оговаривается круг ближайших родственников, которые имеют право ответить кровью за кровь. Это первая часть статьи. Вторая говорит о штрафе: за убийство — сорок гривен, независимо от того, кто ты будешь в социальном отношении: гридин, купчина, ябедник (свидетель), мечник (оруженосец). Или по национальности: русин, славянин, т. е. варяг, или представитель коренного населения — все равно сорок гривен.

Вместе с тем здесь есть две фразы там, где говорится о штрафе: «...то сорок гривен за голову», так называемое головничество. Ученые полагают, что в данном случае говорится о том, что сорок гривен надо уплатить потерпевшей стороне, т. е. родственникам убитого. Вторая часть этой статьи кончается указанием: «...то сорок гривен положить за него». Здесь можно видеть намек на то, что в данном случае сорок гривен надо уплатить князю за соделанное преступление. Но это еще не все. Зачем в древней Руси был сохранен обычай кровной мести? Ведь Церковь этого не допускала. Вместе с тем, нет никаких оснований думать, что этот памятник был составлен до крещения Руси. Очень просто: традиции живучи. Конечно, можно было бы издать указ (сейчас бы это сделали, вероятно) и отменить кровную месть. Естественно, никто об этом не подумал, поскольку понимали, что традиция должна быть сохранена. Вместе с тем предлагали на выбор — либо мстить, либо получить деньги. Можно полагать, что здесь налицо влияние византийского права, т. е. христианского, и таким образом пытаются эту традицию выбить, может быть, достаточно циничным методом, но вполне реальным. Оттого, что убьешь убийцу, не разбогатеешь. Но если ты предпочтешь получить деньги, то это может сильно изменить твое материальное положение, потому что сорок гривен — это очень много. Наконец, если подходить к этому научно, то здесь встает вопрос: а что это — расправа досудебная (убийство за убийство) или послесудебная? Если у тебя убили, скажем, отца и ты знаешь, кто убил, то ты сразу отправляешься к нему и вершишь возмездие? Или же после княжеского суда у тебя есть право убить того человека? Статья об этом не говорит ничего. Но такой вопрос можно поставить.

Следующие статьи трактуют вопросы, связанные с нанесением побоев, насилием, угрозами, и определяют размер штрафа за соответствующее деяние.

«Или будет кровав муж»,

то есть, раз есть следы побоев, скажем, на лице, не нужен тогда свидетель.

«Аще не будет на нем знамения некоторого же»,

т. е. если ты побит, а на тебе это незаметно и нет свидетелей, то дело не возбуждается.

«Ежели себе не может мстити, то взять ему за обиду три
гривны».

Если же доказана вина, то с преступника берутся три гривны в пользу потерпевшего.
Третья статья:

«Аще ли кто кого ударит батогом либо жердью, либо пястью
или чашею, или рогом, или тылеснию, то двенадцать гривен» —

речь идет об оскорблении действием с использованием каких-либо предметов.
Четвертая:

«Аще утнет мечом, а не вынем его, либо рукоятью, то двенадцать гривен за обиду».

То есть этот не вынутый меч или рукоять меча приравниваются к оглобле, к батогу, жерди.

«Еже ли утнет руку и отпадет рука либо усохнет, то сорок гривен» —

то есть членовредительство приравнивается к убийству.

«Аще быть нога цела или начнет хромати, тогда гада смирят».

Открываем комментарий к шестой статье. Здесь говорится о том, что текст этот не ясен. Ну, было бы слишком хорошо, если бы дошедший с XI в. документ был бы ясен во всех деталях. Вероятнее всего, что здесь имел место тоже какой-то штраф за членовредительство. Если за отрубленную или изувеченную руку полагается платить штраф, то, вероятно, за ногу полагалось не меньше. Но вот, между прочим, за отрубленный палец — всего три гривны. Зато усы и борода ценились в двенадцать гривен. Кто вынет меч и будет только угрожать, но не ударит, то «гривну положить».

Дальше речь идет о краже лошадей, о укрытии беглых рабов, о клевете, о драке. Этим все кончается. Всего 18 статей. Но ведь разновидностей преступлений гораздо больше, скажете вы. Однако мы здесь имеем дело с первыми русскими законами — с первыми писаными законами. Вероятно, какие-то традиции были и помимо этого. «Древнейшая правда», или «Правда Ярослава», была очень скоро дополнена его детьми, то есть появилась вторая часть — «Правда Ярославичей». Это статьи с 19 по 41.

Здесь речь уже идет о другом. Здесь налицо разработка отдельных положений, которые уже были сформулированы, но если там в первой статье говорится об убийстве вообще, то здесь мы вдруг читаем, что за убийство, скажем, княжеского дружинника — восемьдесят гривен. За княжеского тиуна (домоправителя) — то же самое. Дальше судят по прецедентам:

«А конюх старый у стада» (то есть старейшина конюхов, главный конюх), если он будет убит, «то восемьдесят гривен». «Яко устави Изяслав в своем конюхе, его же убиле Дорогобудьци»,

то есть в данном случае ссылка на уже имевшийся случай.

«...в сельском старосте...» — двенадцать гривен», «а в рядовници князем пять гривен»

(рядович — это тот, кто заключил ряд, а ряд это договор),

«а в смерде и холопе — пять гривен».

Если уведут чужого холопа, или раба, то платить за обиду двенадцать гривен (тому, у кого увели). Но уже есть и новые статьи: за разорение или кражу ульев, за убийство смерда или оскорбление действием, за распашку чужой межи, за кражу лодок, домашней птицы. За собаку, ястреба, сокола — три гривны: они ценились гораздо больше, чем домашняя птица.

«Аще убьют татя на своем дворе, либо у клети, или у хлева, то и убит, аще ли до света держат, стр. 13 то вести его на княж

двор; а еже ли убьют, а люди будут видети связан, то платити в нем».

Тать — разбойник, который взят с поличным ночью, может быть убит тут же: это закон. Но если он не был убит до наступления утра, то он убит уже быть не может без княжеского суда. Если он будет убит в такой ситуации, то убийца обязан платить за него князю. Здесь мы видим примитивное разграничение процессуальных норм. Вот что такое «Краткая правда».

«Пространная правда» значительно больше. Она содержит гораздо больше статей и, как полагают некоторые специалисты, фактически состоит из нескольких законодательств, каждое из которых достаточно кратко, но вместе они создают довольно законченное произведение.

Итак, в «Пространной правде» 121 статья плюс несколько дополнительных. В основу «Пространной правды» была положена «Краткая правда», но более разработанная. «Краткая правда» в составе «Пространной правды» занимает 52 первые статьи. Затем идет «Устав князя Владимира Мономаха» в качестве продолжения. Это статьи с 53 по 66. Затем, по определению ряда ученых, следует устав черниговского князя Всеволода Ольговича — с 67 по 85 статьи. В этом уставе рассматриваются социально-экономические отношения феодальной вотчины, т. е. здесь речь идет не о государственных преступлениях, а именно о том, что характерно для вотчины феодальной того времени. Наконец, идет устав о наследстве (статьи с 90 по 106) и устав о холопстве (статьи со 110 по 121).

Где возникли эти памятники? Если иметь в виду территорию, то спорят и, вероятно, будут долго еще приводить те или иные доказательства в пользу либо Киева, либо Новгорода. Это не значит, что в данном случае мы имеем дело только с киевским законодательством, которое действовало только в Киеве, или, наоборот, с новгородским. То, что нормы «Русской правды» действовали вообще в древней Руси, — несомненно. Конечно, не в деревнях, где, может быть, об этом ничего и не знали. Но в городах, видимо, это было распространено, а городов было много. Но где начало складываться это законодательство — в Новгороде или в Киеве? Сказать сложно. В какой среде? Кто был инициатором создания? Одни исследователи видят в этом законодательстве княжескую инициативу, т. е. князь, верховный судья государства, и был непосредственным инициатором создания этих законов. Но В. О. Ключевский, скажем, говорил о том, что, видимо, «Русская правда» сложилась в чисто церковной среде, а другие ученые конца XIX века высказывали мнение, что это — творчество частных лиц (видимо, каких-то феодалов), которые были заинтересованы в создании соответствующего законодательства. Однозначно ответить на вопрос нельзя.

Теперь последний вопрос: когда возникли краткая и пространная редакции «Русской правды»? Совершенно очевидно, что «Древнейшая правда» («Суд Ярослава»), могла возникнуть только при жизни Ярослава Мудрого, а вернее сказать, в его правление. Вероятно, так оно и было, т. е. оформлена она была в период его княжения — в первой половине XI века. Правда, некоторые исследователи полагают, что ряд статей, вероятно, возник еще раньше, может быть, даже в X веке, что вполне возможно. Также очевидно, что «Правда Ярославичей», которая продолжает «Древнейшую правду», могла возникнуть только после смерти Ярослава Мудрого, т. е. в третьей четверти XI столетия. Что же касается пространной редакции, то это, видимо, уже XII век, хотя и существует мнение, что она относится к началу XIII столетия.

Теперь перехожу к следующему — Церковному уставу князя Владимира Святославича.

Устав вошел в науку в XVIII веке, он был открыт в 1775 г. ученым Миллером, знаменитым русским археографом. Довольно скоро стало известно несколько вариантов этого устава, и знаменитый ученый, археолог митрополит Евгений Болховитинов на основании изучения этих списков и вариантов пришел к выводу, что этот устав был

составлен именно при князе Владимире Святом и именно им дан Церкви.

Существуют два наиболее древних варианта, две наиболее древних редакции — так называемая Оленинская и Синодальная. По Оленинской редакции, текст состоит всего из 11 статей, которые звучат следующим образом.

Первая — это инвокация, т. е.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Вторая:

«Се я, князь великий Василий, нарецаемый Владимир, сын Святослава, внук Игоря и блаженной Ольги, восприял есмь крещение святое от греческих царей Константина и Василия...».

Третья:

«И потом летом минувшим создав церковь святую Богородицкую и дав десятину к ней во всей земле русской от всего суда 10-тый грош и с торгу 10-тую неделю, из домов на всякое лето 10-е всякого стада и всего живота чудной Матери Божией...».

Понятно, почему первая знаменитая церковь Киева называлась десятинной — потому что именно ей Владимир определил десятую часть своих доходов.

«И потом, возрев в греческий «Номоканон» и обретох в нем, юже не подобает сих тяжь».

То есть, рассмотрев греческий «Номоканон» — сборник церковных законов, он, князь, определил, что существует область, куда его княжеская власть ступать не должна, т. е. область отношений, где все должна определять Церковь.

Пятая:

«И сгадав со своею княгинею Анною и со своими детьми и дал есмь святой Богородице, митрополиту и всем епископам...».

Шестая:

«Аты не ступают ни дети мои, ни внуцы мои, ни род мой в люди церковные и во все суды».

То есть, посоветовавшись с княгиней Анной, со своими сыновьями, он дал митрополиту и епископам право судить по определенным вопросам. В шестой статье говорится о том, чтобы в эту область не вступали ни дети, ни внуки, ни вообще его родичи.

Седьмая:

«И по всем городам дал есмь и по погостам, и по свободам, где крестючи суть».

Восьмая:

«А кто вступит на мое дание, суд мне с тем пред Богом, а митрополиту проклинати его собором».

Все чрезвычайно последовательно и, я бы сказал, удивительно конкретно. Естественно, здесь влияние византийского законодательства ощущается куда сильнее, чем в гражданском кодексе.

Девятая:

«Дал есмь...» (т. е. что же может судить церковный суд, какие вопросы может разбирать) «Дал есмь распусты, смильное, заставание, умыкание, пошибание промежи мужем и женою о животе, или о племени, или стр. 14 о сватовстве поимутся, ведство, урекание, узлы, зелье, еретичество, зубоедение, иже отца и мать бьют или сын и дочь бьетсяя, иже истяжуются о заднице».

Перевод (что же мог разбирать церковный суд): разводы, сожительство без церковного благословения, супружескую неверность, увод невесты, насилие над женщиной, споры между мужем и женой о имуществе или о разводе, вопросы, связанные со сватовством, колдовство, еретичество. Что касается зубоедения, то об этом спорили и, вероятно, еще будут пытаться понять, что это значит. Самая примитивная точка зрения — та, что во время драки кто-то кого-то укусил. Хотя такое наверняка быть могло, но вряд ли стоит об этом говорить специально. Речь идет о ритуальном языческом каннибализме, — это другая точка зрения, и она гораздо серьезнее. Наконец, существует точка зрения о том, что здесь речь идет о упырях, которые-де пьют кровь. Но думаю, что, учитывая чрезвычайную конкретность всего предыдущего, здесь скорее нужно принять вторую точку зрения, т. е. что речь идет о каком-то языческом ритуале. Насилие над отцом и матерью, соответственно драки между братьями и сестрами и споры о наследстве — также прерогатива церковного суда.

Десятая статья: митрополичьи и люди церковные. Кто же это такие — люди, которым полагается судиться у епископа или митрополита?

«Игумен, игуменья, поп, попадья, поповичи, чернец, черница, дьякон, дьяконова, проскурница, пономарь, вдовица, калика, стороник, задушный человек, прикладник, хромец, слепец, дьяк, все причастницы церковные».

Последняя статья:

«Аще кто внидет в вину, судить всех митрополиту и епископу...»

То есть, все они судятся только у церковных властей.

Синодальная редакция значительно больше (в ней 19 статей) и она более подробно толкует фактически то же самое. Повторяя в основном статьи Оленинской редакции, Синодальная просто более подробно их развивает и дополняет. Например, та, где перечисляются преступления, которые подсудны церковному суду, будет звучать так: разводы, незаконное сожительство, измена супружеская, насилие, умыкание невест, опять же споры об имуществе, вопросы, связанные с ведовством, волхованием, опять же чародейство, еретичество, оскорбление, опять же зубоедство, оскорбление действием отца и матери и, соответственно, наоборот — детей родителями, сноху бьет свекровь, братья и дети спорят об имуществе, церковная татьба, т. е. ограбление церкви, надругательство над покойником, «крест посекут», т. е. об истреблении креста на кладбище, введение скотины или собак в храм, нечаянное членовредительство третьего лица во время драки, скотоложство и убийство новорожденного младенца женщиной.

Что же послужило источником для церковного устава князя Владимира? Основных источников было четыре: так называемая «Эклога» — византийский свод законов VIII века; «Закон судный людям» — южнославянская переработка «Эклоги» с дополнениями в виде покаянных правил; «Прохирон» — свод византийских законов конца IX столетия, и, наконец, «Извлечения из Пятикнижия Моисеева».

И «Эклога», и «Прохирон» были светские, гражданские своды. Но в них содержались нормы гражданского, семейного и уголовного права. Поэтому не нужно говорить о том, что именно они целиком вошли в эти краткие редакции устава. Они служили в качестве источников, но оттуда было заимствовано далеко не все. При этом нужно оговорить, что фактически сразу изменялись нормы наказания.

Следует отметить, что византийское законодательство в области именно наказаний за уголовные и другие преступления было чрезвычайно суровым. Помимо смертной казни, которая была введена в качестве наказания, там сплошь и рядом применяется зверское членовредительство: отрезание ушей, носа, рук, языка и т. д. И надо сказать, что византийцы весьма часто прибегали именно к таким способам наказания — в сочинениях византийских авторов это встречается сплошь да рядом. Я уже не говорю о принудительном оскотлении и прочем.

На Руси ничего этого не было. Об этом упоминалось достаточно формально, и никогда такие наказания не применялись. Страх, церковное наказание, т. е. епитимия — вполне возможно, в виде какого-то тюремного заключения — за отдельные преступления. Может быть, их впоследствии стали называть принудительными работами — все это могло иметь место. Но членовредительства в древней Руси не было. В этом отношении русские законы, русские обычаи были куда более гуманными.

Что же касается Византии, то здесь наверняка можно видеть вообще восточную традицию. Вы, вероятно, знаете, что до сих пор в ряде мусульманских стран за определенные виды преступлений отрубают руки, побивают камнями и т. д. (Я, правда, с трудом представляю себе эту процедуру, где это делают — в хирургических клиниках или по-прежнему всенародно, на стадионах, но тем не менее, там это есть. В этом отношении на Востоке весьма специфическая традиция). Трудно себе представить, чтобы такое было у нас. В Китае, как известно, расстрелы показывают по телевидению — правда, только до момента выстрела. Но все остальное, пожалуйста, смотрите: считаются, что это имеет воспитательное значение. К счастью, у нас ничего подобного нет.

Получается, что в древней Руси было гражданское законодательство, уголовное и церковное. Семейное право фактически было все в руках Церкви, и вопросы, связанные с семьей, решались церковным судом. Традиция эта, между прочим, дожила практически до XX века, поскольку вопросы, связанные с разводом, решались всегда через Церковь. Уголовный суд был всегда прерогативой князя. Что касается гражданского права, то мы видим, что здесь одни вопросы решал князь, а другие — Церковь, т. е. до известной степени они здесь дублировали друг друга.

Теперь, после того, как мы немного познакомились с основными статьями древнерусского законодательства, мы можем, вероятно, заключить, что действительно, во многом источником права был авторитет княжеской власти и авторитет Церкви, что в основе древнерусского права лежали, с одной стороны, обычаи, а с другой стороны — нравственные принципы христианства. И, в-третьих, русское законодательство стр. 15 стремилось, как, вероятно, это должно делать любое законодательство, обеспечить (вернее, защитить) жизнь и права людей, не нарушающих законы, и покарать тех, кто действует против общества и отдельных людей, нарушая законы. В данном случае это законодательство действительно было своеобразным компромиссом в пользу людей, жизнь которых определялась какими-то нравственными принципами. В данном случае мы видим, что законодательство является насилием только по отношению к преступникам. Значит, мы можем, вероятно, сделать вывод о том, что нельзя так определять русские законодательные кодексы, что они обеспечивали

только права имущих классов, защищали их интересы и способствовали угнетению классов неимущих. Такая вульгарная трактовка законодательства, конечно, не должна иметь места.

Источник по этой теме: «Российское законодательство X-XX веков». Том 1 — «Законодательство древней Руси». Купить это невозможно, потому что этот том вышел в 1984 году (тираж 25 тыс. экз., издательство «Юридическая литература») [10], но и в Исторической библиотеке, и в Румянцевской это все есть в должном количестве экземпляров.

Лекция 4

ХОЗЯЙСТВО ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

1. — Город и городище. 2. — Численность городов. 3. — Причины возникновения городов. 4. — Город и ремесло. 5. — Купечество. 6. — Численность населения. 7. — Топография города. 8. — Церковь в древнерусском городе. 9. — Городское самоуправление. 10. — Иностранцы в русских городах. 11. — Значение древнерусского города.

Сегодня речь пойдет о городах домонгольской Руси: о том, какие города нам известны, что они собой представляли, кто их населял, чем занималось население и какое это имеет значение.

Итак, само слово «город» — славянского происхождения. Оно существует практически во всех славянских языках и означает «укрепленное место». Город, городить, огораживать, ограждать, загородка, ограда, огород — везде один и тот же корень, и везде имеется в виду так или иначе укрепленное, защищенное оградой, каким-нибудь укреплением место.

Я уже говорил о том, что возникновение городов — это одна из необходимых предпосылок процесса возникновения государства. Следовательно, уже в силу этого мы должны понять, что собой представляют древнерусские города, когда они стали возникать, сколько их было и сколько нам известно.

Вторым аспектом этой проблемы является то, что мы, горожане, с трудом можем себе представить, что такое древний русский город. Жить в Москве — это значит иметь абсолютно искаженное представление вообще о жизни, потому что, слава Богу, таких мегаполисов больше нет. Все остальные города значительно меньше, а нормальные города — просто небольшие. Поэтому так трудно понять, что собой представлял древний город, современному человеку, в особенности живущему в Москве, ибо он подсознательно переносит свои представления о Москве на древний город. Конечно, он понимает, что в древнем Киеве не было метро, а во Владимире не ходил троллейбус. Но помимо этих вполне очевидных фактов, все остальное покрыто мраком неизвестности, и нам с вами надо попытаться этот мрак хотя бы немного рассеять, потому что иначе у вас будет искаженное представление об историческом процессе, о жизни в древней Руси.

Итак, мы знаем, что скандинавские источники называли Россию страной городов, употребляя при этом слово, которое звучит по-нашему «гардарики». Наши историки очень любят ссылаться на эти саги и как раз приводить это слово в качестве доказательства того, что у нас городов было много.

Баварский анонимный хронист IX века (его иногда называют «баварским анонимом»)

насчитывает города сотнями, причем размещает их приблизительно на территории тех или иных племен. Так, он говорит о том, что у бужан было 230 городов, на территории уличей — 318 и т. д. Получается, что кроме городов ничего в то почтенное время — в IX веке — не было.

Но у нас есть достаточно разработанный археологический материал, из которого следует, что городище — это одно, а город — это другое. Городище — это эмбрион, который еще не развился в полноценный организм. Городище — это место, где возникает какое-то селение, которое может превратиться в город. Оно очень маленькое, там есть какое-то укрепление типа вала или частокола, в нем живут какие-то ремесленники. Площадь территории подобного городища очень невелика; как правило, оно расположено на берегу реки или озера. Этих городищ действительно насчитывается в археологии сотни. Очевидно, что на месте наиболее развитых древних городов вначале были такие городища. Но эти сотни городищ не развились, не стали городами. Население их либо вымерло, либо ушло на новые места, либо погибло вследствие эпидемии, либо было уведено в плен врагами — короче говоря, почему-то это место захирело. Поэтому о городищах мы больше говорить не будем, а поведем речь о тех городах, которые существуют и сейчас и история которых насчитывает, действительно, много веков.

Итак, проще всего взять русские летописи и посчитать по названиям города домонгольского периода. В период с IX по X век упоминается 23 города. Например, Белоозеро упоминается вообще без даты — оно стр. 16 относится к древнейшим городам. Киев опять-таки не имеет даты, т. е. он один из самых древних городов. То же самое и Новгород. И хотя он впервые упомянут около 862 года, очевидно, что эта дата имеет искусственный характер. Муром, Псков, Полоцк, Ростов, Смоленск, Чернигов — вот только немногие из самых древних русских городов. Они упомянуты впервые в IX–X веках. XI век дает уже 58 новых названий, XII — 134, первая треть XIII столетия (до 1237 года) дает нам 47 новых наименований. Значит, проделав нехитрую арифметическую операцию, мы увидим в период с IX по XIII века на карте более 250 городских образований. А ведь это еще не все города. Так, например, мы знаем, что первые упоминания Суздаля встречаются значительно позже, чем он возник. Галич впервые упоминается в XII веке, но этот город, бесспорно, один из самых древних. Значит, много городов не упомянуто в летописи по тем или иным причинам. Значит, действительно древняя Русь была страной городов.

Что представлял собой город, если провести, как говорится, предварительный осмотр?

Это было, действительно, укрепленное место, часто на берегу реки или озера, обнесенное валом, по которому сверху шел частокол или деревянная небольшая стена, и чаще всего этот город состоял из двух частей. На высокой стороне, на горе, помещался детинец, или княжеский замок (впоследствии мы будем называть подобную постройку кремлем). Внизу, на подоле, как говорили уже тогда, ближе к пристани, ближе к дороге селился простой люд, т. е. ремесленники, обыватели. Подол — это наименование по характеру местности: низко. Если иметь в виду характер населения, то посадом называлось то, что окружает детинец, что разрастается вокруг него. Люди селились рядом с княжеской резиденцией, монастырем, кремлем и т. д. Почему же русские города возникали в таких совершенно определенных местах? Существуют две гипотезы. Они, строго говоря, не совсем противоречат друг другу, их можно принять обе. Первую гипотезу оставил В. О. Ключевский. Он считал, что все русские города — это результат развитой торговли: города возникали в местах пересечения торговых путей. Действительно, наложив карту наших городов на физическую карту, мы увидим, что большинство из них расположены по течению рек, а река в древней Руси была наиболее надежным путем сообщения. Но ведь ремесленники, купцы, дружинники, бояре и т. д. — население города — с трудом могут относиться к категории земледельцев. Если у них и были какие-то огороды, то все-таки полноценными земледельцами их не назовешь. Следовательно, город зависит от земледельческой округи. Тогда возникают вопросы: что это за округа, какова ее территория,

как определить ту зону, которая кормила данный город? Кормила в прямом смысле слова — отсюда привозили для продажи сельскохозяйственные продукты, пригоняли скот.

Здесь мы вступаем в область некоторых догадок, но все-таки, я думаю, можем рассуждать следующим образом. Представьте себе, что вы крестьянин и собираетесь везти излишки своей продукции на продажу. Какой путь для вас будет реальным? Несколько ли дней пути, день, несколько часов? Конечно, лучше всего, если ехать придется недолго. Поэтому обычно округой, которая кормила город и от которой зависел этот город, центром которой этот город являлся, можно считать, вероятно, территорию в радиусе нескольких часов езды на телеге. На заре крестьянин отправлялся в путь, чтобы поспеть к открытию торгового — значит, 2–3, максимум 4 часа езды, чтобы продать и вернуться. Значит, это — в зависимости от российского пространства, от обилия водных преград, от непроходимости лесов — 10, 20, максимум 30 километров. Естественно, нельзя поставить конец циркуля в какой-то центр и обвести одинаковым радиусом территорию, надо учитывать и характер местности.

Таким образом, город — это своеобразный административно-хозяйственный центр. Город не управлял округой, а был тем местом, где происходил обмен сельскохозяйственных продуктов на продукты ремесленничества, и наоборот — где была возможность сбыть и ту и другую продукцию. Мы с этим еще столкнемся, когда будем разбирать такое сложное явление, как феодальная раздробленность. Древнее государство не могло долго быть единым именно потому, что не было прочных хозяйственных связей в масштабах всей страны. Никому в голову не пришло бы возить зерно из Чернигова в Киев при чрезвычайном удобстве водных путей. Зачем? Это слишком далеко — 90 километров пути.

Поэтому я думаю, что города можно действительно рассматривать как следствие развития торговли, но тогда предметами этой торговли могли быть предметы роскоши или те товары, которые выделывали ремесленники, чтобы можно было эти товары в относительно небольшом количестве перевезти, а следовательно, удобно было транспортировать и вместе с тем получать максимальную выгоду. Везти мешки с зерном из Смоленска в Полоцк — вряд ли можно себе представить такое.

Итак, одну точку зрения, где превалирует взгляд на город как на следствие развитой торговли, высказывал В. О. Ключевский. Другое мнение: город — это административно-хозяйственный центр округа. Кто же населял город? Если взять схематично, то это князь, бояре, дружинники, лучшие люди, купечество (тоже, конечно, неоднородное), ремесленники и, наконец, городской «плебс», пролетарии, голытьба, лихие гулящие люди и т. д. Нас, естественно, последняя категория интересов не будет. Что касается князей, мы об этом еще будем с вами беседовать, тогда же придется говорить и о боярстве, частично — о дружинниках. Сегодня же ограничимся разговором о купцах и ремесленниках.

Что собой представляло ремесло в древней Руси? Каков был масштаб ремесла, сколько было ремесел, кого можно считать ремесленником? Есть классический труд Б. А. Рыбакова, который так и называется — «Ремесло в древней Руси» [11]. Он написан на основании не столько летописных данных, хотя они стр. 17 там используются, сколько на основании данных археологии и истории искусств. Рыбаков насчитывает 64 специальности и объединяет их по группам. Но тут-то и возникает немало вопросов. Например, кузнецы — может быть, одна из самых распространенных специальностей на Руси. Но ведь были кузнецы, которые ковали, допустим, серпы, подковы. Кузнецы же делали щиты и мечи, украшения из серебра и золота (они назывались златокузнецами). Те, которые делали оружие, назывались оружейниками. А городские кузнецы изготавливали в основном хозяйственную утварь. Это все — одно ремесло или разные ремесла? Разные, конечно. Совершенно очевидно: кольцо сковать сложнее, чем лопату или подкову.

Так вот, когда речь идет о ремесле, надо точно чувствовать ту грань, которая отделяет

одно от другого. Даже понятие ювелирного искусства очень неоднородно: изделия бывают из серебра, а бывают из мельхиора или из золота. Обработка драгоценных камней, шлифовка — это, вроде бы, одна специальность, но ведь потом их вставляют в металлическую оправу, которую, естественно, делает златокузнец. Совершенно очевидно, что некоторые специальности как бы дополняют одна другую, но не менее очевидно, что некоторые существовали самостоятельно. Например, кожемяки, т. е. кожевники, которые готовили кожу для дальнейшей работы — вряд ли эти люди были башмачниками или сапожниками. Они просто заготавливали сырье. Это была невероятно трудная работа, очень специфическая, и недаром в русском эпосе кожемяки — известные силачи. В рассказе о том, как Владимир ходил на печенегов, упоминается парень 16 лет. Однажды мимо парня бежал бык, парень его ухватил и вырвал кусок кожи с мясом. Этому парня кликнули, чтобы он попытал счастья в поединке с печенегом. «И удавил он печенежина», — добавляет летопись.

Или такое распространенное ремесло, которому все мужчины до сих пор так или иначе отдают дань — ремесло плотника. Можно еще употребить термин «древodelь». Кто здесь подразумевается? Те, кто строят дома (клетки рубят, церкви, терема) или те, кто ставит городские стены? Те, которые делают лавки и вообще нехитрую мебель, или те, кто при помощи топора вырезают деревянную посуду? Да, русский профессионал мог из куска липы топором вырезать ложку. Владение топором было настолько виртуозным, что это трудно себе представить. Еще в конце XIX века устраивали спектакль: человек брился топором. Поэтому топор в руках русского человека бывал и боевым оружием, и оружием для охоты (на медведя шли с топором и рогатиной), и, наконец, это был необходимый инструмент. Так сколько же ремесел скрывалось под таким общим названием, как плотник, или древодел? Вероятно, много.

А каменщики? Вроде бы все ясно: это те, кто складывает из камня дом. Ну, а те, кто делает кирпич? Это каменщики или нет? Ведь нет слова «кирпичник», есть «каменщик», каменных дел мастер. Или гончар — посудник. Или стеклянники, которые делали стеклянную посуду. Иконописцы — это ремесленники или художники? Если иметь в виду классификацию, которая существовала в средние века, то они, конечно, ремесленники. Писцы, ткачи, швецы и т. д. «Портной» от слова «порты», а это слово означает одежду в древней Руси. Когда читаешь, что в честь праздника на веревках при входе в храм были развешаны порты, это значит, что была развешана драгоценная одежда, может быть, даже церковное облачение.

Б. А. Рыбаков насчитывает 64 специальности, некоторые насчитывают их меньше. Тем не менее вы поняли, я думаю, что ремесло было очень разнообразным. Ремесленники были уважаемым сословием, хотя отнюдь не занимали самых высоких мест в городской иерархии.

Возникает еще вопрос: ремесленники делали что-то только для того, чтобы обменять? На торг? На заказ? Естественно, они делали и на торг, и на заказ — помимо того, что шло непосредственно для их собственных нужд. На заказ — понятно: ты мне сделай такой-то меч, как я хочу, по такому-то образцу. А на торг шла какая-то более или менее ширпотребная продукция, которую можно было сбыть в базарный день. Значит, некоторые ремесленники были фактически и купцами. С той разницей, что вряд ли они ездили куда-то далеко, а ограничивались торговлей непосредственно там, где работали. А раз так, то попытаемся проанализировать, кто такие были купцы, чем они торговали. Строго говоря, купец, или гость, существовал как посредник между ремесленниками и земледельцами. Как посредник, скажем, между ремесленниками одного города и другого. Это человек, который профессионально занимается перепродажей. Купец покупает партию какого-то товара, вкладывая в это деньги, и куда-то везет на продажу, чтобы вернуть потраченный капитал и получить прибыль. Он рискует. Во-первых, капиталом: а вдруг то, что он предлагает, не найдет сбыта? Во-вторых, он рискует тем товаром, который он везет. Он рискует даже своей жизнью, потому что, путешествуя по нашим дорогам, с жизнью можно было запросто проститься. Вспомним исторический путь Ильи Муромца: «дорожка прямоезжая из Муромы в Чернигов...»

Если мы будем внимательно читать летописи, знаменитый торговый устав XII века, который был дан новгородским купцам, знаменитому «Иванскому ста» (купеческому объединению при церкви Иоанна Предтечи на Опоках) то узнаем, что у купцов в ходу были понятия, которые звучат чрезвычайно современно: кредит, складчина, заклад. Естественно, хранили товары, платили пошлину и пользовались определенными стандартами меры и веса. Было еще одно любопытное явление, о котором мы знаем не столько из летописей или торговых уставов, сколько из слов русских проповедников, которые громят ростовщичество, видимо, процветавшее. Ростовщичество не поощрялось. Владимир Мономах пытался его если не прекратить совсем (это было невозможно), то хотя бы прижать: человек, который не мог выплатить в течение нескольких лет долг до конца, освобождался от уплаты долга. И тем не менее это зло существовало, хотя Церковь пыталась с ним бороться.

Пошлины, которые уплачивал купец, были следующего характера: за взвешивание товаров, за измерение товаров (за то, что ты пользовался стандартом, так называемым «локтем», — мерой длины, которая стр. 18 хранилась в храме, или «немецким локтем» и т. д.). Наконец, уплачивалось мыто — пошлина в пользу князя или города за привоз товара на торг. Из этого следует, что торговля была очень разработанной, подведенной под определенную юридическую базу, законодательно оформленной и, следовательно, играла в жизни русского города очень важную роль.

Были ли у нас цеховые организации? Были цеха: цех башмачников, цех перчаточников, цех кузнецов, цех оружейников и т. д. У каждого цеха в европейском городе был свой устав, в соответствии с этим уставом уплачивались взносы, мастер имел право нанимать учеников, подмастерьев и т. д. О русском цеховом устройстве особых данных у нас нет. Но коль скоро есть устав купцов, то, вероятно, нечто подобное, но менее разработанное, существовало и в отношении других объединений, как купеческих, так и ремесленных. Итак, коль скоро были цеха, то были и старшие, помощники старших, мастера, а у мастеров были подмастерья и ученики. Об этом мы знаем достаточно подробно, хотя русские источники сообщают нам о мастерах и учениках, а о подмастерьях ничего не говорится. Но подмастерья, как известно, это своеобразное переходное состояние, и, надо полагать, они тоже имели место.

Теперь — население, его численность и характер.

Нам, жителям 10-миллионного мегаполиса, очень трудно себе представить масштабы древнего города. Но если вам захочется путешествовать, то рекомендую вам съездить недалеко — скажем, в Ростов Великий или в Суздаль. Там живет по 10 тысяч человек, это хорошие, спокойные города. В Суздале, правда, даже есть общественный транспорт — два или три автобуса ходят. Современный Суздаль занимает большую территорию, но исторический Суздаль очень мал — Суздаль XVIII–XIX века, который вполне сопоставим с Суздалем XVII века, XIV и т. д. За последние 15–20 лет население города почти не выросло.

Сколько же было жителей в древнем русском городе? И на основании чего мы можем сделать подсчет? Тут мы с вами обязаны использовать летописные данные, которые довольно часто сообщают о пожарах и фиксируют, сколько сгорело дворов. Или, если был голод, то сколько похоронили. Или, если был какой-нибудь военный погром, то сколько пострадало.

Для примера такие данные: в начале XI века в Новгороде было, по косвенным данным, 10–15 тысяч человек. А в XIII веке город насчитывал уже около 30 тысяч жителей. Но, повторяю, попытка определить численность населения всегда базируется на косвенных данных.

В 1211 году в Новгороде был пожар, сгорело 4300 дворов. А сколько людей жило на одном дворе? Один двор — одна семья. Это сколько человек? 5–6? Но были слуги, помощники, ученики, подмастерья. Поэтому мы можем говорить, что погорельцами стали около 20 тысяч человек.

Во время голода 1231 года умерло 3030 человек. Когда речь идет о подобных цифрах, мы можем что-то откорректировать, потому что можем представить себе территорию города.

Вот, например, возьмем Москву 1382 года. Весь город помещался на территории меньшей, чем территория современного Кремля, т. е. та стена, которая идет сейчас вдоль Красной площади, тогда шла приблизительно от Троицкой башни к Москве-реке. Периметр стен был около 2 километров. После нашествия Тохтамыша (при том, что часть горожан успела убежать, а в город приехали прятаться какие-то крестьяне) пришлось похоронить 20 тысяч тел. Но сколько увели в плен? Сколько убили? Уводили в плен детей, женщин, а стариков убивали, они были не нужны. Следовательно, население Москвы значительно превышало число убитых. И эта масса людей жила на территории меньшей, чем территория современного Кремля. Вероятно, жили скученно, дома лепились один к другому. Улицы были очень узкими — широкой считалась та, где могли разъехаться две телеги.

Торг помещался недалеко от пристани или от соборного храма. Княжеская резиденция помещалась, как правило, на высоком месте, подальше от низовых районов, от голытьбы. Ремесленники селились компактно: здесь жили кузнецы, там — башмачники. Боярство тянулось ближе к княжескому двору. И так же понятно, почему города быстро восстанавливались после пожаров — потому что тут же начинали валить лес выше по течению реки и строили город заново (московские обыватели строились всегда из леса, который растет в районе Звенигорода, вверх по течению Москвы-реки, откуда его плотами сплавляли вниз). Но понятие «строить город» означало строить стену (отсюда горододельцы). И если первые древние укрепления представляли собой ров (земля из этого рва выбрасывалась на внутренний обвод, получался вал, и там укрепляли частокол), то вскоре стали эту технологию менять и строить стены посolidнее.

Стена строилась следующим образом. На высокий, уже хорошо сложенный вал (а иногда туда еще забивали сваи) ставили клетки, т. е. срубы высотой иногда в несколько метров — один сруб к другому вплотную. И заполняли эти срубы землей, да еще снаружи делали скат на внешнюю сторону из глины. Зимой подобный вал был почти неприступен, потому что вскарабкаться по такой ледяной горе было невозможно. Да и горел он, особенно свежесделанный, довольно плохо, потому что поджечь такие стены было трудно. Поверх срубов, заполненных землей, делался настил и с внутренней стороны ставился частокол — боевые площадки. Такой была стандартная стена хорошего города. Валы, которые несли на себе такие стены, сохранились в Суздале, Владимире, остатки таких валов есть в ряде других городов. Гуляя по этим валам, можно себе достаточно наглядно представить картину и строительства, и обороны подобных укреплений. Во Владимире рядом с Золотыми воротами до сих пор можно видеть то понижение вала, через которое татары ворвались в город.

Стены эти чинили довольно редко — проще было сделать заново. Тем более что русские люди привыкали к тому, что вроде бы особенно никто не нападает в наших лесах, и поэтому стены, которые были выстроены в XI–XII веках, к XIII веку ветшали довольно сильно — от дождей, морозов, снегов. Когда стр. 19 какой-нибудь князь воевал с другим князем, то город осаждали редко — ограничивались схватками в поле. Горожанам не хотелось проливать свою кровь в защиту очередного князя, который, может быть, сегодня есть, а завтра его нет, поэтому стены не очень берегли. А когда пришли татары, то отремонтировать стены оказалось поздно.

Хорошая стена была дубовой. Так, Иван Калита поставил дубовую крепость. Каменные стены и постройки были большой редкостью. Когда говорят, что мы деревянная страна, а Европа каменная, не забывайте, что у нас много леса и мало камня, а в Европе наоборот. В Европе также нет сильных морозов, а у нас в каменных зданиях зимой неуютно.

Это был внешний вид города. Кто же там жил, кроме ремесленников, купцов и обывателей, что еще было в городе, о чем мы не сказали и о чем надо сказать?

О духовенстве и о монастырях. И здесь надо четко представлять, что в домонгольский период практически все монастыри Русской Православной Церкви были в городах. А вот после нашествия монголов, с конца XIII века, как правило, монастыри возникают на неосвоенных землях. В городах они в лучшем случае восстанавливаются.

Существуют подсчеты, которыми мы можем воспользоваться, определяя количество монастырей в городах. Подсчеты эти основаны на летописных данных и сводятся к следующему (эти подсчеты сделаны Е. Е. Голубинским в его «Истории церкви») [12]. В Новгороде и в Киеве было по 17 монастырей — немалая цифра. Во Владимире-Залесском — 6, в Смоленске — 5, в Галиче — 5, в Чернигове 3, в Полоцке — 3, в Ростове — 3. В таких городах, как Владимир-Волынский, Переславль-Залесский, Суздаль, Муром, Псков, Нижний-Новгород, Ярославль и Тмутаракань — по одному. Сразу виден масштаб этих городов. Совершенно очевидно, что Смоленск со своими пятью монастырями не мог равняться с Киевом, где их было в три раза больше, или с Новгородом. Сколько жило насельников в монастырях, сказать очень трудно: от нескольких человек до нескольких десятков человек. В одном городе могли быть огромные монастыри и очень маленькие, не говоря уже о том, что количество насельников было непостоянным. Но кроме монастырей, были и церкви. В Киеве некоторые западные историки насчитывают несколько сот церквей. Учитывая мнение, что перед нашествием монголов Киев был городом со 100-тысячным населением, пожалуй, можно предположить, что церквей было много. Каменных мало, а деревянных очень много.

Как возникали церкви? По инициативе князя, на деньги бояр, в память о каких-то событиях. На деньги, которые собирали ремесленники или купцы. Церковные средства складывались, как всегда, из пожертвований, из вкладов на помин души, помимо десятин, которые устанавливали князья. Некоторые монастыри играли совершенно особую роль в жизни страны. Достаточно вспомнить Киево-Печерский монастырь — 15 епископов вышли из этого монастыря в домонгольский период. Юрьев монастырь в Новгороде был рассадником письменности. Но, впрочем, это можно сказать о всех монастырях, потому что духовенство обязано было быть грамотным. И летописание чаще всего велось в монастырях, там же переписывались книги, а писцы как светские ремесленники встречались в то время довольно редко.

Теперь коротко — о проблеме самоуправления города. Естественно, город княжеский, центр княжества, стольный город, как тогда говорили, управлялся иначе, чем город, где князя не было. Очевидно, что управление таким гигантом, как Киев или Новгород, было иным, чем каким-нибудь маленьким городком в провинции. Но тем не менее были и общие черты. И мы видим, что города делятся на те, где превалирует княжеская власть, и те, где существует вечевая традиция.

Не следует думать, что князь правил без вече или что вече существовало без князя. Но, скажем, в Новгороде не было княжеской династии, и там сильнее были традиции вече. В Киеве, наоборот, князья не переводились, и поэтому вече играло все меньшую и меньшую роль.

У нас вече порой представляют как митинг, где все кричат и победу одерживает та сторона, которая перекричала другую. Честно говоря, вполне возможно, что некоторые вечевые собрания нечто подобное собой представляли. Иногда в Новгороде победившая сторона купала противоположную сторону в Волхове, сбрасывая с моста в реку политических оппонентов. Иногда накал страстей был настолько сильным, что духовенство во главе с епископом шло крестным ходом, чтобы развести политических противников в разные стороны. Но когда говорят, что в вече, скажем, участвовало население всего города, — это, конечно, большое преувеличение. Ярославово дворище, где собиралось вече Новгорода, совершенно очевидно не могло вместить населения этого города. Значит, в вече участвовали какие-то представители «концов» — частей города. И уж во всяком случае вряд ли там были женщины и дети, да и старики вряд ли ходили на вече.

Поскольку политическая борьба была очевидной, то там имели место, несомненно, какие-то политические группировки, была какая-то агитация, подготовка каких-то решений. И, наконец, было самоуправление в лице князя, посадника, тысяцкого и епископа (например, в Новгороде мы видим классический образец такого самоуправляющегося города), у

которых были совершенно четко очерченные права и обязанности. Князя приглашали в качестве третейского независимого судьи, оговаривая его деятельность специальными условиями, которые он не имел права нарушить. Оговаривалось все, начиная от его доходов и кончая вопросами, которые он имеет право судить. Он обязан был со своей дружиной защищать Новгород от внешних врагов и не имел права, скажем, покупать в частное владение новгородские земли. стр. 20 Любое нарушение оговоренных условий влекло за собой автоматическое изъятие князя из города. Посадник был главой администрации и также ведал городским управлением. Тысяцкий командовал ополчением и вершил суд. Достаточно большую роль играл, конечно, епископ как духовный владыка города, как высший церковный авторитет.

В том или ином варианте такая структура имелась везде. Даже там, где князья имели династии, они все равно вынуждены были считаться с вечем. Скажем, в том же Киеве были вечевые сходы: например, Владимир Мономах так был приглашен в Киев, и вече потом отстаивало права его сыновей и не пускало других претендентов в город. С другой стороны, князю, который, естественно, всегда стремился к единовластию, вече являлось определенной оппозицией. Если рассматривать политическую историю Владимира-на-Клязьме, то мы узнаем, что владимирские князья в XII веке практически вечевые порядки искореняли. Со всей определенностью можно сказать, что, скажем, самоуправление Новгорода мало чем отличалось от самоуправления итальянских городов (севера Италии). Это был вполне типичный, традиционный орган самоуправления города.

Конечно, сразу возникала местная аристократия, потому что часто должность тысяцкого переходила от отца к сыну (кстати, это было и в Москве в течение XIV века), точно так же выделялись фамилии, из которых обычно выбирались посадники. Что касается взаимоотношений с князьями, то в Новгороде они были всегда сложными. Достаточно вспомнить хорошо известную историю Александра Невского, которого новгородцы и любили и ненавидели одновременно. Любили за то, что он защищал город, но когда опасность проходила и князь накладывал свою очень тяжелую руку на новгородские вольности, то они просили его уйти восвояси. Князь уходил — куда деваться? И потом новгородцы валялись в ногах, умоляли его вернуться и спасти их в очередной раз. Это история очень типичная для Новгорода.

Город пополнялся за счет естественного прироста населения и вместе с тем потому, что он давал приют беглым, холопам, которые ушли от своих хозяев. Холопство в городе тоже было, но оно носило совершенно иной характер, чем холопство на селе. Город с его более жесткой структурой, лучше организованный, лучше управляемый, с более разработанной законодательной базой, представлял собой, естественно, определенную оппозицию сельской местности, и, естественно, те, кто бежали из вотчины, могли бежать только в города.

Особо надо сказать об иностранцах. Если внимательно читать летописи, то мы узнаем, что в Киеве были немцы, то есть люди, которые говорят на иных языках. «Немец» на Руси означает — человек, немой в русском языке. То есть, француз, англичанин — все это немец для русских людей. Были арабские, видимо, небольшие, компактные поселения — арабских купцов было довольно много, есть даже какие-то арабские корни в наших названиях (наш Арбат происходит, видимо, от арабского «рабат» — торговое место). Немало найдено кладов арабских монет в разных местах. Были компактные еврейские кварталы в городах, потому что в начале XII века упоминается очередная вспышка насилия в Киеве и, в частности, горожане угрожают Владимиру Мономаху, что если он не придет княжить, то пострадают многие, в том числе и евреи.

Оказывается, что крупные города были городами, свободными для проживания не только разных слоев населения, но и для лиц разных национальностей. А это подтверждает тезис о том, что города в первую очередь были большими торговыми центрами, потому что только этим можно объяснить такую пеструю этническую картину: норманны, немцы, поляки, а в Галиче — чехи, венгры, поляки, греки, евреи, арабы. Вот что собой представлял крупный город, в особенности южный, где все торговые пути сходились, пересекались.

Северные города в этом отношении были более однородными.

Значит, город управлялся так, что его законодательство обеспечивало более или менее равные права для тех, кто в нем селился — на время или на постоянное жительство. При условии, естественно, соблюдения соответствующего законодательства и уплаты налогов. Поэтому когда у нас говорят о том, что древняя Русь была чем-то отсталым, забитым, замордованным и что помещики кабалили крестьян еще во времена «Русской Правды», то это все к делу не относится. Раз все определяла торговля, и раз города были местами, где компактно селилось духовенство, мы можем сделать четкий вывод о том, что городское население было в значительной степени грамотным, если не поголовно.

Довольно долго думали, что древняя Русь была поголовно безграмотной. На сегодняшний день найдено только в древнем Новгороде 700 берестяных грамот: деловая переписка, семейная переписка, любовные послания. Мальчишки, девчонки изучают азбуку на бересте, какой-то крестьянин шлет своей жене просьбу, чтобы она прислала ему одежду, в другом месте упоминается о необходимости перегнать куда-то корову. Писчий материал из кожи — пергамент — был очень дорог. На ткани писать очень неудобно. А бумаги не было. Поэтому писали на бересте. Технология ее использования удивительно проста: выходишь во двор, обдираешь березу и кусок бересты кидаешь в кипяток буквально на несколько мгновений. Потом берешь нож или гвоздь, или просто острую палку и вычерчиваешь буквы. Береста скручивается, можно чем-то ее перевязать, залить воском и отправить по назначению с оказией. Там это прочитывается и выбрасывается.

В Новгороде болота, очень близко подпочвенные воды, нет воздуха. Там сохранилось огромное количество таких берестяных грамот, и можно сделать вывод, что они были во всех городах, но сохранились лучше всего в Новгороде. Они есть в архивах, они прочитаны, изданы. Иногда они имеют очень забавное содержание. Это именно простонародная деловая, хозяйственная, какая угодно переписка. Значит, помимо обычных и богослужебных книг, летописей, писали о том, о чем пишут всегда. Значит, стр. 21 были грамотными. Значит, древняя Русь, если иметь в виду ее развитие, ничем не уступала Западу, а кое в чем и превосходила его — богатством, масштабами, населением и отчасти даже свободой, потому что жесткий пресс феодальной власти, который имел место на Западе, у нас развился не сразу в силу огромности нашей территории. И если тебе не нравилось жить здесь, ты мог сложить свои пожитки и уехать туда, где тебе больше нравилось. Лесов, рек и морей вполне хватало.

Лекция 5

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ

1. Понятие феодальной раздробленности. 2. — Начало раздробленности на Руси. 3. — Система престолонаследия в Киевской Руси. 4. — Съезды русских князей. 5. — Причины феодальной раздробленности. 6. — Экономический аспект. 7. — Феодализм и Русское государство. 8. — Начало процесса объединения. 9. — Причины упадка Киевского княжества. 10. — Русская культура в период феодальной раздробленности.

Слово «феод» происходит от позднего латинского «feodum» — «наследственное земельное владение, пожалованное сеньором вассалу под условием несения службы — военной, судебной, административной или какой-либо другой — или же уплаты определенных денежных сумм». Иногда в энциклопедиях приводится синоним «лен», а «феодальный» означает «ленный». Отсюда «феодал», «владелец феода». Ну и, естественно,

феодализм, который 70 лет у нас определялся как формация, сменившая рабовладельческую формацию и предшествовавшая капиталистической.

Что собой являет феодальная раздробленность именно в домонгольский период? Раздробленность — раздробление, то есть отсутствие единства. Когда же оно началось? Раз единство нарушилось, значит, когда-то оно было?

Мы знаем, что древне-киевское, древнерусское государство было единым при Владимире Святом, или Владимире Святославиче. После его смерти в 1015 году началась кровавая усобица, которая продолжалась 4 года. Все русские люди, и православные в первую очередь, знают о Борисе и Глебе, двух сыновьях Владимира Святого, которые были убиты их старшим братом Святополком (за это он получил прозвище «Окаянный»). В его глазах они были единственными законными претендентами на власть, единственными его конкурентами, ибо и Борис, и Глеб были рождены в христианском браке, тогда как все остальные старшие братья были рождены в тот период, когда Владимир был еще язычником.

Не буду пересказывать здесь ни летописную статью о Борисе и Глебе, ни сказание о Борисе и Глебе, поскольку, я думаю, вы все должны этот текст знать — и в летописном варианте, и в виде сказания.

Итак, в 1019 году к власти пришел Ярослав. Если мы будем внимательно читать «Повесть временных лет», то увидим, что единства русской земли в этот момент не было, поскольку претендовать на киевский престол стал брат Ярослава Мстислав, князь Тмутараканский. Это характерный для средневековья тип князя-рыцаря. Он не княжил в Тмутаракани, а скорее там жил, совершая оттуда набеги со своей дружиной. Мстислав начал войну против своего брата, и хотя Ярослав был разбит, Мстислав как человек, видимо, умный, понимая, что его не желают видеть в Киеве, заключил с Ярославом мир, по которому вся нынешняя левобережная Украина, то есть все, что было на левом берегу Днепра, отходило к Мстиславу, и столицей оставался Чернигов, а все, что на правом берегу, со столицей Киевом, оставалось в руках Ярослава. Только после смерти Мстислава Ярослав объединяет под своей державой и правый берег Днепра, и левый, и Новгород — короче говоря, всю русскую землю.

Ярослав Мудрый (прозвище не случайное) умирает в 1054 году. У него пятеро сыновей: Изяслав, Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь и внук Ростислав от самого старшего сына Владимира (который к этому времени уже умер).

И вот мы видим, что Ярослав перед смертью в здравом уме и твердой памяти оставляет следующее распоряжение: Киев и, соответственно, Новгород получает старший сын Изяслав; следующий по значению город, Чернигов, получает Святослав; Переславль (южный, не подмосковный) достается Всеволоду; Вячеслав получает Смоленск, а младший, Игорь, получает Владимир-Волынский — совсем уж, кажется, захудалый городок. Если изобразить это графически, получится своеобразная лестница, и недаром впоследствии такая форма наследования получит определение «лестничного права», т. е. распределение по старшинству, по праву рождения — и не более того. Старший получает больше всех и т. д.

Сразу оговорюсь, что уже в это время в Западной Европе была другая форма наследования — майорат. «Майор» — «большой», «старший», отсюда «майорат». По этому принципу все получает только старший сын — и землю, и титул, и деньги. Остальные получают только благородное происхождение и должны сами заниматься собственным трудоустройством. В Англии этот принцип осуществляется и поныне, и нынешние английские лорды, герцоги и бароны — они все существуют в соответствии с этим принципом. Если нет старшего сына, то будет следующий старший родственник, как бы далеко он ни находился. Вы читали «Собаку Баскервиль» и помните, что ближайший потомок сэра Чарлза Баскервиля нашелся в Канаде — сэр Генри, т. е. канадский фермер вдруг оказался в один прекрасный день английским лордом. Это и есть майорат. стр. 22 На Руси ничего подобного не было. Здесь мы видим лестницу со ступеньками. Но ведь у каждого из сыновей Ярослава тоже были семьи и дети. А у них, положим, свои дети. Та же самая лестница. Допустим, умер Изяслав. Логично, что киевский стол занимает следующий

брат, происходит передвижка. В Чернигов приезжает Всеволод и, соответственно, все остальные сдвигаются. Идеальный случай, если все успели покняжить в Киеве. Умер Игорь (допустим; на самом деле все было иначе). Кто должен княжить в Киеве? Старший сын Изяслава. Умер старший сын Изяслава — кто дальше? Старший сын Святослава.

Получается очень интересная система. Учитывая обстоятельства рождения, время заключения браков, рождения детей и т. д., можно заключить, что, во-первых, младшие дядья могли быть младше старших племянников. Женились в 15–16 лет, детская смертность была довольно высокой, поэтому удивляться не приходится. А во-вторых, сколько сразу детей — князей — остается как бы за бортом? Очевидно, что уже во втором поколении система наследования запутывалась очень сильно, можно сказать, безнадежно. А если к этому еще добавить простые человеческие свойства — зависть, нетерпимость, просто скверный характер, семейные счеты?.. Короче говоря, получается, что этот лестничный счет запутывался неким мертвым узлом и разрешить эту проблему становилось практически невозможно. И мы видим, что вся история XI–XII веков — это история как раз не соблюдения лестничного права, а нарушения. Отсюда можно сделать вывод, что одной из политических причин феодальной раздробленности было это самое лестничное право. Каждый тянул к себе, каждый хотел отнять у другого, каждый хотел опередить своего конкурента, каждый считался родством.

Нельзя сказать, что князья этого не понимали. Летопись отмечает три съезда князей: в городе Любече (1097), в Витичеве, или Уветичах (1100), на Долобском озере (1103). Чем занимался первый съезд? Восстановлением прав потомков Святослава на Черниговский стол. Дело в том, что по обычаю этого времени считалось, что если князь умирал, не покняжив в Киеве, то его потомки теряли права на Киев. Соответственно, если потомки другого князя не княжили в Чернигове, то они теряли права на Чернигов. Такие князья становились частичными изгоями в отношении определенного города, определенного княжества. Полные изгои — это те, которые не имеют права занимать стол нигде. Такие обычно бежали в Тмутаракань и становились такими «вольнотружениками». Летопись зафиксировала немало князей, которые занимались откровенным бандитизмом, а один князь, Давид, прославился как пират на Черном море.

Святослав в свое время не оставил законных прав на Чернигов, хотя был князем в Чернигове. Объяснялось это тем, что он захватил Киев прежде своего брата, за что он и здесь лишился прав. И вот на съезде князья подтвердили его права, его потомки стали черниговскими князьями. Спустя три года понадобился новый съезд, где просто восстанавливались взаимоотношения князей после кровавой усабицы: целовали друг другу крест в знак присяги. В «Повести временных лет» усабица эта описывается как история князя Василька Теребовльского, который был ослеплен по наущению или при попустительстве Святополка Святославича. Ослеплен не просто незаконно, а в результате измены. Политическая борьба иногда принимала крайние формы. И вот, в 1100 году в Уветичах пытаются восстановить порядок: покарать виновных, удержать какие-то нормы, подтвердить какое-то единство.

В 1103 году съезд князей на Долобском озере — не всех князей, но самых главных, занимавших самые важные столы — решает вопрос о борьбе с половцами. Первый, я бы сказал, фактор объединения Руси.

Во всех этих съездах главную роль играл сын Всеволода Владимир Мономах. Всеволод был женат на греческой царевне, дочери императора Константина Мономаха, поэтому сын его и получил прозвище «Владимир Мономах». Этот человек, который из Переславля перешел в Чернигов, а впоследствии в 1113 году, опередив своего конкурента Святополка Святославича, по воле киевлян, не желавших никого другого, кроме него, стал киевским князем, — этот человек и был инициатором всех съездов. В походе против половцев он играл главную роль и, как говорится, обеспечил победу. Объединенное половецкое войско было разбито, половцы были вынуждены бежать, а многочисленные половецкие ханы были

убиты — случай довольно редкий, потому что тогда обычно отдавали пленников за выкуп, просто держали в плену, а здесь убийство пленных означало только одно: было решено покончить с половецкой опасностью, во всяком случае на какое-то время. Мы видим, что здесь налицо два взаимоисключающих явления. С одной стороны — по обычаю следовать правилу лестничного наследования. С другой стороны, мы видим, что престол в Киеве занимает, в конце концов, не самый старший в роду, а самый талантливый, самый популярный, самый знаменитый, если хотите, самый лучший — князь Владимир Мономах.

Владимир Мономах правил в Киеве недолго — с 1113 по 1125 год. Ему наследовал его сын Мстислав, ни о каких потомках других князей речь не идет, киевляне не желают никого другого видеть. Мстислав умирает спустя семь лет после смерти отца, в 1132 году, и отдает свой престол своему сыну Изяславу, который умрет через 22 года — в 1154 году.

У Мстислава было много братьев, и среди них Юрий Суздальский. Он ненавидит своего племянника Изяслава и всю свою жизнь посвящает борьбе с ним. За то, что он из Суздаля пытался дотянуться до Киева, он получил прозвище Юрий Долгорукий — вы сразу догадались, о ком идет речь. Долгорукий умер киевским князем, но это не означало, что его там любили. Он захватывал Киев, бывал изгнан, опять захватывал. Короче говоря, сказать, что он правил Киевом, — большая натяжка. Он умер в 1156 году, почти одновременно со своим племянником. Москва была основана в 1148 году — вернее, впервые упомянута в летописи. «Приходи, брате, ко мне на Москов», — писал Юрий Долгорукий смоленскому князю. У нас летописные данные перевести на современный календарь очень сложно (на Руси был год, стр. 23 который начинался 1 сентября, и был год, который начинался с марта). Долгорукий пригласил одного из князей, и тот приехал. Гость подарил Юрию пардуса (историки до сих пор размышляют о том, гепард это или барс, шкура или живой зверь).

Более позднее известие об основании Москвы — у В. Н. Татищева — более романтично, но больше похоже на правду. Там речь идет о том, что у Юрия была возлюбленная, жена боярина Кучки. Обычно эта дама сопровождала князя в его походах. И вот когда князь отправился в очередной поход, оказалось, что дама сердца ему не сопутствует. Законный супруг, не стерпев унижения, решил положить конец этим отношениям. Он отправился к себе в имение, чтобы собрать вещи и уехать в Киев к Изяславу, злейшему врагу Юрия, велел жене ехать с ним. Юрий, узнав об этом, отложил поход и ринулся по следу беглянки. Боярин был застигнут в собственном имении. Кучково поле упоминается в московских летописях еще в XV веке, и оно совпадает территориально с тем замечательным местом, которое ныне носит название Лубянки. (Интересно, что и впоследствии, в XVIII веке, тайная канцелярия располагалась как раз на этом самом месте — на Лубянке).

Дальше последовал суд скорый — боярин был казнен. Боярыня, надо полагать, утешилась с князем, а дочь боярина Кучки была выдана замуж за княжеского сына — будущего Андрея Боголюбского. Когда впоследствии его убили, среди убийц упоминали кучковичей — родственников или детей боярина Кучки. Так говорит В. Н. Татищев. Что-нибудь подобное вполне могло иметь место. Татищев иногда пользовался источниками, которые до наших дней не дошли. Если верить Татищеву, то Юрий Долгорукий имел нос длинный, долгий, накривленный, волосы имел редкие, а если говорить о его характере, то был великим любителем сладких яств, жен и питья. Быть может, здесь Татищев взял на себя проблему характеристики этого достойнейшего государственного деятеля.

Итак, мы видим, что Русь единой не была. Князья непрерывно враждовали друг с другом с целью отхватить себе либо лучшее княжение, либо часть земель своего соседа, не говоря о том, что никто из них не чувствовал себя постоянно хозяином данного места. Они отлично знали, что при первой же «подходящей» смерти они должны менять место своего княжения.

Впоследствии возник спор о том, почему у нас на Руси не было единого государства, почему была раздробленность. Этот вопрос очень обстоятельно разобран у С. Ф. Платонова.

Его учебник — первый, где этот вопрос разбирается действительно серьезно. Н. М. Карамзин исходил из того, что-де раздробленность — это обычай племен. Надеждин (был такой публицист-историк) тоже говорил об обычаях славян вообще. М. П. Погодин видел причиной раздробленности общее совместное владение землей. С. М. Соловьев — первый, кто фактически создал стройную теорию, которая это объясняла. Он говорил о том, что было родовое владение землей. Род в целом владел землей, поэтому перемещения в рамках рода были естественными. Говорили также о том, что причиной раздробленности была автономия городских общин. Н. И. Костомаров повторял фактически Н. М. Карамзина, говоря о том, что это племенные обычаи. В. О. Ключевский считал, что причина раздробленности — родовые связи (Сергеевич — был такой историк — говорил, что существовали договорные отношения, и никаких других; чисто юридические нормы, которые ничего всерьез связать не могли).

Говоря обо всех этих разных взглядах на причины раздробленности, С. Ф. Платонов остроумно заметил: все были правы, потому что все освещали правильно одну какую-нибудь сторону вопроса. Действительно, будь то племена, будь то племенные традиции, будь то родовая связь, — но мы можем констатировать, что здесь налицо факт либо отсутствия единства, либо единства неустойчивого, которое то и дело нарушалось. Мы можем отметить, что этот процесс не был уникальным, он наблюдается во всех странах Европы. В определенный период на протяжении довольно большого времени ни в Англии, ни во Франции, ни в Испании, ни в Италии мы не видим единства — мы видим раздробленность. И Россия проходит этот путь.

Вместе с тем надо как-то сформулировать ее причины. Мне кажется, что здесь не следует говорить о каких-то племенных обычаях — в это время они уже достаточно стерлись. Налицо было единство языка, единство веры, единство письменности — это факторы, которые, бесспорно, стирали чисто племенные традиции, обычаи. Даже юридические нормы в XI веке становятся более или менее общеупотребительными (с «Русской правдой» мы с вами уже знакомы).

Мне кажется, что одной из причин раздробленности Руси является причина политическая: наличие лествичного права. А вторая причина? Давайте попробуем представить себе отсутствие экономического единства. Когда речь шла о городах, мы говорили о том, что каждый из них имел свою хозяйственную округу. Из города в город возили сукно, украшения, оружие, т. е. мелкие партии какого-то очень выгодного товара. Но представить себе, что, скажем, из Смоленска в Новгород везут зерно, невозможно. Этого не было. При том, что Новгород был единственным русским городом, зависящим от подвоза зерна. Его везли из так называемых низовых городов, т. е. тех городов, которые входили в бассейн верхней Волги, где хорошо родилась рожь. Они традиционно снабжали Новгород хлебом через Торжок. И впоследствии владимирские князья для того, чтобы привести Новгород в послушание, посылали дружины в Торжок, чтобы перекрыть путь подвоза хлеба. После этого новгородцы сразу соглашались платить ту дань, которую требовали владимирские князья, и вообще соглашались, чтобы все было по старине. Это была традиционная форма воздействия на демократов северной русской столицы. Видимо, эту причину — отсутствие экономического единства или, как скажут экономисты XIX века, отсутствие всероссийского рынка — надо учитывать. Это вовсе не абсолютная истина, а, если хотите, сумма нескольких гипотез — не более.

стр. 24

Коль скоро существовала раздробленность, естественно предположить и существование чего-то противоположного, начало какого-то другого процесса, который должен прийти на смену дроблению. Иными словами, процесс объединения зародился в тот момент, когда феодальная раздробленность как будто бы набирала силу. Налицо уже тогда был важнейший фактор: язык. Очевидно, что диалект — скажем, муромский или киевский — принципиально ничего не значил. Еще более важный фактор — вера, Церковь. Но Церковь в данном случае как организация, потому что церковная организация очень централизованна:

митрополит, епископы, приходы и т. д. Наконец, время от времени у русских князей рождалась мысль о том, что вместе бить половцев гораздо удобнее, чем порознь. И память о походе на половцев после съезда на Долобском озере была, конечно, жива.

Если вы внимательно читали «Слово о полку Игореве», то там говорится как раз о том, что надо быть вместе, что русская земля сильна только тогда, когда все русские люди едины. То, что именно князь Игорь сделан героем этого эпоса, это чисто литературный прием, потому что кто-кто, а реальный князь Игорь не мог претендовать на роль героя общерусского масштаба: за год до своего похода на половцев он в союзе с Кончаком грабил русские города. А уцелел он в плену у Кончака только потому, что его сын женился на дочери Кончака. Может быть, поэтому ему и разрешили бежать. А может быть, его и разбили, и вообще скандал вышел из-за того, что Игорь не сдержал обещания и не женил вовремя своего сына на Кончаковне. Короче говоря, Игорь здесь не показателен как конкретная личность, но для автора «Слова» совершенно очевидно, что когда нет «самостийности», а есть единство, тогда России ничто не грозит.

Итак, процесс объединения зарождается в тот период, когда, казалось бы, феодальная раздробленность охватывает всю русскую землю. Отсюда получается такая картина, когда одно явление вырастает из другого или сосуществует с ним какой-то период. Для человека, который разбирается в этих вопросах, здесь возникает очень сложная проблема терминологии, потому что все вкладывают в привычные для нашего слуха понятия «феод», «феодализм», «феодал» немного различные смыслы. Но коль скоро феодал — это наследственное владение, пожалованное сеньором, то допустим, что сеньор этот — князь. Тогда феодал по отношению к сеньору-князю — боярин; если князь владеет всем княжеством, всей землей, то боярин будет владеть вотчиной. В XIV–XV веках, как известно, появятся помещики, которые будут владеть поместьем, двором — отсюда дворянство. Дальше — крестьяне, которые будут в домонгольской Руси арендовать землю, а с XV века прикрепляться к земле. А параллельно существуют независимые от феодалов ремесленники, торговцы и свободные крестьяне. Таким образом, чисто сословный анализ этого явления уже говорит о том, что феодализм вроде бы был и в XI, и в XII, и в XV веке, и в XVI, и в XVII, и в XIX веке — крепостные крестьяне были, помещики были. Именно так в наших учебниках и писали, что феодализм у нас был чуть ли не до начала XX века.

Если говорить об экономических проблемах, то что такое феодализм? Натуральное хозяйство? Но оно вообще-то было при рабовладельцах. Строго говоря, натуральное хозяйство существует и сейчас — не как главный вид хозяйства, конечно, но все, кто имеет 6 соток, прекрасно себя обеспечивают. Значит, мы можем, вероятно, сказать, что феодализм — это допромышленный период. Значит, это период, когда не промышленность, а именно натуральное хозяйство определяет экономическую структуру.

С другой стороны, мы четко заучили, что феодализм приходит на смену рабовладению. Совершенно верно. И хотя известно, что рабы были и у древних русичей, мы, вероятно, должны констатировать тот факт, что при феодализме нет системы личной зависимости человека от хозяина. Как частный случай — да, но не как система. Личность свободна. Причиной такого положения дел является, конечно, в первую очередь христианская религия. Но при этом мы должны попытаться разобраться, когда же, собственно говоря, возник феодализм, когда он кончился и когда у нас была феодальная раздробленность.

Сколько бы мы ни читали литературы на эту тему, четкого и определенного представления об этом у нас, вероятно, не сформируется. Если читать специалистов по французской истории, то мы увидим, что капитализм начинает нарождаться в XIV веке, тогда как советские историки будут говорить о том, что это самый расцвет феодализма. Ленин однажды сообщил, что помещики кабелили крестьян еще во времена «Русской правды». Есть у него такая фраза, хотя во времена «Русской правды» помещиков еще не было. Дело не в термине, но в том, что были бояре, были дружинники, но не было помещиков, т. е. более низкого «этажа». И кабалили поэтому крестьян они не могли. Как видим, о феодальном строе следует говорить очень осторожно. Не потому, что его не

было — он был. Но как долго он был? Очевидно, он возник почти сразу с возникновением русского государства. А вот когда он стал перерождаться в промышленный или капиталистический — с петровскими реформами или с отменой крепостного права, — сказать трудно. Вопрос очень не простой. Мне иногда кажется, что Петр здесь ни при чем. Окончательно помещичье хозяйство оказалось в долгах и перестало себя окупать в эпоху Николая I. Видимо, тогда и наступил конец феодальным порядкам, если иметь в виду экономику. При этом надо понимать, что монархия и феодализм не всегда жестко взаимосвязаны. В Новгороде монархии не было, но тем не менее феодализм там наличествовал. Города северной Италии не имели никаких династий, но были вполне феодальными. Так что этот момент к делу отношения не имеет.

Итак, натуральное хозяйство. Если брать взаимоотношения сеньора и феодала (или, если хотите, помещика и крестьянина), они определялись тем, что зависимый человек платил ренту своему сеньору. Она могла быть в форме барщины, натурального или денежного оброка — это для крестьян. Дворянин стр. 25 по отношению к государю расплачивался службой — военной или статской. Тогда можно сказать, что при Петре государство было еще феодальным, потому что все дворянство обязано было служить.

На этом разговор о феодализме мы закончим, и мне было бы приятно, если бы вы на экзамене не давали мне какие-то отточенные формулировки, а скорее пытались сформулировать проблему вообще, не пытаясь, может быть, ее решить, поскольку это, повторяю, мне кажется очень сложной задачей, которую «решили» только советские историки. Но именно поэтому мне и кажется, что решить ее очень сложно.

Теперь перейдем к чисто формальным моментам. Страна дробилась на княжества, и они возникали в первое время, как грибы. Центром княжества становился столичный город, и вот мы видим Киевское, Черниговское, Переславское, Полоцкое, Смоленское, Галицкое, Владимиро-Волыньское, Ростовское, Суздальское княжества, Новгородскую землю, Муромское, Рязанское княжества... Короче говоря, посмотришь на карту и подумаешь, что сколько городов, столько и княжеств.

Конечно, далеко не все города становились центрами княжеств. Но наиболее крупные центры, бесспорно, ими становились. И вот здесь от политической истории, которая говорит о процессе раздробления, мы должны перейти к истории, которая будет вести речь о централизации русской земли. Русская земля раздробилась на массу осколков, а из этих осколков вдруг очень быстро образуются более крупные осколки, которые начинают к себе притягивать все остальные княжества. Пусть они не объединяются, хотя и такое было, пусть они не завоевывают соседей, хотя было и такое, но они как бы подчиняют, как бы заставляют войти в орбиту своего влияния и соседей.

На юго-западе таким княжеством явится Галицкое, потом оно объединится с Владимиро-Волыньским и станет Галицко-Волыньским княжеством — практически государством, которое просуществует до конца XIII — начала XIV века. На севере Новгородская земля сохранит огромные территории и экономическую мощь до того времени, как Иван III подчинит ее Москве, включит в состав общерусского государства. В северо-восточной Руси сначала будет Суздальское княжество, а потом, с того момента, как Владимир станет стольным городом Андрея Боголюбского, — Владимиро-Суздальское княжество. Рядом будет существовать Ростовское княжество, которое в это время начнет терять свой приоритет, хотя Ростов древнее Владимира. Мы видим три огромных центра: Галич, Владимир-на-Клязьме и Новгород, которые начнут постепенно включать в орбиту своего влияния все соседние княжества. И процесс этот, хотя и нарушенный татарским нашествием, не прекратится: впоследствии одно из таких княжеств, — правда, уже с другой столицей — фактически объединит всю русскую землю.

Когда мы говорим о таких сложных и больших процессах, надо помнить, что все это не происходило одномоментно, в течение десяти лет или даже при жизни одного поколения. Эти процессы шли на протяжении многих десятков и сотен лет. Когда сейчас хотят

избавиться от коммунизма прямо завтра, то при всем замечательном характере такого желания это невозможно. На это тоже должно уйти лет 70, если не все 100. Потому что должны сойти поколения — носители идей, привычек, мировоззрения, идеологии.

То же самое было и тогда. Должны были сойти поколения, которые помнили времена Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Народились новые поколения, которые знали свои муромские, смоленские, черниговские или какие-то другие интересы. Постепенно сошли и они, и на их место пришли люди, которые понимали значение Владимира-на-Клязьме, Галича, Суздаля, и уж потом им на смену пришло поколение, которое сознавало, что центр вообще может быть только один — политический, религиозный, что только это обеспечит единство и жизнь огромной страны.

Теперь несколько слов о причинах упадка собственно Киевского княжества. Мы видим, что к середине XII века Киев теряет свой приоритет. И хотя князья спорят еще из-за Киева, самые сильные из них к Киеву не тянутся. Юрий Долгорукий — последний князь, который претендовал на Киев, всем остальным вроде бы уже здесь нет интереса. Андрей Боголюбский разгромит Киев, ограбит церкви, соберет все, что сможет, и уйдет во Владимир — Киев ему не нужен. А кончится тем, что Даниил Галицкий просто посадит в Киеве своего боярина. Почему это стало возможным?

Одни склонны объяснять это явление тем, что-де торговые пути стали пролегать мимо Киева. Конечно, может быть, что какие-нибудь арабы или греки стремились попасть сразу в Галич, а в Киев им было не нужно, но, честно говоря, в это трудно поверить, потому что Киев был огромным городом, где было полно ремесленников, это был традиционный торговый центр, и сказать, что он захиреет за 10–20 лет, конечно, невозможно. Известно, что перед татарским нашествием в нем было 100 тысяч жителей, это был город-гигант. Это опровергает такое мнение, хотя, в принципе, конечно, новые торговые центры должны были возникнуть, и Галич, бесспорно, таковым явился, как и Владимир.

Новые центры политической жизни, помимо Киева? Да, бесспорно. Во Владимире Андрей Боголюбский не желал сохранять лествичное право, не желал вечевых традиций. Там речь шла о централизованной власти, за что он и был убит. Галицкая история говорит о том, что Даниил Галицкий (дальний родственник Владимира Мономаха, как и Андрей Боголюбский) всю жизнь сражался со своим боярством, т. е. опять пытался централизовать управление. Это новая политическая тенденция, в Киеве этого быть, конечно, не могло.

Может быть, колонизация земли была причиной упадка Киева? В отношении галицко-волынских земель эта причина не работает, там все было колонизовано. Славяне когда-то шли через эти земли на восток, зачем им возвращаться обратно? Что касается северо-восточной Руси — вполне вероятно. Владимир — город куда более позднего возникновения, чем, например, Суздаль. Так что этот фактор может в принципе учитываться. Можно говорить о том, что население стало уходить на север вследствие угрозы стр. 26 со стороны кочевников. Но, с другой стороны, почему этот процесс так явно заявил о себе только в XII веке, когда Русь окрепла, когда половцы, в общем-то, были разгромлены? Почему раньше этот процесс не был столь активным? Тут очевидного ответа мы дать не можем.

Личная деятельность князя, т. е. вопрос о роли личности в истории — об этом говорить еще рано. Конечно, такой фактор в определенной ситуации имел место. Но все ли можно объяснить личностью Андрея Боголюбского или Даниила Галицкого? Может быть, да, а может быть, нет. Это вопрос очень сложный, как и вообще вопрос о роли личности в истории

Наконец, несколько слов о значении феодальной раздробленности. Этот период переживали все европейские страны. Экономические проблемы мы с вами более или менее разобрали. Политические детали? Их можно приводить больше или меньше, но суть ясна. Существует, если хотите, культурно-исторический аспект. Именно в период феодальной раздробленности расцветает древнерусская культура. Культура — слово латинское и означает «возделывание», «улучшение». Когда говорят о том, что означают слова

«художественная культура», я думаю, имеет смысл знать такое определение: культура — это духовное творчество, зафиксированное в произведениях архитектуры, литературы, живописи, скульптуры, музыки и еще одного вида искусства, который знают все, но о котором все забывают, — прикладного искусства. Именно период феодальной раздробленности — это период расцвета культуры. Каждый князь старался задрать нос повыше перед соседом? Может быть. Каждый епископ хотел показать, что его кафедра — не чета другой? Может быть. В какой-то мере местный патриотизм существует и поныне. И до сих пор некоторые города любят задирать нос друг перед другом.

Вероятно, вся сумма факторов здесь работает, и я думаю, что период феодальной раздробленности, имея массу политических, экономических минусов, в ситуациях, когда не просто целостность страны — ее будущее было поставлено под угрозу, — именно этот период дал удивительное развитие тому, что мы сейчас называем культурой. Какая архитектура, какая иконопись, какие удивительные литературные произведения, летописания и жития! О музыке мы можем только догадываться, до нас не дошли домонгольские нотные рукописи. О прикладном искусстве говорят находки, которые были сделаны, они хранятся в крупнейших музеях страны, в частности в Оружейной палате — достаточно вспомнить знаменитый Рязанский клад. Получается любопытное наблюдение: когда государственность ослабевает, когда политическая и экономическая ситуация не самая блестящая, как раз духовная жизнь, может быть, достигает определенных высот. Когда же наоборот — государство прочно и диктует свою волю всем, — тогда духовная жизнь замирает. Может быть, я не прав. Но мне кажется, что можно сказать и так.

Лекция 6

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

1. — Итоги домонгольского периода. 2. — Возникновение монголов и завоевание Китая. 3. — Битва на реке Калке. 4. — Улус Джучи. 5. — Татарское нашествие. 6. — Второе нашествие татар. 7. — Установление ига. 8. — Александр Невский и татары. 9. — Тверь и татары.

Прежде чем начинать обзор событий, связанных непосредственно с татаро-монгольским нашествием, подведем некоторые итоги развития России в домонгольский период.

К концу XII — началу XIII столетия огромная территория, заселенная некогда восточнославянскими племенами, от Северного Причерноморья на юге почти до берегов Балтики на севере не представляла собой единого государства. На том месте, где когда-то было единое государство Ярослава Мудрого, а потом конгломерат сравнительно небольших княжеств, налицо было несколько очень крупных государственных образований. Если идти от юга к северу, то мы увидим огромное Галицко-Волынское княжество (юго-запад Руси), затем сравнительно небольшое Киевское, дальше очень большое и все увеличивавшееся Владимиро-Суздальское княжество, рядом с ним небольшое Ростовское; на восток было выдвинуто Рязанское княжество, за которым на востоке уже не было земель русских в то время, и, наконец, Господин Великий Новгород, который княжеством в прямом смысле назвать нельзя. Там был приглашенный князь, но мы знаем, что власти княжеской там не существовало и поэтому нужно найти какой-то другой термин, чтобы определить это государственное образование. В советской историографии используют выражение «Новгородская боярская республика». Полагаю, что этот термин надо оставить на совести тех, кто его придумал. В данном случае надо просто говорить о Великом Новгороде.

Новгородцы употребляли более почтительный титул — Господин Великий Новгород, имея в виду не город, а именно все свое государство.

Границы этих государственных образований не были четкими. Они были скорее традиционными и с незапамятных времен определялись теми территориями, где князь, княживший в столице этой земли, мог собирать дань. То есть эти границы устанавливались постепенно в процессе эволюции, в процессе договоров князей друг с другом, и здесь главную роль играли некие традиции. Какая-то территория тянулась к Киеву, какая-то — к Галичу. Если в конце концов Киев вошел в состав Галицкого княжества, то, естественно, и все земли, на которые претендовал Киев, отнесли тоже к Галичу.

Таким образом, мы видим, что к концу XII — началу XIII века феодальная раздробленность переживает качественно новый период: из мелких княжеств составляются все более и более крупные образования, стр. 27 из которых выделяется практически четыре: Галич, Владимир, Новгород и Рязань. Совершенно очевидно, что они будут все больше и больше укреплять свою власть над соседними землями, и рано или поздно этот процесс, видимо, должен завершиться объединением. До этого еще было далеко, но я думаю, что процесс объединения уже был вполне объективным.

Что же касается взаимоотношений князей, которые княжили в этих государствах, то они были очень плохи, и хорошо, если Владимиро-Суздальские князья мало интересовались тем, что творится в Галиче, и наоборот. А вот, например, отношения владимирских князей с рязанскими были очень плохими, и вполне понятно почему: они были ближайшими соседями. Как когда-то великий князь киевский посылал своего сына княжить в Новгород, так теперь посылает своего старшего сына в Новгород владимирский князь — приблизительно на тех же условиях.

Почему центр политической жизни ушел из Киева? Обычно это объясняют тем, что-де новые торговые пути пролегали мимо Киева. Мне это объяснение представляется надуманным. Днепр до сих пор течет там, где тек и тысячу лет назад, а торговые пути пролегали чаще всего по течению рек. Речь, вероятно, идет о другом. За те 200, а то и 300 лет, в течение которых существовало в этих местах государство, произошло резкое увеличение плотности населения — не в Киевской земле, а в галицко-волынской и Владимиро-Суздальской. Это очень существенный фактор. Политическая жизнь на севере и на юге имеет свои отличительные черты. В Киеве любой князь, который княжит, был человеком временным. Он княжил в свою очередь — как старший рода. Он умирал, и на его место никогда не приходил его сын. Исключение составляют сыновья Владимира Мономаха, но это было очень недолго.

На севере же мы видим традицию имен, где княжеский престол должен наследоваться по прямой линии — от отца к старшему сыну. Это тот принцип, который будет впоследствии осуществлен в Московском княжестве, а потом уже станет законным образом наследования в Московской Руси и вообще в России. Бесспорно одно: чтобы проводить этот принцип, князья должны иметь определенную социальную опору, и такой опорой являются горожане, а отнюдь не какое-то земельное боярство, которое скорее стоит в оппозиции князю. Примером тому — политическая история Галицко-Волынской Руси, где князь практически все время вынужден был бороться против собственных бояр. Свидетельствами о таких событиях наполнена Галицкая летопись. Но на севере это тоже имело место, и мы знаем, что Андрей Боголюбский был убит именно боярами. Тем не менее это был объективный, видимо, процесс, и рано или поздно это должно было привести к объединению всей русской территории на совершенно иных принципах. В тот момент, когда этот процесс проявился вполне отчетливо, и наступила пора татаро-монгольского нашествия.

Внешне история, или предыстория, нашествия татар на Русь, если иметь в виду собственно историю татаро-монголов, была следующей. В начале XIII века на курултае (съезде, собрании) представителей разных монгольских племен на реке Онон в Центральной Монголии общим вождем всех племен был избран Тимучин — известный нам Чингисхан.

Строго говоря, его избрание было predetermined, потому что то племя, из которого он вышел, фактически уже покорило своих соседей. Возникло государство кочевников ярко выраженной феодальной структуры и со спецификой, присущей именно кочевому хозяйству. Жесточайшая дисциплина, присущая всем этим кочевым военным государствам, определила и его силу. Вскоре после объединения татары завоевывают Китай и устанавливают свое господство там, затем они во втором десятилетии XIII века обрушиваются на Среднюю Азию и уничтожают ее государства. А в 1223 году предпринимается разведывательный поход на Русь.

Сравнительно небольшое, тысяч в 50, татарское войско прошло через южное побережье Каспийского моря и Закавказье, по западному побережью Каспийского моря, разбило объединения народов Северного Кавказа, которые предпринимали попытки оказать сопротивление. Зимовка, видимо, проходит в Судак, отсюда в 1223 году они идут к русским границам. Половцы разбиты, а половецкие ханы идут в Киев, предупреждая о страшной опасности, объясняя, что теперь, когда разгромлены силы половцев, будут разгромлены и русские силы, что нужно объединиться. Они преуспевают в своих переговорах, и начинается сбор огромного общерусского войска. Галицко-волыньские, киевские князья, представители северо-восточных княжеств собираются и, спустившись ниже Киева по Днепру, вступают в пределы половецкой степи. Они идут навстречу врагу, и у берегов реки Калки происходит знаменитое сражение. Оно закончилось страшным разгромом русского войска, причины которого очень симптоматичны. Войска, которые привели сюда русские князья, по количеству не уступали татарским и даже превосходили их, как и по вооружению. Но взаимоотношения князей, руководивших войском, были ужасны. Киевский Мстислав не выносил галицко-волыньских князей, союз с половцами был чисто формальным, единоначалия не было. И вот, как и полагалось удалцам, эти князья со своими дружинами вступают по очереди в бой, и пока сражается один, другой не приходит ему на помощь. И татары бьют эту огромную русскую рать по частям. Разбиты половцы — они смяли передовые полки Галицких князей. Те разбиты, вынуждены бежать, а в это время огромная рать киевского князя стоит в нескольких верстах от сражения и бездействует. После чего татары окружают киевлян на берегу Калки, и те несколько дней сражаются из полевого укрепленного лагеря, потом начинаются переговоры, татары обещают почетный, так сказать, плен и жизнь всем сдавшимся. Киевские дружины соглашаются, после чего часть пленников убита на месте, часть навсегда уведена в неволю, а все тяжелораненые, и в первую очередь князья, положены плашмя на землю, сверху на них положены доски, на которых сидят татары, пьют свои напитки и празднуют победу, наслаждаясь воплями и стонами погибающих пленников, задавленных их, как выражался Пушкин, задами: «И был раздавлен, как комар, задами тяжкими татар».

стр. 28

Эта история, страшная, бессмысленная, если хотите, преступная, очень показательна. Она — как бы последнее предупреждение для всех остальных русских князей: надо делать выводы. Очевидно, что начавшийся процесс объединения, централизации — объективный процесс, и надо его ускорять, потому что только так можно уцелеть.

Но битва проиграна, а те, кто успел убежать, вернулись домой и рассказывают всякие ужасы. Сохранились воспоминания о тех, кто погиб; в летописи все, что полагается, внесли и записали. В частности, в этой битве погиб ростовский витязь Алеша Попович с 70 богатырями — фигура, отнюдь не выдуманная Васнецовым и русскими былинами. И жизнь пошла по-старому: Бог дал — Бог взял.

А татары не пошли дальше. Они извелили силу русских войска, поняли, как они сражаются, поняли их тактику, вероятно, допросив хорошенько пленных, поняли и суть нестроений между русскими князьями, обусловивших их поражение. И татары уходят. Последующие 14 лет Русь ничего о них не слышит.

Татары действовали чрезвычайно планомерно. Их своеобразная идеология сводилась к следующему. Династия Чингисхана призвана править всем миром. Но Чингисхан до

завоевания всего мира может и не дожить. У него много сыновей, и весь земной шар, все земли, о которых известно или будет известно, разделены на части — на улусы. И вот один улус, скажем, Китай, достается одному сыну, Средняя Азия и земли дальше на восток, в сторону Аравии — другому сыну, а Европа — Русские княжества и вся территория дальше на запад — это отходит к сыну, которого звали Джучи. Правда, это еще не завоевано — ничего, завоюем.

Не берусь судить, в какой мере повлияла здесь китайская философия, трактующая о величии поднебесной империи, может быть, тут что-то было позаимствовано и вульгаризировано — дело не в этом. Самое любопытное то, что Джучи до завоевания Руси не дожил. Сохранившиеся известия говорят следующее: после разгрома Средней Азии Джучи, не столь, видимо, кровожадный, как отец, или во всяком случае человек более практичный, однажды стал беседовать со своим окружением, со своей свитой о том, что его отец страшно кровожаден, но не это самое главное — зачем же уничтожать так много хороших городов? Так много пропадает всяческого добра во время кровавых штурмов, когда из трупов выкладывают штабеля, когда убивают поголовно всех мужчин или всем беременным женщинам вспарывают животы, когда в Средней Азии разрушают плотину, чтобы затопить очередной город.

И вот Джучи, человек практичный, который вовсе не хочет, чтобы его будущее добро было уничтожено, говорит, что отца, вероятно, надо устранить, поскольку он не понимает требований жизни. В одной арабской хронике говорится о том, что Джучи планировал, как это сделать. Он обращается к своим придворным и говорит, что, вероятно, лучше всего это сделать на охоте. Понятно: охота — это времяпровождение татарских ханов в определенное время года, все несутся за степной дичью, мало ли кто свалился с коня или кого-то кто-то заколол кинжалом... Джучи не рассчитал только одного: в его свите есть люди, которые любят его отца больше, чем своего господина. Чингисхан был своевременно уведомлен о том, как далеко простираются замыслы его сына, и принял свои меры. Джучи был убит — вполне возможно, что на охоте.

Самое любопытное, что его сына Бату дед не стал казнить, а, наоборот, воспитал и передал ему, вероятно, свои отвратительные качества. И вот этот-то Бату стал готовиться к походу на Русь и его осуществил.

14 лет, которые татары провели в Средней Азии, не были потрачены впустую. Арабские купцы, которые и до этого немало путешествовали по Руси, привозили ценнейшую информацию: о местоположении городов, об их укреплениях, о том, какое время года наиболее благоприятно для нападения на русские княжества. Они информировали татар, своих новых господ, о взаимоотношениях князей. Короче говоря, вся стратегическая информация была собрана, и вот осенью 1237 года начинается первый поход полчищ Батыева на Русь.

Первым княжеством, которое лежало на пути татар, была Рязань, самая восточная из всех русских земель. Они вошли в пределы Рязанского княжества, и рязанцы, узнав о том, чего от них требуют, отправились на переговоры. Во главе этой делегации ехал сын великого князя, который пытался договориться с татарами, но когда ему предложили фактически пойти в рабство, да еще отдать Батыю собственную жену, гордый рязанский князь отвечал, что сначала надо убить рязанца, а уж потом завладеть теми, кто останется в живых.

Он был тут же убит, и вместе с ним была перебита большая часть его свиты, а его дядька, пестун Апоница, успевший спрятаться, сумел выбраться из ставки Батыева, прискакал в Рязань и первым делом сообщил жене погибшего о том, что произошло. Княгиня, услышав страшную весть, бросилась из окна терема с младенцем сыном и разбилась насмерть.

Татары подходят к Рязани, Рязань пытается обороняться, но разве деревянные стены защитят от Батыевых полчищ? Город взят и разграблен, а население перерезано. В городе не остается ничего и никого, и современная Рязань стоит совсем на другом месте. Современная

Рязань — это старинный Переяславль-Рязанский, а старая Рязань — это всего-навсего городище, где копаются археологи, и которое так и называется: городище Старая Рязань.

После этого татары идут в Коломну. Под Коломной разбито уже владимирское войско, которое не пришло на помощь рязанцам, несмотря на то, что Рязань просила о помощи. А из Коломны надо идти уже на Владимир. Уже зима, реки замерзают, и конница может свободно идти по льду.

Идут через Москву. Крохотный городок взят, несмотря на то, что там тоже пытались обороняться. После чего переход на Клязьму и по Клязьме — к Владимиру. И в феврале, 7 числа, татары у стен стр. 29 Владимира. Во Владимире мало войск, потому что большая часть их погибла под Коломной, остатки — на берегах реки Сити с князем Юрием Всеволодовичем, который там пытается собрать какие-то силы. Часть татар идет на Суздаль, Суздаль взят и разграблен, а дальше — быстрый яростный штурм Владимира, и по остаткам стены, которая была пробита рядом с Золотыми воротами, они врываются в город. Защитники отступают в пещерный город, но выбиты и оттуда. Последним актом в этой драме является то, что произошло в Успенском соборе — в том соборе, где стояла Владимирская икона Божией Матери. Там собрались женщины, духовенство, епископ Митрофан. Все они либо задыхаются в дыму, либо сожжены, либо порублены — этого уже никто не узнает. Все они погибли в соборе. Владимир разграблен. Татары идут дальше, захватывая крупные и мелкие города, доходят до Твери. Тверь разбита. Тогда они предпринимают поход на Новгород. Новгород, и северная столица (может быть, богатейший город древней Руси) должна разделить участь остальных русских городов.

Но здесь вступает в действие природный фактор: идет весна. Огромные полутораметровые снега начинают таять, лед перестает держать, и татарская конница тонет в бесконечных болотах, которые окружают город. Они не могут двигаться, тем более что начинается, естественно, лютая бескормица, потому что в таких местах ничего съестного для лошадей нет.

И вот татары поворачивают на юг, и в 1238 году крайней южной точкой их продвижения является Козельск. Крохотный городок героически сражается, несколько недель отбивает атаки, приступы, потом, по некоторым известиям, часть рати выходит на вылазку и погибает уже за стенами города. Татары все-таки врываются в город, горожане режутся с ними на ножах и погибают все до единого. Летопись говорит о том, что малолетний князь козельский не был найден — потонул в крови. Зная нравы татар, можно сказать, что это похоже на правду.

Так заканчивается первый поход на Русь. После этого татары уходят. Видимо, этот поход дался им дорогой ценой. Надо перегруппировать силы и отдохнуть, завоевание южной и юго-западной Руси тоже потребует колоссальных усилий, а кроме того, надо идти еще дальше — в Европу.

И вот следующий такой небольшой вылазкой татар является экспедиция под Муром и в Чернигов. Чернигов недалеко от Киева, он разграблен, а в 1240 году, опять осенью, татары у Киева. Огромный 100-тысячный город обложен был так, пишет летописец, что из-за скрипа татарских телег не слышно было голосов на стенах города. И вот на Николин день, в декабре, Киев взят. О масштабах резни в Киеве можно говорить на основании не только летописи (которая, кстати, об этом очень глухо сообщает, потому что, видимо, свидетелей осталось мало), но и археологических раскопок. В Киеве, как и в любом другом крупном городе, часто производят какие-то земляные работы, ремонтируют канализацию или прокладывают теплотрассы, и на протяжении многих лет здесь находили места схваток древних киевлян с татарами. Бесконечное количество скелетов в таких позах, в таких местах и с такими нарушениями, что можно догадываться о том, что там творилось. Подобные раскопки были только на Бородинском поле, где тоже, как мы знаем, происходило совершенно чудовищное побоище.

Дальше наступает черед Галицкого княжества Руси, которое также разбито. Несколько

городов уцелели. У Даниила Галицкого было несколько городов с каменными стенами, построенными по последнему слову фортификационной техники, на высоких холмах, окруженных неприступными скалами или обрывами рек, и татары эти несколько городов взять не смогли. Потом все равно они должны были открыть свои ворота для татар, но не в процессе штурма.

А затем, пройдя огнем и мечом по цветущему государству, татары устремились в Западную Европу: Чехия, Венгрия и Сербия. Они доходят до Адриатики. И уже в нескольких переходах маячит Триест, откуда начинается северная Италия. Известие о приближающейся грозе будоражат всю Италию, там уже готовятся к бегству. Но татары поворачивают обратно. Дальше эта волна не покатила, она уже обессилела. Спасителем Европы от этого кошмара явилась Русь, которая, вся легла под этой страшной волной, но вместе с тем и обессилила эту волну, обескровила ее.

На обратном пути татары продолжают грабежи и насилия, но, оставляя повсюду небольшие гарнизоны, возвращаются в свои степи — они кочевники. Лес, ущелья, горы — это все не для них.

И вот в низовьях Волги возникает столица новой империи, которая получает название Сарай-бату. Эта столица — не город в нашем понимании. Это, скорее, место, где в зимний период татары находятся постоянно, потому что летом они кочуют.

Когда рассказывают об этих событиях, то почему-то говорят, что тут же и было установлено татарское иго. Но это не так: одно дело — разгром военный, а другое — установление нового порядка. Здесь нужно четко понимать, что иго устанавливается с того момента, когда татары проводят перепись, или, как говорили наши предки, число. Это уже вторая половина 40-х годов и 50-е годы. Число — это перепись населения, с тем чтобы определить точные размеры дани.

Единственный не разграбленный город — Новгород. Но татары приезжают и туда, и Александр Невский делает все, чтобы новгородцы не накинудись на татарских численников и чтобы число было проведено. Бесстрашный витязь, великий полководец делает все, чтобы спасти город. И здесь он оказывается еще и великим дипломатом. Пускай Новгород будет платить, но он останется живым — так нужно не только новгородцам, но всей России.

И вот после того, как произведена перепись, начинается сбор дани. Для этого посылают баскаков, т. е. чиновников, которые приезжают в города и, живя там постоянно, собирают дань. Если кто-то не уплачивает положенную норму, начинаются конфискации. Конфискуют скот, могут спалить жилище, могут стр. 30 увести жену, детей, тебя самого, могут быть казни — короче говоря, все делается по-татарски. Ну а татарская дисциплина всем известна: если убежал в бою один человек, то убивают целый десяток, если убежало десять человек — вырезали сотню, в которую входил десяток.

Баскачество существует тем не менее сравнительно недолго. Я думаю, что оно и не могло существовать долго, потому что баскак — чиновник, если он начинает свирепствовать, то его убьют рано или поздно и остатки горожан убегут. И такое, видимо, бывало. Если же он начнет брать взятки, то его, естественно, убьют по приказу хана. Таким образом, эта форма сбора дани оказывается чрезвычайно невыгодной. Этим обстоятельством и воспользовались русские князья, которые вынуждены ездить к хану. Они его подданные, они испрашивают ярлыки на свои княжения, они начинают свой, казалось бы, малопривлекательный торг: о том, кто станет самым главным князем на Руси, кто будет великим князем Владимирским (не Киевским: от Киева ничего не осталось, его разграбили в 40-м году, потом было еще несколько нашествий, и наконец в конце XIII века его в последний раз сожгли, после чего в течение нескольких десятилетий стояла обгорелая София и лепилось к берегам Днепра несколько мазанок. Цвели вишни по весне, а города не было).

И вот на северо-восточной Руси происходит процесс, казалось бы, странный, несколько хаотический. Русские князья спорят, они ссорятся. Но дело в том, что русский человек в своем сознании — подданный своего князя, а не Батыя. А раз так, то князю виднее. Здесь

русские северные князья, вероятно, интуитивно понимают, что они на верном пути. И когда они гарантируют сбор дани и своевременное представление ее в ставку Батыею, татар это вполне устраивает. Стратегическая инициатива переходит из рук татар в руки князей северо-восточной Руси.

Процесс это очень болезненный. Немало князей погибнет в Орде. Одни будут казнены прямо там, другие погибнут от отравы, третьи — в результате доносов князей-конкурентов. Но этот процесс, который внешне выглядит как отвратительная тяжба перед лицом хана о своих владениях, на самом деле — очень активная политика. Русские князья покупали у татар право распоряжаться у себя самостоятельно. И эта политика в конечном итоге спасла Русь.

Не буду подробно останавливаться на общеизвестных событиях, связанных с Невской битвой и с Ледовым побоищем. Достаточно сказать, что Запад проявил себя так, как он проявлял себя на протяжении всей русской истории, то есть, в то время когда нас, нашу страну душили татары и когда Русь ложилась костями, фактически спасая Запад от татар, там объявляли крестовый поход на Русь, чтобы «схизматиков» наконец привести в истинную веру. Потому что и Невская битва, и события на Чудском озере — это именно проявления нового крестового похода. С этим фактом спорить невозможно. Александр Невский, величайший русский полководец, святой, блистательно показал, что может русский человек. Если на берегах Невы он с одной своей дружиной сбросил в воду шведских искателей приключений, то на льду Чудского озера дружины многих северных князей, новгородское ополчение рассчитались с тевтонскими ордами и показали, что введение католичества у нас — вещь крайне сложная и невыгодная. Но вот этот князь, который и с новгородцами-то обращался очень сурово (новгородцы, как известно, его прогоняли, а потом валялись в ногах у него в Переяславле, упрасывая вернуться, а он отказывался), — этот князь вдруг не дает в обиду татарских численников и запрещает новгородцам свернуть им шею. А потом, в 1263 году, совершает последнюю свою поездку в Орду и свой третий великий подвиг, о котором у нас почему-то никогда не вспоминают, а этот подвиг, может быть, еще более значим, чем то, что он совершил на берегах Невы и на Чудском озере.

Он добивается от татарского хана освобождения всех русских мужчин от обязанности служить в татарской армии и принимать участие в войнах, которые ведут татары в других государствах. Ведь татары смотрели на всю Россию, на русское население как на своих подданных. А раз так, значит, все были обязаны на общих основаниях служить в татарской армии. Из всех повинностей эта была самая страшная. Так вот, Александр Невский добился того, что этот обычай не стал применяться к русскому населению. А на обратном пути, в Городце на Волге, он умер при очень странных обстоятельствах — возможно, он был отравлен. Когда-то его отец после путешествия в далекий Каракорум тоже вернулся тяжело больной, и болезнь его носила такой характер, что современные специалисты-химики могли бы говорить, вероятно, об очень медленно действующем яде растительного происхождения. Татары умели сводить счеты с теми, кто им был страшен или неуютен.

И вот оказывается, что Александр Невский, святой, полководец, человек, которого немисливо даже на мгновение заподозрить в каких-то личных интересах, в отношении татар вел политику иную, чем в отношении тех же немцев или шведов. Он реально смотрел на вещи. Он мог вывести все новгородское ополчение, дружины свои, своего отца и своих братьев, но это привело бы к тому, что они все равно все бы погибли. Время борьбы еще не наступило, и следовательно, надо было менять политику, нужно было дать возможность сохраниться государственности русской на любых условиях. Нужно было воспользоваться той слабостью, которую выказали татары в вопросах сбора дани. Нужно было использовать фактическую свободу Русской Церкви, потому что татары были веротерпимы, они в это время еще язычники, а не мусульмане. Они уничтожали духовенство во время войны, как и любых других жителей, но в мирное время они, по своим обычаям, не грабили Церковь. Логика их была проста: если какому-то богу поклоняется так много народа, то с этим богом портить отношения не следует — типичная языческая психология. Когда-то так поступали

римляне, которые в свой Пантеон включали абсолютно всех богов тех народов, которые они завоевывали. Поэтому в конце концов римский Пантеон стал напоминать стр. 31 какой-то невероятный интернационал. Римляне же, принося жертвы этим божествам, говорили: «Неизвестно, поможет ли это, но, безусловно, не повредит».

Мне иногда кажется, что именно в то время сформировалась мысль о том, что военная борьба с татарами должна быть отложена, что надо выживать, что то наше качество, которое иногда является национальной добродетелью, а иногда пороком — терпение — нужно использовать. Нужно восстановить хоть как-то эти разоренные города, нужно сохранить веру, нужно позаботиться о пленниках, которые живут в Орде, — и вскоре, в конце XIII века, будет открыта в Сарае русская епархия.

Естественно, сарайские епископы занимались не только духовным окормлением пленных, фактически это была узаконенная резидентура, и поэтому когда с конца XIII столетия русские князья начнут регулярно ездить в Орду за ярлыками, они будут иметь всю необходимую информацию именно через представителей Русской Церкви. Кончится тем, что Иван Калита перед очередной поездкой в Орду еще сидя в Москве будет знать, кому из приближенных очередного хана что нужно привезти, т. е., попросту, какая взятка потребуется. Период этот нельзя назвать героическим. Часто на Руси именно самая необходимая работа идет медленно и внешне не имеет никакого эффектного обрамления. Она движется подспудно, внешне порой выглядя крайне непрезентабельно, порождая массу нареканий. Но русский народ — это бегун на длинные дистанции, нужно силы рассчитать очень надолго, потому что короткая вспышка ни к чему не приведет. Постепенно эта мысль становится, видимо, общей. Ведь, в сущности, та борьба, которая будет вестись между московскими князьями и тверскими, будет фактически борьбой двух политик, двух позиций. Политики, начало которой положил Александр Невский, и политики старой, периода феодальной раздробленности, когда мы, князья-удальцы, молодцы, ляжем костьми, но не посрамим веру православную.

Тверь, видимо, жила старыми традициями. Москва — новый город, новый центр — имела новые традиции. Можно сказать, что она родила новую политику, которая оказалась гораздо более дальновидной, более серьезной. А потом, конечно, было необходимо время для того, чтобы заново накопить силы.

Люди, которые испытали татарский погром, могли воспитать своих детей только так: сиди тихо, а то татарин придет. Эти дети не могли стать полноценными людьми. А татары еще собирали дань, значит, и следующее поколение было пуганое, и еще одно поколение было пуганое... А в 1327 году великим князем стал Иван Калита, и наступил мир на русской земле на целых 40 лет и тишина великая. На 40 лет — никаких татар. И родились новые поколения, которым при слове «татарин» хотелось взяться за топор, за меч, и впоследствии эти уже освободившиеся от всяких страхов люди вышли на Куликово поле. Процесс постепенного освобождения от этого ужаса, восстановления нормальной психологии занял почти 140 лет.

И вот, сравнивая эти две эпохи — XIII век и нынешнюю, приходишь к выводу, что иго большевиков, может быть, было страшнее, чем иго татар: те хотя бы не трогали Церковь, не обращали насильно в мусульманство или язычество или принудительно — в атеизм. Хотя бы в этом отношении человек оставался самим собой. А здесь искалечена была огромная масса людей — 200 с лишним миллионов человек, и, конечно, освободиться от этого можно не сразу и не в одном поколении.

Так вот, на ваших глазах произошло то, что происходило во второй половине XIII — начале XIV века: достаточно было объявить, что состоять в партии не обязательно, как все стали партийные билеты выбрасывать. И вдруг стали восстанавливаться храмы, и вдруг у нас появились наши иконы, наши святыни. Их очень мало — сколько было уничтожено! Но ведь и татары уничтожили. Возникли новые святыни, возникли новые иконы, новые храмы, родились новые люди. Вот этот процесс — он нормальный, естественный, и он опять

воссоздал нашу страну. И когда сейчас говорят о том, что все погибло, что сокращается объем производства, что у нас гиперинфляция, что у нас проворовалось все правительство... Я думаю, это совершенно естественный процесс. Не все сразу.

Иван Калита знал, сколько надо собрать дани для татар. Но собирал-то он больше. Он ведь грабил собственное население, а излишки складывал в казну, у себя, в подвалах кремлевских. И занимался этим 15 лет своего правления и еще раньше лет 15, пока правил его старший брат, Юрий Московский. Тот был часто в отъезде, так что заправлял всем Иван Калита. Награбил он очень много. И деньги эти сумел сохранить и передал в наследство своему сыну — вот какой был скупердяй. А сын его, Семен Гордый, ездил в Орду и там был тише воды и ниже травы. А приезжая обратно, опять из трудового народа выжимал все соки. И опять складывал, складывал, складывал... И вот уже племянник Семена Гордого (Семен Гордый умер, умерли его дети, и наследовал все его брат, человек крайне незначительный), этот мальчишка, Дмитрий Донской, использовал все то, что те накопили. Так что, я думаю, все, что происходит сейчас, нужно воспринимать не столь трагически. Современные процессы могут вам дать хоть немножко почувствовать все, что происходило тогда, хотя тогда, может быть, все было куда страшней, чем сегодня. Потому что когда установилось татарское иго, нападения на русские города продолжались 50–60 лет. Последний набег на Владимир зафиксирован в XIV столетии, а не в XIII. Киев был уничтожен и никогда не восстановился в прежнем своем значении. Киевское княжество обезлюдело, и туда пришли литовцы, и возникло там Великое Литовское княжество, из-за чего практически навсегда утратилось единство юго-западной и северо-восточной Руси. Это был процесс страшный, длинный, очень кровавый.

И только некоторые князья могли понять, скорее интуитивно, как надо действовать в этих условиях. Первым таким князем был Александр Невский, который фактически сам повел политику не то что замирения с Ордой, но покорности Орде. Думаю, что русские князья ненавидели Орду всеми силами своей души. Но — молчали. Известно, что Иван Калита был очень молчалив. И очень набожен. Я думаю, что стр. 32 эта набожность была отнюдь не проформой, а человек этот, на душе у которого было много грехов, молился потому, что это давало ему силы молчать, нести бремя власти (есть такой роман, по-моему, талантливо написанный, потому что он действительно показывает психологию этого князя).

Вот что надо знать о татарском нашествии.

Что вам необходимо прочитать? Берите хрестоматии по древнерусской литературе — любые. И я на экзамене буду требовать, чтобы вы могли текстуально мне продемонстрировать ваши знания. «Повесть о разорении Рязани Батыем» есть в любой хрестоматии. Я люблю пользоваться «Памятниками литературы древней Руси»^[13], но этот текст везде каноничен, во всех хрестоматиях печатается один и тот же перевод. Если вы воспользуетесь этим изданием, то тут надо прочитать следующее: «Слово о погибели русской земли», «Летописные повести о монголо-татарском нашествии» — здесь Лаврентьевская летопись, Ипатьевская и так называемый Тверской сборник. Этот том удобно использовать потому, что здесь приведены все летописные тексты о татарском нашествии. В обычных хрестоматиях по литературе этого нет. Я бы рекомендовал всем прочитать «Легенду о граде Китеже» — замечательно красивая и печальная вещь. Очень интересная, где очень любопытно отразились реальные события, в частности битва на реке Сити. «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора» — это очень короткое житие, но здесь оно печатается по самым древним спискам. Галицко-Волынская летопись. И, конечно, житие Александра Невского. Помимо того, что это потрясающая, на мой взгляд, литература, это и очень наглядная история. Дело в том, что все эти произведения писались практически сразу после описываемых событий, со слов

очевидцев, а может быть, и теми, кто непосредственно участвовал в событиях. Естественно, что тем, кто будет пользоваться этим изданием, необходимо посмотреть и комментарии (это 3-й том «Памятники литературы древней Руси. XIII век»). У С. Ф. Платонова о татаро-монгольском нашествии написано очень мало.

Лекция 7

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

1. — Характеристика периода. 2. — Церковь и государство в конце XIII — начале XIV вв. 3. — Государственная деятельность митрополита Кирилла. 4. — «Правила» 1274 года. 5. — Митрополит Кирилл и Даниил Галицкий. 6. — Государственная деятельность митрополита Максима. 7. — Митрополит Петр и возвышение Москвы. 8. — Характеристика правления Ивана Калиты. 9. — Итоги периода.

Сегодня у нас пойдет речь о событиях второй половины XIII — начале XIV века. Этот период — один из самых темных в русской истории, вполне понятно, почему: именно в этот период оформилось татарское иго. Источники наши достаточно скудны, а потери невосполнимы — мы можем только догадываться о том, что утрачено. Кроме того, так случилось, что этот период — лет 70–75 — очень специфичен. Главную роль в спасении русской государственности играют в это время не князья, а митрополиты.

Для великих русских историков, как церковных, так и гражданских — будь то митрополит Макарий, или Е. Е. Голубинский, или А. В. Карташев, или Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, — само собой разумеющимся моментом была нераздельность церковной и гражданской истории. Другое дело, что одни сосредоточивали свое внимание на чисто церковных, а другие — на чисто гражданских событиях. Но у всех этих историков мы можем найти колоссальный и часто абсолютно впервые открытый материал по истории государства и Церкви, Церкви и государства.

Разделение на историю Церкви и историю государства, историю гражданскую, достаточно условно. Море источников, фактов, летописей, хроник, житий, документов заставляло как-то разграничить эти сферы для удобства изучения, а отнюдь не для противопоставления их друг другу.

Последние 70 лет привели к тому, что у нас возник другой подход к этому. У нас изучалась с грехом пополам гражданская история и совершенно не изучалась история Церкви. Достать любую самую примитивную книжку по истории Церкви было практически невозможно. В результате в Духовной Академии стали преподавать только историю Церкви, совершенно забыв о гражданской истории, и это тоже можно понять. К сожалению, для большинства современных людей существует какое-то противопоставление церковной истории и гражданской, а это изначально неверно.

Наша страна была создана крещением народа. У нас государственность неотделима от Церкви, а Церковь неотделима от государственности, и противопоставлять эти вещи нельзя, это страшная ошибка. Плохая ли иерархия или хорошая, плохие ли правители или хорошие — вопрос другой. Пока существует русский народ, его судьба неотделима от истории Православия в нашей стране. Православная же Церковь в нашей стране не мыслится без истории русского государства. Если хотите, это аксиома. После такого замечания я хочу рассказать вам о том периоде русской истории, русского государства и русской Церкви, когда в период ослабления именно государственности лидирующую позицию принимает на себя Церковь.

Это произошло спонтанно. Понятно, что после татарского погрома процесс объединения Руси был нарушен, и, как мы знаем, окончательно наша страна объединилась спустя очень много времени — только стр. 33 в конце XV столетия. Отдельные княжества были просто стерты с лица земли, а другие ослаблены. Страна утратила свое единство настолько, что юго-западная Русь откололась от единой некогда Руси, а в выжженное пустое пространство, которое возникло на месте Черниговского, Киевского княжеств, с севера пришли дикие литовские племена. Они как бы разрезали тело древнерусского государства пополам, и северо-восточная Русь утратила прямой контакт с южной Русью. Результаты были самые плачевные. Для того, чтобы понять и сложность, и глубинность этих процессов, нужно обратиться к тем событиям, которые происходили в это время не только в истории северо-восточной Руси или юго-восточной, но и, собственно говоря, в истории Русской Церкви, то есть к деятельности митрополитов, которые возглавляли Русскую Церковь сразу после татарского нашествия, начиная с 40-х годов, до начала XIV столетия. Речь пойдет о деятельности митрополитов Кирилла, Максима и Петра.

Деятельность этих святителей всегда была увязана с деятельностью тех или иных князей. Митрополиты либо определяли политику князей, либо координировали свои действия с этой политикой, либо, наоборот, занимали какую-то оппозицию. Эти митрополиты были абсолютно разными людьми. Но самое поразительное, в своей деятельности что они проводили совершенно одинаковую линию. Так впоследствии московские князья, при всем их различии, будут проводить совершенно одинаковую политику, с поразительной настойчивостью возрождая то, что когда-то было. Можно сказать, что эти митрополиты первыми проложили такую удивительную линию. Последним домонгольским митрополитом был грек **Иоасаф**, о котором известно только то, что он был назначен. А дальше известия обрываются. Был ли он в Киеве или уехал оттуда перед нашествием татар, судить не берусь. А. В. Карташев думал, что он, вероятно, спасся — грек не желал себя подставлять под татарские ножи.

Короче говоря, после разгрома Киева Русская Церковь лишилась главы. И вот тогда князь Даниил Романович Галицкий, понимая, что церковные дела не терпят отлагательства, избирает митрополита. Им становится один из игуменов в Галицкой земле — **Кирилл**. Сначала он действует как нареченный митрополит, т. е. только как администратор. Приблизительно с 1242 по 1248 годы он именно администратор, т. е. еще не имеет права поставлять епископов и священнослужителей, поскольку сам не утвержден и не посвящен в Греции. Ну а после поездки в Грецию он становится законным главой Русской Церкви и начинается его деятельность, которая будет продолжаться очень много лет до его смерти в декабре 1281 года в Переславле-Залесском.

Сравнительно скудные сведения, которые о нем сохранились, говорят о том, что всю свою деятельность митрополит провел в разъездах. «Того же лета, — говорит летопись, когда упоминает о митрополите, — пошел митрополит Кирилл по обычаю своему...» И дальше указывается, куда он пошел — в тот или иной город. И действительно, практически не было долгих перерывов в его поездках: он все время объезжал территории русских княжеств, проходя города и веси.

Зачем он это делал? Ведь мы отлично знаем, что домонгольские митрополиты носы, как говорится, из Киева никуда не казали. Почему такая странная перемена обычая, почему такая странная тяга к путешествиям?

Объяснение лежит на поверхности. Страна была разорена, церкви сожжены, духовенство выбито. Мерзость запустения царила на всей русской земле. И вот митрополит делает то, что может: сам ездит, рукополагает священников, освящает храмы, служит, проповедует.

Удивительно то, что мы сейчас можем это легко понять. Перед нами прямо сейчас такой же пример: наш Святейший Патриарх Алексий непрерывно ездит по всей огромной

русской земле, и можно только поражаться, как этот немолодой уже человек выдерживает такой кошмарный ритм. А если иметь в виду, что в каждой поездке — богослужения, освящения, встречи и т. д., то можно сказать, что только Бог дает ему силы.

Почему он так поступает?

Да все потому же. Он отлично знает, в каком состоянии находится Русская Православная Церковь, в каком страшном виде возвращаются храмы, как везде не хватает денег, в каком глубоком упадке нравственность.

То же самое было и тогда, в XIII веке. Было выбито городское население, а следовательно, погибли грамотные люди. Библиотеки в монастырях и в городах были сожжены в ходе военных действий. Горели деревянные храмы, горели терема, горели рукописи. У нас от периода с XI по XIV век сохранилось всего полторы тысячи рукописных единиц хранения. Единица хранения — это не обязательно том, это может быть и отдельный лист, и даже кусок листа. Всего полторы тысячи от всей этой колоссальной письменности, книжности, которая была накоплена начиная с X века. О динамике сохранения подобных вещей при всех русских пожарах говорит тот факт, что один XV век нам оставил более трех с половиной тысяч рукописей, XVI век — более десяти тысяч (несмотря на то, что уже работал печатный станок), а в XVII веке, когда типография в Москве уже работала на полную мощность, количество рукописей исчисляется просто невероятным числом, и, собственно говоря, они даже не учтены. Можно себе представить, какой был разгром в XIII веке.

Чтобы можно было понять, что происходило с народом, я приведу отдельные строчки из знаменитого «Правила митрополита Кирилла», которое было установлено на Владимирском Соборе в 1274 году. Этот Собор составлен был из нескольких епископов и, строго говоря, поводом для Собора было избрание епископа во Владимир — поставление Серапиона, будущего знаменитого проповедника (об этом Соборе известно, что он был; у А. В. Карташева даже кратко перечислены вопросы, которые там рассматривались). стр. 34 «Правило» это было напечатано в свое время в издании: «Русская историческая библиотека. Памятники древнего русского канонического права» [14]. Называется оно так: **«1274 год. Правило Кирилла, митрополита русского, шедшихся епископов Долмата Новгородского, Игнатия Ростовского, Феогноста Переяславского, Симеона Полоцкого на поставление в епископы Серапиона Владимирского»**. Дальше идет вступление, которое митрополит Кирилл сам не составлял, а переписал из «Номоканона самоосвященного». И вот первое:

«Приде бо в слухе нашем, яко неции от братиев наших
дерзнувше продати священный сан».

Речь идет о симонии — о поставлении за мзду. Надо сказать, что поставление за взятку, или по мзде, это одно из очень тяжелых преступлений, которые иногда случаются в Церкви и которые были распространены, в частности, в Греции. Митрополит Кирилл формулирует здесь, что такое поставление за мзду, цитирует соответствующие правила и, естественно, определяет наказание. За такие вещи полагалось извергать из сана.

Но здесь надо понимать, что одно дело — поставление за взятку, а другое дело — оплата издержек. Эти вещи у нас тогда часто путали, да и сейчас путают. Одно дело — просто я захотел стать епископом, я человек заведомо недостойный, но коль скоро я заплачу и меня поставят, то дело сделано. Другое дело, что достойный человек, которого собираются ставить во епископа, должен при этом оплатить определенные издержки — скажем, оплатить облачение, свечи и т. д. Это надо понимать, потому что именно с этой статьей, с ее пониманием, будет впоследствии связана и история с судом над митрополитом Петром, которому однажды предъявили такое обвинение в симонии, т. е. в поставлении за взятку. Как известно, митрополит Петр был оправдан за отсутствием состава преступления. Историки

церкви полагают, что причиной такого обвинения было именно непонимание различия между собственно взяткой и издержками, которые необходимо было в том или ином случае понести.

Итак, здесь, очевидно, митрополита Кирилла волновал вопрос именно упадка духовных лиц и именно поставление за взятку. **Второе правило** сообщает о том, что чрезвычайно часто случается нарушение в чине крещения и детей, и взрослых: произносятся не те молитвы, совершаются не те священнодействия и т. д. Объяснение понятно: не сохранилось требников. Новопоставленное духовенство с голоса, по воспоминаниям тех, кто уцелел, пыталось что-то сделать. Конечно, многие скажут, что лучше такое крещение, чем никакого. Но тем не менее, это говорит о многом. Налицо был пример непонимания весьма важных вопросов.

Третье правило касается бытовых моментов — кулачных боев. В праздники, оказывается, устраивались кулачные бои, которые кончались смертоубийством, после чего с убитых снимали одежду. Ничего подобного не могло быть в Киевской Руси. За такие вещи, как вы знаете по «Русской правде», наказывали чрезвычайно строго. Как известно, даже за угрозу могли покарать батогами. А теперь умножились чисто языческие обычаи, которые приводили к убийствам.

Четвертое правило. Оказалось, что в новгородских пределах диаконы совершают проскомидию без священников, нарушая литургический чин. Здесь отсутствовали служебники.

Пятое правило, которое фиксирует полную патологию: оказывается, в то время были представители духовенства, которые начинали праздновать Светлое Христово Воскресение с Вербного воскресенья и напивались так, что всю Страстную седмицу не было служб. Трудно в это поверить, но это факт.

Шестое. Оказалось, что те съестные припасы, которые приносят на помин души, на кутью, для освящения, освящает кто угодно, но не священники.

Седьмое и восьмое правила содержат определения о языческих обычаях.

Речь идет о жутком языческом обычае, который получил у нас название «русалия». Отмечался он в пасхальную ночь Святого Воскресения, участвовала в нем молодежь и сводился он к тому, что, раздевшись донага, парни и девицы после ритуальных плясок предавались соответствующим удовольствиям. Это имело чисто языческие корни, такой праздник был на Руси до крещения и вот теперь воскрес вновь.

И, наконец, **девятое правило**, которое, как полагают некоторые ученые, было просто механически присоединено к «Правилам митрополита Кирилла»: нельзя чертить изображение креста ни на земле, ни на льду, скажем, во время праздника Богоявления, потому что тогда изображение креста попирается ногами.

Суммируя эти правила, можно сделать вывод: в результате татарского нашествия не просто были огромные материальные потери, не просто были колоссальные человеческие жертвы — началась страшная деградация нравственности. И мы с вами отлично это можем понять, потому что на сегодняшний день мы имеем то же самое. Нельзя войти ни в один вагон метро, чтобы не увидеть изображения Марии Дэви Христос, чтобы вам не сунули листовку в руки, чтобы какой-нибудь очередной Чумак или Кашпировский не зарядил что-нибудь. Каждый день, как прогноз погоды, по ТВ идет астрологический прогноз. Пугать вас у меня нет оснований, но надо понять масштабы этого явления. Ведь все-таки в домонгольской Руси не было телевидения, не было газет, то есть сознание людей не подвергалось такой мощной атаке. Я уж не говорю о том, что все виды сектантства сейчас подняли голову, что по телевизору идет программа чего угодно — от каких-то тибетских лам до самых обычных деловых американских баптистов, которые под рояль и под пение хора быстренько объясняют, что почем. Остается уповать только на то, что в нашей стране ни одна конфессия, кроме православной, выжить не может. Но тем не менее, если стр. 35 говорить серьезно, мы сейчас с вами фактически свидетели и участники такого же процесса,

как тот, который шел на Руси в период татарского ига.

Не нужно думать, что митрополит Кирилл сгущал краски. Уж кто-кто, а он поездил в течение десятков лет по Руси и знал, что происходит. И принимал меры — те, какие он мог принять. Можно только догадываться о том, сколько он воспитал людей, сколько рукоположил священников, как трудно ему было выбрать людей, потому что не было грамотных. Были искренне верящие, но плохо понимающие то, что нужно было понимать. Может быть, много было хитрых и недостойных Короче говоря, это был удивительно тяжелый период и всей истории, и его собственной жизни.

Умер он в дороге. По обычаю своему опять куда-то отправился и, проезжая через Переславль, заболел и умер. Но коль скоро он был Киевский митрополит, его останки отвезли в Киев и похоронили там, где полагалось лежать Киевскому митрополиту.

Есть еще один очень интересный момент, связанный с деятельностью митрополита Кирилла. Почему митрополит Кирилл все-таки в основном находился в пределах северо-восточной Руси? Почему он, уроженец Галичины, южной Руси, ушел от князя, который его сделал митрополитом, от Даниила Романовича Галицкого (то есть фактически стал в оппозицию к нему), и решил, что ему надо быть на севере? Ведь, казалось, южная Русь была в еще более тяжелом положении. Север, в конце концов, не был проходным местом.

Объяснить это можно тем, что Даниил Галицкий — бесспорно, патриот своей земли, но вместе с тем и политик — в течение всей своей политической деятельности фактически метался между двумя дорогами. Он делал выбор: на кого опереться?

Ближе ему был Запад, с которым он был хорошо знаком, с которым связывали его и узы родства, и который формально обещал ему поддержку против татар. А на Востоке были татары, и казалось, опираться на татар было невозможно.

Мы знаем, что Даниил неоднократно заводил переговоры с Западом, вел и прямые переговоры с Ватиканом, был коронован папским легатом в Дорогичине. Именно этой ориентацией князя Даниила можно объяснить ту попытку оппозиции, которая наблюдается со стороны митрополита Кирилла. Православный митрополит, он прекрасно понимал, что Запад здесь не помощник, а наоборот. Он понял, что верен другой путь, и в этом отношении был полностью согласен с князем, которого сам впоследствии отпел, — с Александром Невским. Мы видим здесь ту симфонию церковной и царской власти, которая бывала иногда на Руси. И тогда даже невозможное становилось возможным.

Преемником митрополита Кирилла был митрополит **Максим**, грек. Вот этот грек, казалось бы, очень далекий от русских интересов, который, вероятно, плохо представлял себе Русь, тем не менее фактически продолжил деятельность своего предшественника — правда, не в таких масштабах, хотя известно, что он тоже постоянно путешествовал. Но он делает очень важную вещь, которая во многом определит дальнейшее развитие Руси: формально переносит митрополичью кафедру из Киева во Владимир. Таким образом духовный центр перемещается в северо-восточную Русь.

Делает это человек, который не обязан был хорошо разбираться в русских делах. Но тем не менее получается, что он понимает суть процесса, который идет, и делает чрезвычайно важное дело. Тем более что ему, вероятно, это было сделать легче, чем, скажем, русскому митрополиту, поскольку, естественно, ему Константинопольская патриархия доверяла больше.

Смена местопребывания митрополита — это не просто пространственное изменение. Киевскому митрополиту полагалось быть в Киеве. Но Киев был разгромлен в 1240 году и представлял собой запущенные развалины, руины, которые нельзя было назвать городом. Потом, в 1290 году, эти остатки были окончательно разорены и постепенно становились фактическим местом пребывания каких-то банд, хищников, грабителей. Туда спускались литовцы, в этих пространствах фактически была нарушена всякая государственность. Правда, митрополит мог переехать и в Галич — Галич-то ближе, чем Константинополь. Но нет. Западные авантюры Галицких князей подтолкнули митрополитов сделать свой выбор. И

они его сделали в пользу северо-восточной Руси.

С этого момента история Руси делается на северо-востоке. И хотя один из Галицких князей пытается создать свою митрополию, которая просуществовала всего два или три года (митрополитом Галицким был Никон, который был поставлен в 1302 или в 1303 году, а умер в 1305). Но центром духовной жизни Галич не стал. И мы знаем, что постепенно Южная Русь утратила свою государственность и вошла в состав и Польши, и Литвы. В XIV веке мы уже не знаем Галицко-Волынского княжества — мы знаем Литовское государство, Великое княжество Литовское, которое впоследствии сольется с католической Польшей.

На севере же дела пойдут совершенно иначе.

Митрополит Максим, может быть, не будучи такой яркой личностью, как митрополит Кирилл, тем не менее делал то же самое дело.

Он умер, и на его место был избран — опять-таки на юге — **игумен Петр**, впоследствии первый московский святитель. И опять то же самое: он без конца объезжает разные земли, в том числе и волыньские, и Галицкие, окормляет паству — то есть продолжает ту же самую малозаметную работу, которую начал митрополит Кирилл.

Мы знаем, что тверской князь принял митрополита в штаны. Тверской князь Михаил в это время был великим князем владимирским, и он был недоволен тем, что митрополит поставлен не по его выбору. стр. 36 Была другая кандидатура, которая не была утверждена в Константинополе. И он, вполне возможно, был одним из инициаторов этой малопривлекательной истории с судом над митрополитом Петром. Но вы знаете, что митрополит Петр был оправдан, и именно в процессе этого суда одним из самых ярких защитников митрополита был московский князь Юрий Данилович, который тягался с тверским князем за великое княжение. Юрий Данилович был человеком крайне малопривлекательным. Если его отец был замечательный человек, то Юрий был политик, который в своей деятельности не брезговал ровно никакими средствами, ибо цель — великое княжение владимирское — оправдывала в его глазах все. Но он был, бесспорно, человеком умным. Он видел, что великий князь владимирский не собирается строить нормальные отношения с главой Церкви, и, вероятно, сделал все, чтобы у него отношения с митрополитом Петром были хорошими.

Другое дело, что Юрию Даниловичу было недосуг эти отношения долго поддерживать. Поэтому в Москве, своей столице, его практически никогда не было. Он непрерывно сидел в Орде, периодически нападал на своих соседей, иногда терпел от них разгромы, как, скажем, от тверского князя. Он даже женился на сестре хана, она была перекрещена, естественно, в Православие и получила имя Агафья. Она умерла, находясь в плену в Твери после очередного разгрома, который потерпел Юрий от тверского князя Михаила. И это было использовано Юрием Даниловичем, который обвинил тверского князя в убийстве ханской сестры. А в Москве в это время управлял брат Юрия Даниловича — Иван Данилович, который, в отличие от своего брата, был большим домоседом.

Михаил Тверской был зверски убит в Орде, и надо полагать, что к этому руку приложил Юрий Московский. Прямых доказательств нет, но тем не менее, учитывая общий характер деятельности Юрия, это могло иметь место. У него остался сын-наследник — Дмитрий Михайлович, который имел интересное прозвище: Дмитрий Грозные очи. И вот этот Дмитрий, вероятно, узнал о роли Юрия Московского в смерти отца и однажды, встретив его в Орде, зарубил прямо на улице. За что, естественно, сам был убит татарами. Так вот, московским князем становится Иван Данилович, поскольку его брат умер бездетным. А у него-то отношения с митрополитом Петром были очень хорошие. Каждый раз, когда митрополит Петр приезжал в Москву, его встречали с распростертыми объятиями.

Видимо, эти люди действительно очень хорошо поняли друг друга и те цели, которые перед ними стояли. И вот в Москве спешно в августе 1325 года закладывается маленький Успенский собор — так благословил митрополит Петр. У нас не строили под зиму, начинали все ранней весной, но здесь торопились, и в еще не достроенном храме положили умершего

митрополита Петра, поскольку таково было его желание. Начинаются чудеса у гроба святителя, и Москва уже не просто крохотный городок, затерянный где-то в приволжских лесах, не какая-то промежуточная станция между Владимиром и Рязанью, не гнездо хищников типа Юрия Московского, а место, где похоронен митрополит русский.

В 1328 году великим князем владимирским становится **Иван Данилович Калита**, о котором в русской истории почему-то всегда говорят с некоторым сарказмом. Ну действительно — скопидом, калита, денежный мешок; о нем известно много самых разных подробностей, в частности такая. Как известно, он был очень набожен и очень нищелюбив. И дело было не только в традиции, но и в характере. Когда он шествовал в собор из своего терема, то нищие тянули руки, а он из своей калиты (кошелька, привязанного к поясу) оделял их мелкой монетой. В одном житии рассказывается, как один нищий протиснулся к князю, протянул руку и получил подавание. Тут же он забежал с другой стороны и опять попросил. Князь опять ему дал милостыню. Тогда он в третий раз просит. Князь его уже заметил, подает ему и говорит: «Возьми, несытые зенки». А тот ему отвечает: «Сам ты несытые зенки! Здесь царствуешь и там хочешь царствовать». То есть: ты так подаешь милостыню, что не только здесь ты князь, но и после смерти окажешься в раю за свое нищелюбие.

И вот этот скопидом и домосед Иван Калита делает поразительную вещь: в течение 15 лет, которые он управляет Москвой и всей Русью, на русских землях не появляется ни одного татарина без разрешения московского князя. Татары возникают только тогда, когда кто-то из подвластных Калите людей пытается быть независимым.

Управляет он весьма любопытно. Он накладывает весьма солидную дань подати на всех своих подданных. Ему надо платить ордынский «выход», а за своевременное и правильное предоставление «выходов» князья отвечали головой. Но он собирает значительно больше. Когда где-то не в его уделе начинается распря или вдруг перестают его слушать, он иногда посылает туда своих воинов, как, скажем, послал свою дружину в Ростов, чтобы они его просто разгромили. Но после этого все жители ростовской земли приглашаются жить в московских землях: пожалуйста, здесь вас трогать никто не будет. И люди идут. Именно так переходит из Ростова Великого в подмосковный Радонеж боярин Кирилл и его жена Мария с сыновьями, один из которых — будущий Сергей Радонежский.

Когда Иван Калита был еще мальчишкой, он крестил старшего сына у московского боярина Бяконта. При крещении мальчик получил имя Елевферий. Когда он стал совершеннолетним, то сказал родителям, что хочет постричься в монахи. Наверное, его родители испытали сильнейшее потрясение, но сделать ничего не смогли, и он стал послушником, а потом монахом Богоявленского монастыря, что под Москвой, приняв при постриге имя Алексей.

Вам это трудно сейчас представить, но «под Москвой» в те времена — это вот где: вот Красная площадь, вот Кремль, вот ГУМ, вот Никольская улица, вот проезд Сапунова, Ветошный ряд, а следующий поворот от Никольской направо, где метро «Площадь революции», — Богоявленский монастырь.

стр. 37

Известно, что Иван Калита часто ездил в Орду. Имел ли он прямое отношение к гибели в Орде Александра Тверского, судить не берусь. Некоторые думают: ну как же, московский князь — и не выдать в Орду очередного тверского князя? Не может быть. Другие считают, что тверской князь погиб без помощи москвичей. Но дело не в этом. Дело в том, что политика Ивана, абсолютно невыразительная, которую, впрочем, вели его потомки и о которой так эффектно выразился В. О. Ключевский — что это не разные люди, а бесконечное повторение одного и того же фамильного типа, серые незаметные личности, про которых трудно даже вспомнить, кто Иван, а кто Василий, — так вот, эта политика оказалась путем, который привел Русь к освобождению от татарского ига. Это понимал митрополит Петр. Отсюда и успехи Калиты, Москвы при митрополите Петре, преемственная политика

московских князей, потомков Ивана Калиты, и нового митрополита **Феогноста** (грека, как и митрополит Максим).

Казалось, грек может и не знать московские дела. Но именно грек и перенес фактически митрополию в Москву, как митрополит Максим перенес митрополию из Киева во Владимир. Более того, он стал москвичом, так сказать, по духу, по мыслям. Он подружился с иноком Алексием и приблизил его к себе. Он, такой же скопидом, как и московский князь, мог бы получить упрек в том, что любит наживу. Но тут надо просто знать, что татары не облагали никакими податями духовенство и тех людей, которые числились за митрополитом. И вот получалось, что Феогност, увеличивая количество земельных владений, тем самым выводил людей из-под татарской зависимости. Делалось это тихо, спокойно, без лишних слов. Орда подмазывалась бесконечными подарками. Известно было, кому и что дарить. Татары любили серебро, в Московском княжестве серебряных рудников никогда не было, шло все из Новгорода, поэтому Новгород заставляли ежегодно давать столько серебра, сколько было нужно.

Именно при Иване Калите и митрополите Феогносте закладывается будущее материальное могущество и Москвы, и Руси. Даже шапка Мономаха была отделана мехом, видимо, при Иване Калите ордынскими мастерами.

Вот так странно идет в этот период русская история. И понять ее можно, только если не разделять историю Церкви и историю гражданскую. Ее можно раскрыть только тогда, когда вы поймете, что деятельность князей и деятельность митрополитов была единой. Разные люди шли к одной цели. Именно поэтому успех сопутствовал их делам. И даже когда стихийное бедствие вторгается в московскую жизнь — от чумы умирает **Семен Гордый** и его дети, а также митрополит Феогност и, кажется, все гибнет, тем не менее, все продолжается по-прежнему. К власти приходит брат Семена Гордого, **Иван Красный**, человек совершенно незаметный, казалось бы, никчемный, но московские бояре тут же восстанавливают связи с Ордой и попытка отнять у московского князя великое княжение терпит неудачу. Рязанские князья не могут ничего добиться в смысле территориальных захватов у москвичей.

А когда вскоре Иван Красный умрет, то он оставит завещание, где назначит правителем государства, вследствие малолетства своего сына, митрополита Московского **Алексия**. Если предыдущие святители действовали как бы рука об руку с князьями, то здесь мы вдруг вступаем в такой период русской истории, когда главой Церкви и главой страны является одно лицо. Причем отнюдь не по своему желанию.

Мальчику Дмитрию Ивановичу несколько лет, его двоюродному брату, серпуховскому князю, еще меньше. И вот митрополиту приходится воспитывать этих мальчишек, управлять страной, строить первую каменную стену вокруг столицы, ездить в Орду, а ведь он уже немолодой человек, он родился еще в XIII столетии. И вот он, митрополит Алексей, как бы завершает строительство нового государства. Он продолжает дело своего крестного отца. При нем окончательно формируются предпосылки для объединения Руси. Москва становится центром России, и не только духовным, но и политическим.

А дальше происходит то, что вы хорошо знаете. Спустя несколько лет после смерти митрополита Алексия его воспитанники выводят общерусское войско на Куликово поле. Так завершается этот поразительный период истории, период неразрывного единства в деятельности князей и митрополитов, светской и духовной власти, когда не спорили о том, какая власть выше и важнее, когда шли к одной главной цели, работая только для нее и не щадя своих сил, православные русские и греки, старые и молодые, политики и святители. И вот этот период наглухо забыли за последние 70 лет. Сейчас для нас с вами те далекие события могут быть примером, потому что, анализируя их, мы, может быть, лучше поймем

события современные.

Я вовсе не хочу вас приучить всегда проводить какие-то аналогии. Это штука довольно опасная и не всегда верная. Но для понимания процессов иногда аналогию все-таки провести следует, чтобы вы могли представить себе общую картину событий.

Естественно, XIII и XIV века сильно отличаются от конца XX века. Но возрождение страны возможно только при союзе (во всяком случае не при конфронтации) Православной Церкви и государственной власти. Когда говорят, что сейчас происходит распад страны, это неверно: распад происходил 70 лет. Мы только пожинаем плоды этого распада. Но мы должны надеяться, что Бог будет милостив к нашей стране и Россия опять возродится. Смотрите, сколько произошло удивительных событий за последние несколько лет. И мы видим, что Церковь постепенно занимает то место, которое ей положено занимать. Не нужно требовать большего, не нужно требовать, чтобы Церковь подчинила себе светскую власть — этого не должно быть. Требуется взаимопонимание. И тогда в нашу жизнь постепенно придет порядок.

стр. 38

Лекция 8

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

1. — Куликовский цикл. 2. — Столкновения на реках Пьяне и Воже. 3. — Сказание о Мамаевом побоище. 4. — Накануне Куликовской битвы. 5. — Подготовка к сражению. 6. — Куликовская битва. 7. — Нашествие Тохтамыша.

В наших летописях сохранился ряд текстов, которые связываются исследователями в так называемый «Куликовский цикл». Эти тексты, и чисто литературные, и чисто исторические, писались в разные годы, но всегда вскоре после тех событий, которые они описывают. Основные произведения, которые относятся к «Куликовскому циклу», следующие: «Повесть о побоище на реке Пьяне» (побоище это произошло в 1377 году), «Повесть о битве на реке Воже» (эта битва имела место в 1378 году), затем знаменитая «Задонщина» — чисто литературное произведение, написанное по образу и подобию «Слова о полку Игореве», но уже о Куликовской битве. Затем следует упомянуть летописную «Повесть о Куликовской битве» и, наконец, то произведение, которое сегодня нас будет интересовать больше всего — «Сказание о Мамаевом побоище».

Итак, прежде чем мы перейдем с вами к разбору непосредственно «Сказания» и событий, связанных с Куликовской битвой, несколько слов о событиях, которые ей предшествовали. Вы уже знаете, что в середине XIV столетия Орда была не та, что раньше. Последний сильный хан Золотой Орды — хан Узбек — умер почти одновременно с Иваном Калитой, и в Орде начались междоусобицы, государственность ослабела, и инициатива перешла к московским князьям, которые используют ее крайне рационально: они просто перестают представлять «выход» в Орду. Сначала это бывает разовым мероприятием, но постепенно становится почти системой. И несмотря на то, что Симеону Гордому, очень сильному и энергичному правителю, наследовал его брат Иван Красный — человек совершенно иной, что отразилось и в его прозвище («Красный» — значит красивый), — все равно Москва, Московское государство фактически в это время чувствует себя и достаточно безопасно от Орды, и достаточно независимо.

Когда в Орде совершается очередной переворот, и во главе ее встает темник Мамай (темником — начальник тьмы, или тумена — десяти тысяч; он не был ханом по происхождению, т. е. не принадлежал к дому Чингизидов), то он понимает, что

единственный способ завоевать власть и утвердить свой авторитет — это провести успешный поход на Русь, на Московское княжество, которое позволяет себе под предлогом, что некому-де платить, вести себя крайне независимо. Он также понимает, что должен иметь место не набег, а нашествие. С приходом к власти Мамай татары стали готовиться к повторению нашествия Батые. Но сшибки и пограничные истории имели место и в 1377, и в 1378 годах.

Так, в 1377 году на берегах реки Пьяны (пределы Нижегородского княжества) русские воеводы и ратники позволили себе в жаркий летний день вести себя крайне вольно. Брони и оружие лежали на возах, а они охотились и, как водится, сопровождали свое занятие обильными возлияниями. Летописец едко прибавил: «Воистину за Пьяной все пьяны быша». Такое приятное времяпровождение внезапно нарушили татары, и русская рать была мгновенно разгромлена.

Казалось бы, об этой истории нет оснований долго рассказывать. Но впервые русские ратники позволили себе такое наплевательское отношение к угрозе татарского нападения. Они, конечно, поплатились за это, но это говорит о том, что они уже не боялись татар.

На следующий год, в 1378 году, уже сам великий князь московский Дмитрий Иванович «в силе тяжце», как сообщает летопись, отправился поискать татар в рязанские пределы — заметьте, не на своей территории. И на реке Воже встретил большие татарские силы. Если за год до этого русские не ждали татар, то тут все было подготовлено по всем правилам. Последовала молниеносная атака русских конных дружин, и татары были разгромлены. Они бежали, забыв про обоз и пленников, все досталось княжеской дружине, и таким образом пробный камень был брошен. Бросок этот оказался удачным. Оказалось, татар можно очень основательно бить, и эта последняя военная схватка показала, что, видимо, впереди уже забрезжила борьба между Московским государством и Золотой Ордой.

И вот, действительно, наступает 1380 год, когда и произошли те события, о которых знать надо подробно.

В отличие от очень кратких повестей о битве на Пьяне и на Воже, от достаточно лаконичной летописной повести, от чисто литературной «Задонщины», где почти нет не обработанных литературно исторических фактов, «Сказание о Мамаевом побоище», написанное в XV столетии, представляет собой развернутый, очень продуманный рассказ о событиях, которые предшествовали Куликовской битве, начиная с весны 1380 года, и о том, как она произошла. Те, кто желает знать подробности этого великого сражения, должны обратиться именно к этому тексту. Рассказ этот в меру литературен и вместе с тем чрезвычайно точен и подробен. Надо полагать, что под руками неизвестного автора этого «Сказания» были и воспоминания участников (не исключено, что он и сам принимал участие в этой битве), и какие-то, видимо, тексты. Короче говоря, этот рассказ представляет собой обработку разных текстов и сведений, своеобразную сводку, но, повторяю, очень продуманно сделанную и представляющую собой систематизированный, подробный и точный отчет о Куликовской битве.

стр. 39

«Сказание о Мамаевом побоище» можно считать главным произведением «Куликовского цикла». Оно дошло до нас в большом количестве списков, которые датируются временем с XVI по XIX век (любопытно, что в XIX веке, когда было уже забыто так много в русской рукописной традиции, именно это произведение было живо, и именно в рукописной традиции).

Итак, «Сказание о Мамаевом побоище» начинается, как полагалось в русских летописях: говорится о том, кто правил в этот момент Русью, о том, как безбожный Мамай, уподобясь Батю, захотел опять повторить нашествие на Русь. То есть делается своеобразное введение, а дальше идет текст чисто исторический.

В это время у Москвы сохранялся только один соперник из русских княжеств — Рязанское княжество. Рязанский князь Олег действительно был врагом князя московского. Врагом старым, закоренелым, и Рязанское княжество, выдвинутое на восток и, как правило,

первым принимавшее на себя удар орд, вторгавшихся с востока, в данной ситуации могло пострадать больше других. Олег предпринимает свои меры. Он входит в контакт с Мамаем и одновременно с литовским князем — соперником московских князей. Естественно, в этой истории он думает о своей выгоде. Эти три весьма разных правителя — рязанский князь, литовский князь и Мамай — заключают между собой своеобразный союз, смысл которого сводится к тому, что Олег не будет помогать москвичам, а Мамай пойдет нашествием на Русь, литовцы же пойдут на помощь Мамаю. Таким образом против Москвы сложилась коалиция.

Естественно, Москва об этом своевременно узнала, и князь Дмитрий Иванович, хорошо осведомленный о том, что происходит в Орде, зная наверняка, что решение о походе на Русь уже принято, рассылает своих разведчиков, которые должны следовать за Ордой во время ее летнего кочевья. Орда всегда перед тем, как начать поход, кочевала. Лошадей откармливали на тучных летних пастбищах, и маршрут этого кочевья выбирался так, чтобы к моменту, когда надо начинать нашествие, границы были рядом.

И вот когда становится очевидным, что Орда переходит Волгу, князь Дмитрий рассылает гонцов по городам, по княжествам, с тем чтобы все уже были извещены о том, что близко то время, когда понадобится помощь всех русских сил. Дело в том, что в это время Москва уже стала авторитетом практически для всей Руси. И не только духовным. Уже почти в течение ста лет московские князья собирали ордынский «выход» со всей русской земли. Уже привыкли к тому, что именно Москва своей политикой прикрывала русскую землю от разорения. Уже практически все княжества так или иначе признали авторитет, старшинство, главенство Москвы, за исключением, пожалуй, только Рязани, и было очевидно, что в этой ситуации все русские земли, города и князья должны поддержать не московского князя, а всю «Русь», т. е. составить общерусское войско.

«И прослышал князь великий Дмитрий Иванович, что надвигается на него безбожный царь Мамай со многими ордами и со всеми силами, неустанно ярься на христиан и на Христову веру и завидуя безголовому Батыю. И сильно опечалился князь великий Дмитрий Иванович из-за нашествия безбожных. И став пред святою иконою Господня образа, что в изголовье его стояла и упав на колени свои, стал молиться».

Вероятно, писатель скажет, что это чисто литературный прием. А для историка, вероятно, здесь есть и отголосок реального события. Совершенно очевидно, что стратегическая разведка была поставлена должным образом. И как только стало ясно, что Орда приближается к русским границам, известия о ее продвижении шли в Москву постоянно. Очередной гонец прискакал и сообщил, что Мамай двинулся.

Князь узнал об этом, находясь в своей опочивальне, и первой его реакцией была нормальная реакция русского православного человека — он встал на колени перед иконой и стал читать молитвы.

Сразу же были посланы гонцы за князьями, которые получили приказание съезжаться в Москву со своими дружинами. Одновременно посылают гонцов в города, далекие и близкие, с тем чтобы городское и земское ополчение шло к Коломне, и сроком, когда нужно там собраться, назначается Успение, т. е. 28 августа (по новому стилю).

Князья с дружинами, заранее отобилизованные, быстро съезжаются в Москву, и здесь в тексте идет вставка, которая свидетельствует о том, что произведение это было написано в расчете на общегосударственное распространение. Здесь говорится о том, что князь Дмитрий держит совет с митрополитом Киприаном. Это вставка чисто искусственная, поскольку митрополита Киприана во время всех этих событий не было в Москве. Отношения митрополита Киприана с Дмитрием Донским были очень сложными, потому что, как известно, Киприан был поставлен митрополитом еще при жизни митрополита Алексия, и

Дмитрий простить этого Киприану, видимо, до конца не мог. Поэтому вставка эта была сделана из соображений чисто назидательных, дидактических: вся земля объединяется, естественно, соблюдаются все детали, а раз есть глава Церкви, то, естественно, должен иметь место и совет князя с митрополитом.

Дальше посылают послов. Один из них, Захарий Тютчев, упомянут в летописи, это предок нашего великого поэта. Дальше посылаются заставы, или, как тогда говорили, сторожи — конные подвижные заставы, которые должны следить за передвижениями Орды в степи. Они уже получают задание чисто военное — добыть «языка». Сторожевые отряды задерживаются в степи, посылается вторая застава, которая встречает гонца с «языком». Его ведут к великому князю. «Язык же был из сановных мужей», он сообщает великому князю, что неотвратно надвигается Мамай на Русь и что списались друг с другом и соединились с ним Олег Рязанский и Ольгерд Литовский. И не спешит царь оттого идти, что осени дожидается.

Татары совершали свои походы, как известно, осенью, после того как кони хорошо отдохнули, когда пышное разнотравье кончилось и наступают первые заморозки, когда впереди зима и реки должны стать стр. 40 льдом, чтобы была хорошая дорога для конницы. Итак, в Москву собираются князья.

«И пришли к нему князья белозерские, готовы они к бою,
прекрасно снаряжено войско их. Пришли ярославские князья,
каргопольские, андомские князья и многие другие».

Эти князья уже давно не те, что были когда-то в домонгольской Руси. Это потомки знаменитых родов — князья, которые княжат уже в городках, небольших землях, они все давно уже приведены под руку московского князя. У каждого дружина — может быть, не такая большая, как были когда-то у киевских и владимирских князей, но тем не менее это профессионалы, а это очень важно.

«И вот князь великий Дмитрий Иванович, взяв с собой брата
своего князя Владимира Андреевича (это его двоюродный брат,
князь серпуховской) и всех князей русских, поехал к
Живоначальной Троице, на поклон к отцу своему духовному,
преподобному старцу Сергию, благословение получить от святой
той обители. И просил его преподобный Сергей, чтобы прослушал
он Святую Литургию, потому что был тогда день воскресный и
читалась память святых мучеников Флора и Лавра. По окончании же
Литургии просил святой Сергей со всею братиею великого князя,
чтобы откушал хлеба в доме Живоначальной Троицы, в обители
его. Великий же князь был в замешательстве, ибо пришли к нему
вестники, что уже приближаются поганые татары. И просил он
преподобного, чтобы его отпустили. И ответил ему преподобный
старец: «Это твое промедление благим для тебя поспешением
обернется. Ибо не сейчас еще, господин мой, смертный венец
носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь
уже венцы плетутся». Князь же великий откушал хлеба у них, а
игумен Сергей велел воду освящать с мощей святых мучеников
Флора и Лавра. Князь же великий скоро от трапезы встал, и
преподобный Сергей окропил его священной водою и все
христоролюбивое его войско и осенил великого князя крестом,
Христовым знаменем... И сказал: «Пойди, господин, на поганых
половцев. Призывай Бога, и Господь Бог будет тебе помощником и
заступником». И добавил ему тихо: «Победишь, господин,

супостатов своих, как и подобает тебе, государь наш». Князь же великий сказал: «Дай мне, отче, двух воинов из своих братьев — Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябу, тем ты и сам нам поможешь».

Иноки, бывшие брянские бояре (они, вероятно, постриглись после смерти жен), были тут же отданы князю, причем преподобный Сергей возложил на них схиму, как бы напутствуя на смерть в бою. И вот мы можем себе только представить, как уплотнилось время в те дни, какая скачка была из Москвы Дмитрия Донского и князей в Троицу, как неслись они обратно в Москву, потому что уже немного оставалось дней до праздника Успения, когда они должны были быть в Коломне.

Возвратившись в Москву, они назначают выход на четверг, 27 августа — день памяти святого отца Пимена Отшельника. «В тот день решил князь великий выйти навстречу безбожным татарам».

Он идет со своим братом Владимиром Андреевичем в Успенский собор и молится там перед гробницей святителя Петра, а затем идет в Архангельский собор поклониться гробам родителей и предков.

«Княгиня же великая Евдокия и Владимира княгиня Мария и других православных князей княгини и многие жены воевод и боярыни московские и жены слуг их стояли, провожая, от слез и кликов сердечных не могли слова сказать, свершая прощальное целование. И остальные княгини, боярыни и жены слуг также свершали со своими мужьями прощальное целование и вернулись вместе с... княгинею. Князь же великий, еле удерживаясь от слез, не стал плакать при народе, ... сильно прослезился, утешая свою княгиню, и сказал: «Жена, если Бог за нас, то кто против нас?»

В это время в трех кремлевских воротах — в Никольских, Спасских и Константино-Еленинских, ближайших к Москве-реке, встало московское духовенство. Священники встали с чашами, в которых была святая вода, и крестами, и через эти трое ворот из города (Кремль тогда и был Москва) стало тремя дорогами выходить огромное войско, которое собралось в Москве — все конные дружины князей, съехавшихся в Москву. Ратники шли ряд за рядом, строй за строем через народ, а священники напутствовали их на бой и кропили святой водой.

По трем дорогам уходило войско в сторону Коломны, и княгиня Евдокия и остальные княгини собрались в светлице на верху терема и оттуда через окно видели, как уходит за горизонт тремя потоками, сливаясь где-то вдали в общий поток, московская рать. Они понимали, что вернуться далеко не все. Можно себе представить, как молились эти женщины о том, чтобы Господь даровал победу и спасение их мужьям, сыновьям и братьям на той битве, которая им предстояла.

В день Успения собрались в Коломне, и тут же был устроен смотр всему огромному войску. На Девичьем поле перед монастырем выстроились полки, тут же был им придан строй, который надо держать во время похода, тут же были назначены воеводы большого полка, полка левой руки, правой руки и отдан приказ, чтобы при прохождении через Рязанскую землю не тронуть ни волоса с головы рязанцев и не допустить никаких насилий, никаких грабежей. На битву с татарами надо было прийти, очистившись от всех грехов, не говоря уже о том, что рязанцы были такие же русские, и в Москве это понимали лучше, чем в Рязани. И вот через Рязанское княжество эта огромная рать прошла тихо, без каких-либо эксцессов, и двинулась к берегам Дона.

Было известно, что литовский князь идет на помощь Мамаю, и встал вопрос, где встречать врагов. Было принято единственно правильное решение: ускорить движение тем, чтобы попытаться упредить соединение татар с литовцами. Литовское войско было очень

большим, и если бы это соединение произошло, то шансы на победу были бы ничтожны.

«Когда князь великий был на месте, называемом Березуй, за 23 поприща от дома, настал уже пятый день месяца сентября. Прибыли двое из сторожей заставы — Петр Горский да Карп Олексин привели стр. 41 знатного языка из сановников царского двора, и рассказывал тот язык: «уже царь на Кузьмине гати стоит, но не спешит, поджидает Ольгерда Литовского».

Князь совещается со своими советниками, как поступить, и принимается решение переправляться через Дон.

«И князь великий приказал войску своему через Дон переправляться, а в это время разведчики поторапливают, ибо приближаются поганые татары. А за многие дни множество волков стекло на место то, завывая страшно, непрерывно все ночи, предчувствуя грозу великую».

Волки шли перелесками по бокам от войск, предвкушая богатую поживу. Их вой по ночам, естественно, навевал невеселые думы на русских ратников. И когда переправились через Дон, то стало ясно, что остаются уже не дни, а часы до начала битвы.

«В шестом часу дня примчался Семен Мелик с дружиной своей, за ним гналось множество татар, нагло гнались, почти до нашего войска, лишь только русских увидев, возвратились быстро к царю, сообщили ему, что князья русские изготавились к бою у Дона. Там же Мелик поведал князю великому: «Уже Мамай на Гусин брод пришел и одна только ночь между нами, ибо к утру он дойдет до Непрядвы».

Вероятно, вы приблизительно знаете расположение Куликова поля. На нем находилась дубрава. Русское войско переправлялось через Дон и вставало на поле фронтом к врагу: сторожевой полк, большой полк, полк левой и правой руки. Впереди было сторожевое охранение.

«Тогда начал Дмитрий Иванович с братом своим князем Владимиром Андреевичем вплоть до шестого часа полки расставлять. Некий воевода пришел с литовскими князьями именем Дмитрий Боброк, родом из Волынской земли, который знатным был полководцем. Хорошо он расставил полки по достоинству, как и где кому подобает стоять».

Князь вечером объехал полки. Я прочитаю вам отрывок, который, мне кажется, говорит о том, что среди тех материалов, которыми располагал автор, были или воспоминания очевидцев, или просто рассказ.

«Ибо ночь наступила уже светоносного праздника Рождества Пресвятой Богородицы. Осень тогда затянулась и днями светлыми еще радовала. Была и в ту ночь теплынь большая и очень тихо. И туманы от росы встали».

Эта фраза обнаруживает нам очевидца событий. Был ли им сам автор или он писал со

слов такового, судить не берусь. Но в другом месте есть еще отрывок от первого лица.

«Сказал Дмитрий Волынец великому князю: «Хочу, государь, в ту ночь примету свою проверить».

И вот они ночью выехали на нейтральную полосу.

«Став между двумя войсками, поворотясь на татарскую сторону, услышал стук громкий, и клики и вопль, будто торжища сходятся, будто город строится, будто с тылу войска татарского гром великий гремит, волки воют грозно, по правой стороне войска татарского вороны кличут и гомон птичий громкий очень, а по левой стороне будто горы шатаются — гром страшный, по реке же Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут, небывалую грозу предвещая. И сказал князь великий Дмитрий Волынцу: «Слышим, брат, гроза страшная очень», — и ответил Волынец: «Призывай, княже, Бога на помощь!» И повернулся к войску русскому, и была тишина великая. И спросил тогда Волынец: «Видишь ли что-нибудь, княже?» — тот же ответил: «Вижу: много огненных зорь поднимается...» И сказал Волынец: «Добрые эти знаменья, только Бога призывай и не оскудевай верою».

И сошел Волынец с коня и приник к земле правым ухом на долгое время. Поднявшись, поник и вздохнул тяжело. И спросил князь великий: «Что там, брат Дмитрий?» Тот же молчал и не хотел говорить ему. Князь же великий долго понуждал его. Тогда он сказал: «Одна примета тебе на пользу, другая же к скорби. Услышал я землю, рыдающую двояко. Одна сторона, точно какая-то женщина, громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева, громко вскрикнула печальным голосом, точно в свирель какую, так, что горестно слышать очень. Я ведь до этого много теми приметам битв проверил, оттого и теперь рассчитываю на милость Божию, — молитвами святых страстотерпцев Бориса и Глеба, родичей ваших, и прочих чудотворцев, русских хранителей, я жду поражения поганых татар. А твоего христолюбивого войска много падет, но, однако, твой верх, твоя слава будет».

Этой глухой ночью князь и Дмитрий Боброк-Волынец сделали еще одно распоряжение, вернее, еще одно совершили действие. В эту рощу скрытно от всех был поставлен засадный полк — отборные конные дружинники во главе с двумя самыми лучшими полководцами Дмитрия Донского, его двоюродным братом Владимиром Андреевичем и этим самым Дмитрием Боброком. Наступило утро. Туман рассеивался медленно. Когда он рассеялся, наступил второй час дня. Под княжеским стягом (а русский стяг был в то время черного цвета, и на этом стяге золотом был вышит Спас Нерукотворный) встал не князь, а его ближайший боярин Михаил Бренк, одетый в княжеские одежды. Сам князь хотел стать в ряды сторожевого полка, но его советники ему не дали, и он как простой дружинник стал в ряды большого полка. Князь не желал уклоняться от борьбы, не хотел стоять в стороне от битвы и смотреть, как погибают его товарищи. Вместе с тем он понимал, что он глава войска и государства. Поэтому он решил, с одной стороны, принять участие в сражении, а с другой, все-таки получить хоть какой-то шанс, потому что понимал, что на княжеский стяг будет направлена самая лютая татарская атака. Осуждать его за это никак нельзя, скорее здесь говорила в нем государственная мудрость.

Битва началась поединком татарского богатыря с Александром Пересветом.

«Уже близко друг к другу подходят сильные полки, и тогда выехал злой печенег из большого войска татарского, перед всеми доблестью похваляясь, видом подобен древнему Голиафу. И увидел его Александр Пересвет, монах, который был в полку Владимира Всеволодовича, и выступив из рядов, сказал: «Этот человек ищет подобного себе, я хочу с ним переведаться». И был на голове его шлем, как у архангела, вооружен же он схимою по велению игумена Сергия. И сказал: «Отцы и братья, простите меня, грешного! Брат мой Андрей Ослябя, стр. 42 моли Бога за меня! Чаду моему, Якову, мир и благословение!» Бросился на печенега и добавил: «Игумен Сергий, помоги мне молитвою!». Печенег же устремился навстречу ему, и христиане воскликнули: «Боже, помоги рабу Своему!». И ударились крепко копьями, едва земля не преломилась под ними, и повалились оба с коней на землю и скончались».

Моральная победа была налицо, потому что татарин был в броне, а Пересвет в схиме. После этого началась схватка. Нам трудно себе представить, что это такое, потому что в течение шести часов шла рукопашная. Стена ломала стену. Раненый человек погибал, истекая кровью. Люди в броне задыхались от жары, тот, кто падал под копыта лошадей, уже никогда не поднялся.

И вот татары постепенно стали теснить русские войска, проломив сначала сторожевой полк, потом врубаясь уже в большой, полки правой и левой руки. Русское войско не бежало, оно просто пятилось, теряя своих товарищей. Оно отходило, держа ряды, к Непрядве.

«Когда же настал седьмой час дня, по Божьему попущению за наши грехи начали поганые одолевать. Вот уже из знатных мужей многие перебиты, богатыри же русские, воеводы, удалые люди, будто деревья дубравные, клонятся к земле под конские копыта. Многие сыны русские сокрушены. Самого великого князя ранили сильно и с коня его сбросили. Он с трудом выбрался с поля, ибо не мог больше биться. Это мы слышали от верного очевидца, который находился в полку Владимира Андреевича. Он поведал великому князю, говоря: «В шестой час этого дня видел я, как над вами разверзлось небо, из которого вышло облако, будто багряная заря, над войском великого князя скользя низко. Облако же то было наполнено руками человеческими, и те руки распростерлись над великим полком, как проповеднические или пророческие. В седьмой час дня облако то много венцов держало и опустило их на головы войска, на головы христиан. Поганые же стали одолевать, а христианские полки поредели, — уже мало христиан, а все поганые».

А засадный полк все стоял и стоял. Что испытали эти ратники, видя, что их товарищи погибают, что татары уже практически прошли их позицию, они уже видят тыл татар? Как они рвались в бой, можно только гадать, но Дмитрий Боброк, немолодой человек, удерживал Владимира Андреевича:

«Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час.
Начинающий раньше времени вред себе принесет, ибо колосья

пшеничные подавляются, а сорняки растут и буйствуют над благорожденными. Так что немного потерпим до времени удобного и в тот час воздадим по заслугам противникам нашим...

...И вот наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спин нам. И воскликнул Волынец голосом громким: «Княже Владимир, наше время настало, и час удобный пришел». И прибавил: «Братья мои, друзья, смелее, сила Святого Духа помогает нам!».

И вот засадный полк, свежий, отдохнувший, ударил в тыл татарам. Их отделяли сотни метров, а может быть, и меньше. Всадники набрали галоп и строем врубались с тыла в татар. При отражении кавалерийской атаки необходимо встречать ее плотно сомкнутым строем и тоже на галопе, иначе войско теряет строй и становится добычей тех, кто строй не потерял. Но ведь татары оказались между двух фронтов. В тот момент, когда русские ряды почувствовали, что татары остановились и пытаются развернуться, к ним пришло второе дыхание.

Началось избиение, которое продолжалось до вечера. Мамай, стоявший в стороне на холме, увидев, что происходит, бежал, а с ним и его свита. Бежали так быстро, что догнать их не смогли. Сколько было избито татар на поле, никто не считал, можно делать только приблизительные расчеты.

К вечеру все было кончено. Князь Владимир Андреевич встал на поле боя под черным знаменем.

«Страшно, братья, зреть тогда и жалостно видеть и горько взглянуть на человеческое кровопролитие...».

Тут стало ясно, что Дмитрия нет среди тех, кто уцелел. Начали спрашивать, кто видел князя. Кто-то говорил, что видел, как он сражался, как он где-то шел уже пешим, отбиваясь от татар. Стали ворошить трупы, объезжать места, где он мог быть, и наткнулись на него в дубраве.

«Один именем Федор Сабур, другой Григорий Холопищев, оба родом костромичи, чуть отошли от места битвы и набрали на великого князя, избитого, и израненного всего, утомленного. Лежал он в тени срубленного дерева березового. Увидели его и, слезши с коней, поклонились ему. Сабур тотчас же вернулся поведать о том князю Владимиру и сказал: «Князь великий Дмитрий Иванович жив и царствует вовеки!».

Тут же примчался Владимир Серпуховской. Дмитрий был без сознания. Его стали приводить в чувство. Открыв глаза, он проговорил тихо: «Что там, поведайте мне». Когда он потерял сознание, битва была еще не решена. Когда же ему сказали, что татары разгромлены, то, естественно, силы к нему стали возвращаться. Он стал объезжать поле и, наехав на то место, где стоял под княжеским стягом Михаил Брейк, увидел его убитого и заплакал.

После этого в течение семи дней русское войско хоронило своих товарищей. Рыли огромные братские могилы, а бояр и знатных мужей клали в колоды, с тем чтобы везти в Москву. Колоды — это огромные стволы дубов, обрубленных на соответствующую высоту, расколотые вдоль и выдолбленные. Так выглядел древний русский гроб. В такую же колоду положили и Александра Пересвета.

После того как последний русский ратник был похоронен, войско двинулось обратно. Шли опять через рязанские земли и опять никого не трогали, только Дмитрий приказал своим боярам занять Рязань. Это было сделано без всякого кровопролития, потому что Олег

бежал.

Когда вошли уже в собственно московские пределы, то с одной стороны, конечно, была большая радость, а с другой — безмерная скорбь, потому что войско уменьшилось в несколько раз.

Встреча с москвичами началась довольно далеко от Москвы, у Андроникова монастыря. Оттуда уже с духовенством шли к Москве и подходя уже к городу, поставили деревянную церковь в память о тех, стр. 43 кто погиб на Куликовом поле. И церковь была освящена в честь Всех Святых. Она и сейчас стоит, только уже каменная, XVII века. Как раз напротив нее поставлен памятник Кириллу и Мефодию на Старой площади. Так закончилась эта битва. Но надо сказать еще о некоторых подробностях.

Во-первых, у русского войска была икона Божией Матери, написанная Феофаном Греком. Находится она в Третьяковской галерее, это одна из самых великих чудотворных икон России, которая получила после этого прозвище Донская (как и великий князь Дмитрий). В авторстве Феофана Грека нет сомнений, потому что этот хитрый грек золотые ассисты на омофоре изобразил очень своеобразно. Это тайнопись, которая издали кажется просто орнаментом. Если ее расшифровать, то там читается подпись Феофана и дата написания.

Второй момент, на котором нужно остановиться, касается расчетов численности рати русской и татарской. Такие расчеты делались, они очень разные. Очевидно, нет оснований говорить о сотнях тысяч, но вместе с тем, вероятно, можно говорить о пределе в сто тысяч. Даже в XIX веке войско в 100 тысяч считалось очень большим. Но все это очень относительно.

Третий момент представляет немалый интерес для того, чтобы понять нашу психологию, психологию русского человека. Я вам прочитал отрывок, где говорится о том, что на стороне татар был слышен шум, крики, гомон. Татары предвкушали победу и веселились. А на русской стороне была гробовая тишина. Русские готовились к бою, исповедовались, читали молитвы и в благоговении проводили, может быть, последний вечер в своей жизни. И вот эта странная, непривычная для других народов традиция была жива всегда.

Все вы неплохо знаете стихотворение «Бородино»: «И слышно было до рассвета, как ликовал француз». Это известно: французы пили, пировали, надеясь на скорую победу. «Но тих был наш бивак открытый. Кто кивер чистил весь избитый, кто штык точил, ворча сердито, кусая длинный ус».

Опять — полная тишина. И Лермонтов этого не выдумал. Его дядя, артиллерийский офицер, был участником Бородинской битвы и рассказывал мальчишке об этом страшном побоище под Москвой. По его рассказам и было написано это в своем роде уникальное в мировой литературе произведение, потому что это абсолютно точное изображение событий в форме очень короткого стихотворения.

В 1943 году произошла еще одна колоссальная битва, о которой у нас говорят, но как-то не ощущают ее в деталях. Это побоище на Курской дуге. На этот раз друг против друга стояло уже по миллиону человек: вооруженные до зубов немцы и такие же вооруженные до зубов русские солдаты. Дуга эта простиралась на сотни верст. И в ночь с 4 на 5 июля, когда должно было начаться наступление немцев, те, кто уцелел в этой страшной битве, говорили, что тишина была такая на русской стороне, что многие боялись сойти с ума. От привычного па войне грохота стрельбы они не могли опомниться. Эта тишина действовала на нервы. Иногда только она нарушалась осветительными ракетами. И думаю, что здесь сказывается наш национальный характер. Даже в безбожное время, в XX веке, все равно русская душа оставалась живой. И в этом страшном предчувствии смерти она как бы успокаивалась, человек как бы приводил в порядок свои земные счета. Уже не было священников, не было икон, как в Бородино и на Куликовом поле. Но ощущения, душевные переживания

оставались прежними.

На Куликовом поле сейчас стоит храм, поставленный по проекту Щусева. Это заповедное поле. Но каких-то реалий того времени не сохранилось, да и не могло сохраниться. Что касается памятников Москвы, то вот вам место, где стоял деревянный храм Всех Святых, а теперь стоит каменный собор XVII века. Я уж не говорю о самой Троице-Сергиевой лавре, об Архангельском соборе, который стоит на месте того храма, где молился Дмитрий Донской. В нем гробница самого Дмитрия Донского и Владимира Андреевича Серпуховского. Сохранилось даже место, где похоронен Александр Пересвет, в Симоновом монастыре. Сейчас оно приводится в порядок, но совсем недавно там находилась компрессорная станция. Большевики сделали все, чтобы уничтожить память о самых великих событиях русской истории, и во многом преуспели. Рассуждения о том, имел ли право преподобный Сергей благословлять монахов на убийство, я думаю, носят чисто схоластический характер. Он их благословлял на защиту русской земли, на защиту православной веры. Следовательно, на богоугодное дело. Что же касается формального истолкования канонов, то жизнь все-таки куда более сложная вещь, чем чисто формальный подход, исходя из буквы канона. Хотя, конечно, преподобный Сергей нарушил все формальные установления.

Все вы должны прочитать «Сказание о Мамаевом побоище». Спустя несколько лет произошел набег на Москву Тохтамыш. Тохтамыш, новый хан Золотой Орды (Мамай был убит на юге), не мог повторить нашествие. Но набег он совершить сумел. Рязанцы опять указали ему броды, и когда стало известно, что татары идут прямо на Москву, выяснилось, что Москва защищаться не может. Те самые ветераны Куликовской битвы, князья, которые собрались на совет, в один голос говорят, что Москва не может защищаться. Трусости здесь не было, как не было и растерянности от неожиданности. Дело было в другом. Не было людей, не было мужчин — все мужское население было практически выбито в Куликовской битве. И поэтому князь оставляет Москву и едет через Переславль, Ростов и Ярославль в Кострому, таким образом обходя нашествие с фланга и пытаясь собрать ополчение, а татары захватывают Москву. Есть «Сказание о нашествии Тохтамыша», там подробно все это рассказано. Почему в это время в Москве не оказалось воеводы или какого-то князя, который мог бы организовать москвичей на оборону, почему московская гольтьба заставила отворить татарам ворота — это загадка. Москва была вырезана, погибло 20 тысяч человек. Цифра точная, т. к. указано, какую сумму заплатил князь за похороны и за какую норму сколько рублей давали.

стр. 44

А в московских каменных храмах до строп, как говорит летопись, было наложено книг, которых москвичи нанесли туда, чтобы спасти. Сколько там сгорело летописей, житий, текстов, просто богослужебных книг — мы никогда не узнаем. Мы можем только догадываться, какая великая литература погибла в этих пожарах.

Маятник качнулся в обратную сторону. И хотя нашествие Тохтамыша было только набегом на Москву и Подмосковье, и было несопоставимо с тем, что когда-то совершил Батый, все равно это была рана, которая тоже долго не заживала. Опять пришлось налаживать отношения с Ордой и даже какое-то время платить дань.

Сам Дмитрий Донской умер молодым человеком, и летопись отмечает, что незадолго до смерти он был очень тучен, что обычно является признаком нездоровья. Вполне возможно, что сказались раны, полученные в бою на Куликовом поле.

Его жена, княгиня Евдокия, после смерти князя постриглась в монахини с именем Евфросиния и основала Вознесенский монастырь в Кремле, который стал усыпальницей московских великих княгинь. Большевики взорвали этот собор вместе с Чудовым монастырем, на их месте стоит безобразное здание бывшей казармы, в котором находился Верховный Совет СССР. А останки княгинь были выброшены и с тех пор так и валяются в

подклети Архангельского собора без какого бы то ни было почитания. Будем надеяться, что и здесь постепенно все придет в порядок.

Лекция 9

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

1. — Источники к истории княжества Литовского. 2. — Возникновение Литовской государственности. 3. — Южная Русь в конце XIII века. 4. — Причины утраты государственности Южной Русью. 5. — Литовское государство в XIV веке. 6. — Литва и Московское государство.

Сегодняшняя лекция будет посвящена обзору проблем, связанных с возникновением Великого княжества Литовского — государства, которое в течение долгого времени являлось западным соседом Руси и с которым так или иначе связана русская история на протяжении XIV, XV, XVI и XVII столетий.

Именно эта тема почему-то очень часто вызывает затруднения у абитуриентов и студентов. Может быть, потому, что действительно это история не вполне русская, может быть, потому, что внимание всегда привычно концентрируется на московских событиях, русских событиях, а Литва — это вроде бы где-то сбоку.

Прежде всего скажу, что основным источником для нас по литовской истории (по XIII веку), естественно, освещенной как бы с российских позиций, является Галицко-Волынская летопись. Это совершенно уникальный памятник — единственная летопись, которая рассказывает нам об истории южной Руси в XIII столетии, Руси галицко-волынской, которую называли еще и южной Русью. Именно в этой летописи мы можем прочесть о первых литовских князьях, о первых шагах литовской государственности, вообще о том времени, когда Литва вполне зависела от могущественных Галицких князей, до того момента, когда роли начинают меняться. Галицко-Волынская летопись заканчивается изложением событий конца XIII столетия, когда государственность Литвы начинает развиваться. Зачем нам нужна история Литвы? Дело в том, что если мы не будем заниматься этим вопросом, мы никогда не поймем, откуда взялась Украина, и в конечном итоге для нас будет чрезвычайно сложно представить себе события XVII и XVIII веков.

Литовское племя, родственное славянам, видимо, было близко по происхождению к племени прусов и латов. Обитало оно в среднем течении Немана и, строго говоря, делилось как бы на две большие группы. Одна группа — та, что обитала на севере, в нижнем течении Немана, — называлась жмудью. Эти литовские племена жили в лесах, занимались исключительно охотой, бортничеством, и их трудно даже назвать земледельцами. Собственно литовские племена обитали южнее, в среднем течении Немана и земледельцами, бесспорно, были. Племена эти были достаточно изолированы друг от друга, но примерно в середине XIII столетия в них уже налицо предпосылки возникновения государства, и именно к этому времени, видимо, относится начало возникновения городов, на первых порах очень немногих и очень примитивных. Мы знаем, что возникновение городов всегда знаменует собой начало создания государства, и здесь этот знак можно принять как датирующий.

Первым князем, который стал объединять разные литовские племена, был Миндовг, который был убит своими противниками в 1263 году. С ним у Галицкого князя Даниила Романовича были довольно тесные отношения, и о Миндовге мы можем узнать немало из Галицко-Волынской летописи. Противники убили его за ту политику, которую он

проводил, — политику централизации, объединения разных племен. Но его преемники продолжили эту деятельность, и основные события разворачиваются в XIV веке, когда литовскими князьями становятся Гедимин (1316–1341 гг.) и его сыновья Ольгерд и Кейстут. Обычно у нас вспоминают Ольгерда, но братья правили вместе.

Я уже говорил о том, что татары, как бы гигантскими граблями прочесав всю русскую землю, за исключением Новгорода, вернулись в свои степи. Мы говорили о татарском нашествии, о разграблении городов, но не останавливались на прямых последствиях этого нашествия для всей русской земли. Оказалось, стр. 45 что северо-восточная Русь сохранила свою государственность, а Киевская земля и все, что вокруг нее, практически перестали существовать. Вместо 100-тысячного Киева можно было насчитать максимум 200 дворов. Судьба соседних городов была точно такой же.

А вот что касается Галицко-Волынского княжества, то оно стало своеобразным проходным двором для татарских ратей, которые шли на запад и возвращались, шли в Польшу и возвращались из Польши. Поэтому практически вся вторая половина XIII столетия в южной Руси — это непрерывная татарская атака. На севере, на северо-востоке татары переписали население, посадили баскаков, потом все свелось к тому, что князья начали сами постепенно предоставлять ордынский «выход», признав себя данниками, и татарские рати постепенно исчезли. Южная Русь — это практически непрерывное присутствие татар. А что касается огромного пространства в среднем течении Днепра, то есть южнее Смоленска, до Киева и дальше, то это просто степь, где непрерывно хозяйничают татары. Население, которое здесь когда-то было, выбито, остальное стремится куда-нибудь убежать и, естественно, оседает на северо-востоке, поскольку жизнь там хоть немного, но спокойнее. Там лес, который может защитить, а на юге его нет.

И вот именно на этих запустелых киевских землях постепенно начинает воздвигаться Литва. Этот процесс вы должны себе очень четко представлять. Именно Литва начинает постепенно захватывать эти земли. Уже в конце XIII столетия появляются литовцы на этих территориях, а дальше процесс идет следующим образом: при Гедимине в состав Литовского княжества уже входят Полоцкая, Витебская, Минская земли (первая половина XIV века), Ольгерд, его сын, который правит с 1345 по 1377 год, захватывает Волынь, Киевскую, Новгород-Северскую земли, а на Верхней Волге доходит до Ржева. И вот теперь вы, вероятно, начинаете представлять себе, почему в течение долгого времени русская западная граница проходила по линии: Псков — Ржев — Смоленск — Брянск. Все, что было за этой линией, было уже западом, Литвой.

Процесс шел в течение всего XIV столетия. И вот этот-то литовский фактор окончательно и поставил точку на единстве древней Руси. Северо-восточная Русь стала существовать самостоятельно. Южная Русь еще просуществовала до конца XIII столетия и по инерции — до начала XIV столетия. Но она самостоятельной уже остаться не смогла и досталась Литве и Польше. Почему так получилось? Почему Галицко-Волынская земля не смогла противостоять литовцам? Ведь они стояли на куда более низкой ступени развития, ведь государственным языком Литвы становился русский язык, а религией фактически — Православие. Почему же при такой ситуации Галицко-Волынское княжество постепенно утрачивало все больше и больше территорий, а потом утратило и государственность?

Я думаю, что этот вопрос следует рассматривать следующим образом. Когда перед северо-восточной Русью встал выбор, что делать с татарами, как себя вести, как поступать, Александр Невский, победитель немцев, победитель шведов, вдруг по отношению к татарам занимает совершенно иную позицию. Не просто мир — северо-восточная Русь признает себя данником, вассалом; северо-восточная Русь принадлежит татарам, и северо-восточные князья — вассалы татар. Именно эту политику будут проводить практически все московские князья в течение трех четвертей XIV столетия. Благодаря такой политике, поддержанной Церковью, и будут достигнуты совершенно необычные результаты. На Куликовской битве татарам будет нанесен смертельный удар, а пройдет еще время — и иго будет навсегда свергнуто.

Такая же проблема стояла и перед Даниилом Галицким. Что делать, как поступить? Ситуация, правда, у него была немного иная. Рядом была Западная Европа, Венгрия, Польша, были очень близкие дружеские, родственные, семейные связи с этими странами. С севера как бы нависала Литва, а татары не оставляли в покое это княжество буквально ни на один год. И вот Даниил Галицкий — тот самый, который когда-то избрал в нареченные митрополиты Кирилла и сделал единственно правильный выбор, — в данной ситуации поступает недальновидно, как показала история. Он пытается опереться не на своих порабитителей, как сделала северо-восточная Русь, а на Запад. Он вступает в переговоры со своими западными соседями, пытаясь организовать союз, но вы отлично знаете, что на Западе никакой политической союз невозможен без союза религиозного. Начинаются фактически переговоры даже об унии. И именно такой поворот политики Даниила как бы разверзает пропасть между этим князем и митрополитом Кириллом. Тогда митрополит Кирилл и сосредотачивает все свои усилия на северо-востоке. Происходит фактический разрыв между главой Церкви и Галицким князем.

В 1255 году дело заходит настолько далеко, что в Галицкое княжество приезжают легаты римского престола и, пообещав, естественно, Даниилу все, что угодно, подтверждают свой союз с ним тем, что коронуют его от имени римского первосвященника. В 1255 году в городе Дорогичине происходит это совершенно поразительное событие.

Этому есть параллель. Александр Невский тоже, как известно, был объектом подобных расчетов. К нему тоже приезжали легаты из Рима и тоже пытались, как иронически сообщает автор жития Александра Невского, учить его Закону Божию. В этом житии приводится ответ, который якобы дал Александр Невский легату. Он настолько своеобразен, что я позволю себе его напомнить: мы-де знаем все от сотворения мира до Потопа, от Потопа и Ноя до Вавилонского столпотворения и дальше — все вплоть до Седьмого Вселенского Собора: И слушать вас нам незачем, и разговора у нас с вами не будет. Я не убежден, что именно так звучала грамота, которую Александр Невский дал (если он вообще ее давал) папским послам, но к католикам на русском севере относились совершенно однозначно.

Не то было на юге. Колоссальную роль сыграли личные связи с западным миром, семейные, родственные узы. Для Даниила Галицкого Венгрия вовсе не была границей, он там бывал много раз, то же стр. 46 самое было и в отношении Польши. Но поражает, что этот человек, изощренный политик, возглавлявший государство на протяжении практически всей своей жизни (он остался сиротой, когда ему было 4–5 лет, с этого времени он был фактически провозглашен князем), — так вот, человек этот не понял, что обещания, которые ему так щедро дают, ничего не стоят. Впоследствии он разорвал союз с Западом, но, как говорится, время ушло, северо-восточным князьям помогала Русская Церковь. Менялись митрополиты, менялись князья, а союз Церкви с государством оставался, независимо от того, был ли митрополит русским или греком, был князем Иван Калита или Семен Гордый. На юге все было по-другому. Полагаю, что именно здесь и лежит объяснение того печального факта, что Галицко-Волынская Русь не сохранила своей государственности, а распалась и по частям была захвачена литовцами и католической Польшей.

Конечно, мысль эта не обязательна для вас. Может быть, у кого-то будет другое мнение. Может быть, кто-то, прочитав Галицко-Волынскую летопись или другую литературу, придет к каким-то другим выводам. Но мне кажется, что возможность противостояния татарам и католической или литовской экспансии могла быть реальной только в случае союза государственной власти и власти церковной. Если такого союза, такой симфонии не было, то дело увенчаться успехом не могло. Русь была создана крещением, поэтому именно союз светской и церковной властей и был залогом развития, существования нашего государства.

Впоследствии, когда в 1385 году Кревская уния подтвердила политический союз Литвы и Польши, а в 1413 году на Городельском сейме вся литовская шляхта получила те права, которые были у польской шляхты, практически уже пошел процесс объединения двух государств, который со временем и привел к образованию единого государства, и здесь уже

говорить о том, что Галицко-Волынское княжество могло как-то этому противостоять, не приходится. В 1337 году Галицкие земли были включены в состав Польши, а остальные Ольгерд позже включил в состав своего Великого княжества Литовского.

Итак, перейдем к следующему моменту. Население, которое жило в Литве и в Польше, было русским и даже православным. Утрачивалась государственность, но не вера. Литовцы были язычниками и стояли на очень, прямо скажем, низком уровне развития, их языческие верования были невероятно примитивны, и поэтому, как всегда бывает в таких ситуациях, завоевывая русские земли, литовские племена постепенно становились православными.

Литовские князья понимают, что коль скоро у них так много православного населения, а государство самостоятельно, значит, нужно иметь и главу Православной Церкви. Практически весь XIV век — это попытка Литвы создать собственную митрополию. Чему, естественно, препятствуют митрополиты русские, которые сначала называются киевскими, потом владимирскими, а потом московскими.

Здесь нужно разобраться в вопросе: может быть, было бы лучше, если бы укоренилась самостоятельная литовская церковь? Так ли уж необходима здесь конфронтация? Очевидно, митрополиты — и Кирилл, и, в большей степени, Максим, Петр, Феогност, Алексей — полагали, что хоть и нет уже там крепкой русской государственности, но русское население будет существовать, пока будет в религиозном отношении единым со всей остальной частью Руси. Это реально, потому что вся политика русских митрополитов была направлена на то, чтобы не допустить существования самостоятельной митрополии в Литве. И дело было, конечно, не в доходах, которые в таком случае получали или не получали бы митрополиты от литовского населения.

Речь шла о том, что, видимо, митрополиты Феогност и Алексей пытались все-таки сохранить возможность для дальнейшего объединения русских земель, то есть изъятия их у литовского государства, восстановления единства русской земли в его этнических границах, его этнической территории. И если иметь в виду развитие нашей истории, то именно такой взгляд оказался, конечно, самым правильным, потому что в дальнейшем так оно и вышло. Другое дело, что восстановление этнических границ произошло значительно позже, чем, вероятно, об этом думали в XIV веке. (Только при Екатерине II земли, на которых жило православное население, окончательно вошли в состав русской империи).

Но коль скоро митрополиты ставились, то нужно сказать несколько слов и о них. Гедимин пытался поставить своего митрополита, и около 1316–1317 года появляется на несколько лет митрополит Феофил. Но уже в 1328 году митрополит Феогност, едва приехав из Византии на Русь, поставляет своих епископов в Галич и во Владимир-Волынский. Но Гедимин не оставляет своих попыток. Очевидно, что митрополит долго на своем посту не пробыл — видно, митрополия не сложилась (Феогност принял меры), и в 1331 году появляется новый митрополит Галицкий, который, впрочем, тоже существует недолго (очевидно, тоже креатура Гедимины). И опять-таки, надо полагать, именно благодаря влиянию Феогноста и его авторитету в Константинополе новый ставленник Гедимины не задержался и не сумел создать самостоятельную Православную Церковь в Литве.

Около 1347 года фиксируется уже третья попытка, и в 1354–1356 годах ставится еще один митрополит — Роман, который умирает в 1361 году. В 1370 году, когда Галич уже окончательно вошел в состав Польши, Гедимин, сообразив, видимо, что уже значительное количество православных теперь живет на территории польского государства, добивается для Галича самостоятельной митрополии. И в 1375 году Киевским митрополитом (заметьте: Киевским, а не всея Руси) становится Киприан — тот самый, который в эти годы так интриговал против митрополита Алексия. Как известно, Дмитрий Донской никогда не мог простить Киприану, даже когда он стал митрополитом Московским, что он вел интриги против митрополита Алексия. Именно Дмитрию Донскому принадлежат слова, с которыми он обратился, видимо, в 1375 году к Киприану: «Ты почто ставишья при живом митрополите?» Потому и отношение Киприана к Дмитрию Донскому никогда не было хорошим.

О том, что собой представлял Киприан, очень непростой человек, мы сейчас говорить не будем. Но история его поставления вполне укладывается в политику литовских князей, которую он, видимо, использовал в своих целях.

И вот получается такая картина. На севере имеет место единство светских и церковных властей, они видят общую цель и работают для достижения этой цели, для восстановления независимости государства. А на юге государственность исчезает, и в течение целого столетия предпринимаются попытки создать самостоятельную митрополию, не зависящую от Москвы, приобрести самостоятельную юрисдикцию, которая на протяжении XIV столетия многократно может создаваться, но не создается — очевидно, вследствие политики московских митрополитов. Надо представить себе этот процесс и понять: дальновидной была политика Москвы в этом вопросе или нет? Ведь огромное население, которое жило на польско-литовской территории, с одной стороны, могло быть самостоятельно окормляемым своим митрополитом, и кто знает, может быть, именно поэтому католическая экспансия, католическая пропаганда не была бы столь сильной, может быть, тогда эта церковь была бы более крепкой и удалось бы как-то это государство сделать православным. А может быть, и наоборот: именно потому, что не дали укорениться в XIV веке такой самостоятельности, не дали самостоятельной юрисдикции, и получилось, что русское население все время ориентировалось на Москву, видя в Москве своего защитника против католиков, и именно поэтому униатство удалось распространить только на сравнительно небольшой территории.

Этот вопрос не вполне ясен. Когда мы будем говорить о событиях XVII века, мы вернемся к сегодняшнему разговору, потому что речь тогда пойдет и об унии, и о проблемах, вставших тогда на территории, которая стала называть себя Украиной. Но здесь надо заострить внимание на этой проблеме в том ключе, в каком мы об этом беседуем. В учебниках обычно ничего не сообщается. Потому что, как ни взгляни, существовал все-таки определенный стереотип восприятия русской истории: кончился киевский домонгольский период — и начинается московский. При чем здесь Литва? Но потом, откуда ни возмись, появляются поляки, литовцы, украинские проблемы, и откуда все это взялось, никто не знает. А ведь весь XV век — это непрерывная конфронтация с Литвой, да и XVI столетие приведет нас к смуте, а смута — это польско-литовская агрессия.

Мы должны четко представлять себе все эти очень не простые проблемы. Самое печальное заключается в том, что у нас нет практически никаких источников, которые бы говорили о том, как Москва поддерживала православное население в Литве в XIV–XV столетиях. Я имею в виду источники широкие: большие тексты, переписку, летописи. То единственное напоминание, которое содержится в частном письме (оно называется «Послание от друга к другу», где москвича просят прислать в Литву книг церковных), может только давать нам основание думать, что какие-то частные контакты были. Но именно частные. А что касается какой-то государственной политики, то этого нет. Почему так получилось, сказать трудно, но мне кажется, что в XIV–XV веке не использовали тот благоприятный момент, что все литовское княжество говорило по-русски, вся документация была на русском языке — русский язык был языком официальным. Половина населения состояла из чистокровных русских. Казалось бы, туда надо было устремить все свои силы — на эту проблему. Усиливать русское влияние и добиться слияния, соединения. Думаю, что не произошло этого потому, что наша политика в то время уже была четко сориентирована на Восток. У нас был главный враг, главная проблема — татары. Проблема эта еще не была решена, до окончательного уничтожения ига в 1480 году еще было жить и жить, а Литва была традиционно враждебна. Ольгерд приводил свои полки к Москве в 1367, 1368 и 1369 годах. В 1368 году, когда только-только была закончена первая каменная московская стена — белокаменная — он стоял под Москвой прямо у стен, а они проходили приблизительно там, где сейчас стоят красные кирпичные стены. Он стоял трое суток, естественно, разграбив окрестности. На следующий год нападение повторилось — «другая

литовщина», как пишут наши летописи. На этот раз он стоял уже 8 дней. До литовских границ было очень близко — Ржев. Смоленск попадет в руки литовцев в начале XV столетия.

Литва в своей борьбе против Москвы ориентировалась на Тверь, потому что Тверь была последним конкурентом Москвы. Впоследствии литовцы стали мечтать о Новгороде, и он был присоединен именно потому, что новгородцы (разумеется, не население, а бояре), последние новгородские руководители из семейства Борецких, были в постоянных контактах с литовскими князьями.

Все это представляет большую сложность, поскольку в наших учебниках говорится об этом мало.

Что нужно прочитать: Брокгауза и Эфрона (статью об истории литовского княжества, там она чрезвычайно обстоятельно и последовательно изложена). У А. В. Карташева соответствующую главу, где речь идет о проблемах, связанных с возникновением митрополии в Литве в XIV веке. Материал изложен кратко, но обстоятельно. Было бы полезно посмотреть учебник для вузов под редакцией М. Н. Тихомирова, изданный в 40-е годы (кажется, «История СССР»). Галицко-Волынская летопись была издана в составе Ипатьевской летописи, а она состоит как бы из двух частей — Киевская летопись, которая вдруг обрывается, а потом Галицкая летопись, причем не с самого начала, поэтому о событиях Галицкой Руси, скажем, XII века мы знаем далеко не все, более ранние летописные источники не сохранились. Она была издана в серии «Памятники литературы древней Руси» в третьем выпуске, в томе за XIII век. Летопись эта очень сложна по составу, там практически четыре летописи, которые продолжают одна другую. В этой летописи есть и так называемые воинские повести, и небольшие рассказы о каких-то фактах, событиях. Там немало чисто литературных произведений, очень интересных. Знакомство с этим памятником ничего, кроме пользы, не принесет. Но важно добавить еще одну мысль. Когда вам в дальнейшем стр. 48 рано или поздно придется рассуждать о возникновении украинского государства, украинской культуры — именно украинской, а не литовской — вам придется столкнуться с мнением, которое имеет место (правда, в основном на Украине), о том, что государство украинское целиком происходит из Киевской Руси. Вопрос гораздо сложнее, чем может показаться. И дело не в национализме, а в том, что у нас все без исключения древние русские тексты — летописи, жития, сказания, слова, проповеди, переводы — все сохранились только на северо-востоке. И от киевского, и от татарского периода. У нас нет ни одного текста, который бы сохранился в XIV–XV веке на будущей украинской территории.

Конечно, очень многое пропало во время татарского нашествия. Но ведь литовцы-то говорили фактически по-русски, и там что-то могло быть. Ничего там не осталось — католическая экспансия уничтожала именно память. Поэтому когда в XIX веке заговорили о великом украинском государстве, то стали искусственно видеть, находить, искать корни этой государственности прямо в древней Руси. Но ведь между древней Русью и началом возникновения нового малороссийского этноса, который начал формироваться в XV веке, лежит пропасть XIII и XIV столетий. Сначала должна была погибнуть южная Русь как самостоятельное государство. Потом все это являлось объектом католической пропаганды. И вот в таких-то условиях начал возникать, складываться новый народ, новый этнос, который будет со временем называться Малой Русью. Они сами будут называть себя Русью. Ведь Украина — от слова «край». Русские, которые живут на окраине.

Украинская история очень трагична. Утрата прямых связей, прямых нитей, которые связывали ее с древней Русью, очень дорого обошлась Украине. Она утратила не только древние традиции, но и на долгое время утратила государственность (в сущности, государственность и по сей день там чрезвычайно непрочна). И, наконец, она стала неоднородной и в религиозном аспекте, потому что именно там было создано униатство. Что же касается польского национализма, то о нем вообще не нужно говорить всерьез, потому

что национализм везде в своих крайних формах убог, смешон и отвратителен и сводится обычно к ругательствам, которые никогда доказательством не бывают. Но, к сожалению, вместо того, чтобы трезво представлять все эти очень не простые и часто невеселые проблемы, у нас к Украине отношение весьма скептическое, поверхностное. И если спросить любого среднего русского, что он знает об Украине, он скажет: Мазепа, Петлюра, Бандера. Конечно, такого отношения не должно быть у вас. Проблема очень сложная, и мы будем возвращаться к ней, когда речь пойдет об унии, о борьбе православного населения, казачества и против униатов, и против поляков. О политике российских императоров в этом непростом вопросе, о том, как этот вопрос стоит сейчас. Если, скажем, до 1917 года вопрос об униатах решался чрезвычайно удачно и количество униатов постепенно сокращалось, то в советское время было сделано все, чтобы это количество увеличить. И сейчас тот невероятный узел проблем, сплетение самых невероятных конфессий, юрисдикции и т. д. — это наследие тех очень далеких времен.

Лекция 10

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

1. — *Виды исторических источников.* 2. — *Источниковедение.*
3. — *Русское летописание.* 4. — *Летописные своды и их изучение.*
5. — *Юридические источники.* 6. — *Жития и их исследование.* 7. — *Мемуары и переписка.* 8. — *Источниковедческая литература.*

Сегодня мы с вами подведем итоги того, что нам удалось сделать в первом семестре. И будет это не в виде каких-то выводов, а скорее в форме обзора тех источников, которые вам понадобятся для того, чтобы углубленно готовиться к экзаменам и просто разбираться, где и что можно найти, с чего начинать в том, честно говоря, колоссальном количестве разнообразных книг, с которыми вам предстоит ознакомиться.

Итак, обзор источников по истории Руси в домонгольский период и период татарского ига. Строго говоря, источниками можно назвать любые памятники, которые дошли до нашего времени от прошедших времен. Но мы должны все-таки их классифицировать, и по этому вопросу ведутся даже определенные споры — какую предпочесть классификацию. Общеупотребительной является та, по которой все источники делят на вещественные, этнографические, лингвистические, устные и письменные.

Под **вещественными** источниками обычно подразумевают то, что исследователь получает в результате археологических раскопок — остатки фундаментов или, скажем, черепки, наконечники, монеты и т. д. Это нас, строго говоря, касается не напрямую, потому что мы строим обычно изучение русской истории в первую очередь на источниках другого рода. Что касается **этнографических** источников, то они касаются быта, обычаев жизни народов: «этнография» — описание народов, описание племен. Это то, что записывают обычно исследователи, наблюдая за жизнью тех или иных племен, поэтому здесь не всегда можно говорить о каких-то исторических критериях. Разложить бытование тех или иных обычаев во времени не всегда просто.

Лингвистические источники — это нормы языка, зафиксированные чаще всего в каких-то письменных сочинениях. Здесь есть, конечно, определенная сложность, потому что лингвистические источники очень часто являются одновременно и письменными источниками.

стр. 49

Устные источники. Всякие устно передававшиеся легенды, сказки, так называемые

плачи, предания, сказания рано или поздно, конечно, записывались, но все-таки на протяжении многих сотен лет существовали в устной традиции.

И, наконец, источники **письменные** — это главные для нас источники, самые важные, все остальные являются вспомогательными. Здесь следует назвать, во-первых, летописи, во-вторых, юридические памятники, актовые материалы, жития святых, а для более поздних времен (XVIII–XIX века) — эпистолярное наследие, мемуарную литературу, документы, связанные с делопроизводством и т. д.

Здесь сразу возникает вопрос: источниковедение — что это такое? Откуда взялась эта дисциплина (она существует, ее преподают), какую она сыграла роль? До XX века (точнее, до конца XIX) специальных работ, где источник был бы проанализирован сам по себе, в точном соответствии с другими источниками, — таких работ не было совсем или их было очень мало. Такие выдающиеся историки, как Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, всегда опираясь на источники, оставляли как бы за пределами изложения материала свою работу с ними, свой анализ их. В своих лекциях они уже формулировали те выводы, к которым пришли, работая с источниками. Сам процесс этой работы они не показывали.

В конце XIX — начале XX века положение стало меняться. Чрезвычайно сильно стали развиваться филологические науки, и в первую очередь лингвистика, сравнительное языковедение, больших успехов добилась археология. Поэтому анализ именно источников стал чрезвычайно важным, к тому же и количество источников стало резко возрастать.

Когда произошло «самое великое в мировой истории событие» в 1917 году (так его квалифицировали советские историки), вся русская историческая наука была объявлена буржуазной, и, следовательно, недоброкачественной. А значит, и труды великих историков не надо было переиздавать. Но ведь предки наши не все были сразу казнены и не все сразу уморены голодом, все-таки русские ученые успевали оставить учеников, да и каждый толковый гимназист был в конце концов образованным человеком. И вот оказалось, что заниматься формальным анализом источников все-таки можно. Нельзя писать больших обобщающих трудов по истории, потому что классовый подход, естественно, не позволял отклоняться от указаний очередного высокопоставленного товарища. А формальный анализ источников давал возможность эти указания как-то обойти.

Допустим, анализируя какую-то грамоту, выясняли, когда она написана, что в ней написано, правдиво ли написано, подложна она или не подложна, на каком она написана материале, какие существуют параллели среди других грамот, какие списки, редакции. Это стало распространяться, и возникла дисциплина, которую и называют источниковедением.

В 1940 году вышел первый двухтомный учебник, который так и назывался — «Источниковедение истории СССР». 1-й том — это источниковедение истории с X по XVIII век (написал его Михаил Николаевич Тихомиров, академик, замечательный источниковед), а 2-й том написал тоже замечательный ученый — Сергей Александрович Никитин, который долгое время заведовал кафедрой в Московском университете. Оба этих ученых, разные люди, хотели достичь одной цели: дать возможность студентам хоть что-то узнать. Поэтому, естественно, цитируя положенное число раз указания товарища Сталина, они тем не менее довольно тщательно, насколько это было возможно по тогдашним временам, разбирали, что такое летописи, что такое жития, грамоты, где они хранятся, какая существует основная специальная литература по этому вопросу и т. д. Поэтому, насколько сильно деградировали официальные учебники истории, настолько быстро стал развиваться формальный анализ источников, формальное источниковедение.

Коль скоро речь идет о летописях, то мы с вами уже говорили о «Повести временных лет». Я вам рассказывал о том, что она сохранилась в составе Лаврентьевской летописи, что существует несколько ее вариантов, несколько списков, и в Ипатьевской летописи. Но существуют еще четыре Новгородские летописи — 1-я, 2-я, 3-я и 4-я, которые

предоставляют нам чрезвычайно ценный материал по истории именно Новгорода. Если первые три летописи — специфически новгородские, то четвертая просто представляет собой огромный летописный свод. Что такое свод? Откуда взялось это понятие, кто его создал, что в него входит и почему оно так прочно вошло в российскую науку, почему без этого понятия мы с вами не можем понять историю русского летописания? Конечно, русские летописи существовали очень давно. Русские летописи переписывали, начиная с самых первых лет их существования. Умирал один летописец, второй дописывал, менялась политическая ситуация или он знакомился с какой-то другой летописью и дополнял одну за счет другой, создавалась как бы новая редакция. Вы помните, что «Повесть временных лет» имеет несколько редакций.

Но если в X–XI веках русское летописание, вероятнее всего, велось только в двух городах — Киеве и Новгороде, то уже в XII веке летописание начинает распространяться. Вероятно, каждый епископ желал, чтобы при его кафедре фиксировались те или иные события, которые затрагивали его епархию, да и вообще события в России. Естественно, что каждый удельный князь желал, чтобы в его княжестве велась самостоятельная летопись. Ведь не случайно, что именно в период феодальной раздробленности, когда Российское государство как бы деградирует, культурный процесс, наоборот, чрезвычайно активен. Именно этот период домонгольской истории — своеобразный «золотой век» той эпохи, потому что каждый князь спешит украсить свою столицу. Своеобразная гордость за свой родной город превалирует в сознании людей того времени.

В это время появляются местные центры, где и пишутся летописи. Их писали в Чернигове, Смоленске, Суздале, Ростове. В XIII столетии этот процесс продолжается, но когда начинается татарский погром, стр. 50 то, естественно, рукописи горят. В конечном итоге они сгорят не все, но мы можем только догадываться, какое количество бесценных текстов было уничтожено. Рассказывая вам о нашествии Тохтамыша в 1382 году, я говорил о том, что москвичи и жители московских окрестностей, которые хотели спастись за каменными московскими стенами, снесли в Москву книги, которые были сложены в каменных соборах до самых стропил. Все это сгорело. Сколько тысяч таких уникальных текстов, летописей, житий, актов и т. п. было уничтожено, мы можем только догадываться на основании того в общем-то небольшого исторического материала, который сохранился.

Но когда Москва начинает становиться центром русского государства, то, естественно, возникают и иные задачи перед московскими летописцами — надо отражать уже не специфически московские проблемы, а общерусскую жизнь, события, важные для всей Руси. Как это можно сделать? Это можно сделать, скомпоновав из разных текстов, из разных известий общий текст, который более или менее систематически будет излагать события, происходящие на Руси.

Уже отошли в прошлое те короткие лапидарные записи, которые встречаются в «Повести временных лет»: «В лето такое-то бысть тишина» — и точка. Все понятно: половцев не было, печенегов не было, и было хорошо Или другая запись: умер-де такой-то князь, был он боголюбив, богобоязнен, нищелюбив, похоронен он был в такой-то церкви. Тоже событие очень важное по понятиям того времени. Сейчас будет излагаться совсем другое. Пойдет речь и о татарских нашествиях, и о приходах каких-то именитых гостей, и о том, что решил сделать великий князь. А главное — даже те материалы, которые говорят о прошлом, будут перекомпоновываться заново, потому что из них надо будет излагать общерусскую историю на все предыдущие годы. Так возникнут летописные своды. Они были и раньше. Но древние своды были более скромных размеров. Начиная с XIV–XV веков, своды становятся воистину общерусскими. Таким огромным сводом является 4-я Новгородская летопись.

Понятие «летописный свод» ввел академик А. А. Шахматов. Это был великий русский лингвист, человек, феноменально одаренный способностями к языкам. Он начал изучать русские летописи на принципиально новой основе. Если до этого просто читали текст,

выписывали оттуда те или иные материалы, иногда как бы проверяли по параллельным текстам, то А. А. Шахматов, глубоко понимая эволюцию языка, построил изучение летописей на основе следующего принципа: он брал летописи поздние (допустим, XVII века) и выделял именно слой, который относится к XVII столетию. Оказывалось, что не все создано в XVII столетии, что масса материалов механически переписывалась, скажем, из XVI века. Он шел дальше вглубь и таким образом, сравнивая летописные тексты, как бы слой за слоем вскрывал ту невероятно сложную работу, которую проделали русские переписчики, русские летописцы, составляя своды, komponуя материал из разных источников.

Таким образом А. А. Шахматов создал, можно сказать, новую науку об истории русского летописания. Именно ему принадлежит знаменитая гипотеза о трех сводах, которые предшествовали труду Нестора. И самое интересное, что именно все эти своды еще XI века — это бесспорная гипотеза, потому что иначе состав «Повести временных лет» объяснить невозможно.

Труды А. А. Шахматова, может быть, самое сложное чтение в русской истории. Чтобы его понять, нужно либо обладать его эрудицией, что поистине невозможно, либо неделя за неделей, пользуясь массой подсобных материалов, пытаться понять ход мысли. Эти книги тем не менее являются классикой русской исторической науки, хотя написаны они профессиональным лингвистом, филологом, который стал выдающимся русским историком, создавшим историю русского летописания, что позволило, естественно, полнее представить и исторический процесс. У него были ученики, которые продолжали эту работу.

Последний крупный русский историк летописания — А. Н. Насонов. А дальше начинается время (50–60-е годы), когда, не меняя концепции А. А. Шахматова, уточняли ее детали. Такие работы пишут и сейчас. Не думаю, что когда-нибудь гипотеза Шахматова будет принципиально изменена, и вряд ли может в ближайшее время родиться новый Шахматов. Да может, это и не нужно.

Что касается юридических памятников, то здесь речь идет о «Русской правде» в первую очередь, затем о княжеских церковных уставах, об этом мы с вами немного говорили. Изучение «Русской правды» начинается еще в XVIII веке, когда были открыты первые списки. Литература о «Русской правде» очень обширна и делится на следующие направления: до революции «Русскую правду» часто анализировали просто как памятник права, т. е. историю появления тех или иных норм, проводили соответствующие параллели; в советское время «Русскую правду» стали в основном исследовать как источник по социально-экономической истории и пытаться понять, как действовали законы классовой борьбы в ту далекую эпоху. Началось скрупулезное изучение тех статей, которые вещают нам о холопах, закупах, рядовичах, огнищанах, тиунах, сколько гривен за голову холопа, у кого какие права и обязанности и т. д. Это было, конечно, нужно, но подход был сугубо классовый и поэтому слишком однообразный.

Тем не менее «Русская правда» — один из наиболее тщательно изученных памятников, хотя до сих пор высказываются разные мнения о взаимосвязи «Краткой правды», «Пространной правды» и «Сокращенной правды» — трех основных вариантов этого древнего законодательного памятника.

Следующими будут акты материалы. Здесь речь пойдет о государственных договорах и грамотах, скажем, локального значения. Государственные договоры — это договоры России с греками 907, 911, 945 и 972 (или 974?) годов. Из них самые знаменитые договоры — это договор 911 года (договор Олега) и 945 года — договор Игоря. Оба эти текста читаются в «Повести временных лет», они чрезвычайно разработаны с юридической стороны и поэтому представляют колоссальный интерес и огромную важность стр. 51 для исследователей, т. к. показывают, если хотите, уровень взаимоотношений древней Руси, еще языческой, и Византии.

Актовые материалы следующего периода — это грамоты, которые давали князья монастырям, или вкладные грамоты, то есть «я-де, такой-то, на помин души своих родителей

или поскольку постригаюсь в монахи, то в монастырь даю деньги или имущество». Одна из самых знаменитых — грамота Варлаама Хутынского, знатного новгородца, который, постригаясь, отдал в монастырь свое имущество. Грамота эта сохранилась.

В XIV веке появляются грамоты, в которых князья договариваются друг с другом. Отношения князей тогда часто определялись уже договорами, и договора эти были весьма интересно разработаны и, более того, составлялись по всем правилам юридической науки — в двух экземплярах (по одному для обеих сторон), с соответствующим видоизменением формул. Несколько таких грамот полностью сохранились.

Наконец, к XIV веку относятся знаменитые ярлыки, которые давали татарские ханы русским митрополитам. Ярлыки эти были собраны вместе в XV–XVI веках, когда Русская Церковь хотела показать светской власти, какие права были у Русской Церкви даже при татарах. Это весьма любопытный документ. Ярлыки представляют собой очень короткие тексты, в которых оговариваются права русских митрополитов либо по какому-то определенному случаю — скажем, ярлык, который гарантирует проезд через степи (татарин, который нарушил бы права митрополита, оговоренные ярлыком, автоматически преследовался уголовно со стороны ханской власти и подлежал смертной казни, т. к. это было уже нарушение ханского авторитета). Сохранились ярлыки, выданные митрополиту Алексию и некоторые другие.

Наконец, жития. У нас к житиям чрезвычайно не простое отношение. Для верующих людей часто житие — это неоспоримое свидетельство, и каждое слово, находящееся в житии, это истина. Но ведь жития писали совершенно по-разному. И если проследить развитие этого жанра, то мы увидим, какие требования, какие принципы предлагались для авторов, чтобы они им следовали. Если взять древнейшие наши житийные материалы, то это «Сказание о Борисе и Глебе», где мы видим следы и литературной обработки, но при этом там практически полностью сохранена чисто историческая канва. То есть «Сказание о Борисе и Глебе», которое существует и в «Повести временных лет» и как отдельная редакция, точно излагает те события, которые имели место. Литературная обработка — это всегда вставка. Скажем, молитва, которую читает князь перед гибелью — может, он ее читал, а может, и нет. Здесь речь идет о том, что нужно показать князя таким благочестивым, каким он и был. Ясно, что здесь проследить точно слова, которые он произносил, невозможно. Но при этом, анализируя те действия, которые происходят, мы можем сказать, что эти древние тексты сохраняют очень много подлинных событий.

Возьмем «Житие Александра Невского», о котором у нас тоже шла речь и которое вы все читали. Известно, что оно было написано вскоре после смерти князя, вероятно, при дворе его сына, Дмитрия Александровича, вероятно, по поручению митрополита Кирилла. В житии безвестный автор прямо ссылается на рассказы самого князя, на рассказы дружинников. Этот человек профессионально подошел к задаче, которую перед ним поставили. Опросил людей, вспомнил то, что знал, вероятно, как-то все продумал, и получился очень короткий, но убедительный текст.

Таким же древним подлинным текстом является и «Житие Михаила Черниговского» в древнем варианте, которое восходит к XIII столетию. Это тоже бесспорно правдивое изложение исторических фактов.

Лучшая работа по древним княжеским житиям принадлежит Н. И. Серебрянскому, она так и называется — «Древнерусские княжеские жития». [15] Это уникальная работа, она до сих пор сохранила свое значение, потому что нового практически ничего не было написано. Та книжка о житиях, которую написал Н. М. Федотов, совершенно иная. Он не располагал источниками, он писал эту книгу в эмиграции и скорее подходил к теме концептуально, чем источниковедчески. Он скорее говорил о значении житий, о тех или иных традициях

житийной литературы Но анализа житий текстуального там просто не было.

Существует еще одна книга, тоже совершенно удивительная, которую написал В. О. Ключевский — «Древнерусские жития как исторический источник». [16] Вот тут-то Ключевский, бывший семинарист, выдающийся исследователь, казалось бы, показал все, на что он способен. Но того, кто начинает читать эту книгу, быстро постигает некоторое разочарование, потому что Ключевский использовал жития святых как материал по истории колонизации русской земли.

Вы, наверное, знаете, что в домонгольские времена монастыри были, как правило, только в городах или в непосредственной близости от них. Так, например, Киево-Печерский монастырь возник рядом с Киевом. Сейчас трудно себе представить, что он был рядом, а не в самом Киеве. То же было и в Москве первые монастыри были в Москве, а Богоявленский уже за пределами Москвы, от Кремлевской стены целых 250 или 300 шагов. Это трудно себе представить, но это так. А вот после того, как Москва начинает возвышаться, то есть начиная с XIV века, мы видим совершенно иную картину — монастыри основываются вне городских стен, за их пределами, в совершенно диких местах, и все время идут дальше и дальше на восток и на север. Где возникает Троицкая обитель? В пустыне, как сказано в житии, в глухом лесном месте. Куда идут ученики преподобного Сергия? Никто из них не идет в город — и они, и их ученики, и их внуки-ученики идут на север, в леса. И так до тех пор, пока не возникают самые северные монастыри. И вот В. О. Ключевский написал свою книгу именно об этом явлении Поэтому стр. 52 о благочестии русских подвижников, о какой-то их личной жизни, об их чудесах там ничего не говорится. Так что эта книга является скорее источником по социально-экономической истории или, если хотите, по церковно-экономической истории. Книга эта замечательная, она написана на колоссальном материале, он перелопатил чудовищное количество текстов, но анализировал их именно под таким углом зрения и делал это специально. Он был человеком верующим, но его интересовал именно этот момент, потому что этот момент не исследовался, а в его время освоение русских пространств было делом Церкви. За монастырями шли крестьяне, за ними потом стали двигаться помещики, то есть начало освоению земли положила Церковь такой необычной своей деятельностью.

Вывод этот чрезвычайно важен, и он утвердился в литературе, но он же одновременно сослужил не очень хорошую службу, потому что с этого момента стали, естественно, исследовать церковную историю как историю экономическую, историю церковного землевладения, церковных хозяйств. Это очень интересный аспект деятельности монастырей, и не следует забывать, что одним из выдающихся администраторов, одним из выдающихся, если хотите, инженеров был митрополит Филипп (Колычев), который в бытность свою игуменом Соловецкого монастыря так поставил хозяйство, что до сих пор можно только поражаться. Монастырь с этого момента становится как бы школой хозяйствования для всего русского севера, и до начала XX века русские мужики будут туда отсылать своих сыновей-подростков годика на три-четыре, чтобы они там потрудились и подучились, а уж потом, хорошенько освоив хозяйственную часть, возвращались домой и начинали работать. Так вот, начало этому было положено тоже Церковью. Но именно такой подход к житиям привел к тому, что в XX веке если и рассматривали историю церкви, то именно под таким углом. И здесь надо сказать, что большая часть житийных материалов стала исследоваться уже в 60–70-е годы не историками, а литературоведами. Народилась генерация людей, которые стали исследовать древнерусскую литературу, причем брать все, что там имеется (а имеется там много), и, переходя от летописных повестей, содержащихся в летописях, к житиям — полным, кратким, проложным и т. д., стали исследовать их именно как произведения литературы. Выяснилось, конечно, что в этих житиях очень много штампов, очень часто, в особенности в поздние времена (в XVI, XVII веке) жития писали по

своеобразному графарету, где меняли имена, названия, а суть оставалась неизменной. Так впоследствии для советских учебников литературы писали биографии русских писателей: родился в такой-то семье, у него была русская няня, которая приучила его к сказкам, а потом он начал обличать царизм и бороться за светлое будущее.

Представьте себе, что такой штамп действительно имел место, и поэтому к житиям, особенно к поздним их обработкам, надо относиться очень сдержанно. Тем более что когда эти жития были обработаны чисто литературно уже в XVIII–XIX веке из самых благочестивых побуждений, они часто абсолютно утрачивали не просто подлинные факты, но даже аромат подлинности. Вы, вероятно, знаете, что в связи с 600-летием со дня смерти преподобного Сергия была издана масса его житий. Самое печальное, что не было издано то самое древнее житие Епифания Премудрого в обработке Пахомия Серба, которое лежит в основе всего. Оно практически не переиздавалось или переиздавалось очень мало. Зато обработок и переработок XIX века было издано много.

Изучая русскую историю и историю Русской Церкви, вы должны помнить, что эти сборники житий, которых сейчас очень много издается, имеют разную ценность. Если вас интересует история или даже просто какие-то литературные особенности, то надо брать тексты канонические, то есть древние. Они опубликованы в научных изданиях, и здесь колоссальное дело сделал Дмитрий Сергеевич Лихачев, который в своем двенадцатитомном издании поместил немало таких текстов, хотя далеко не все. Общего свода житий, научно изданных, у нас, к сожалению, нет, и это очень большое упущение. Они разбросаны по отдельным статьям, отдельным исследованиям, там, где источниковеды копались в редакциях, вариантах, разночтениях. Иногда эти книги настолько трудно читать, что уже не воспринимаешь текст, потому что все разобрано на отдельные фразы, на отдельные части — какая фраза какую имеет параллель в другом списке, житии и т. д. Это надо понимать.

И, наконец, завершая обзор, нужно сказать о том, что было сделано в XVIII–XIX веках. К этому мы еще вернемся и будем об этом подробно говорить, но переписка частных лиц очень интересна — естественно, если не иметь в виду сугубо личные тайны. Нам, современным людям, чаще всего очень трудно заставить себя написать большое письмо даже близкому другу. Нам проще схватить телефон, заказать разговор, а потом оплатить счет. Мы уже привыкли к такому способу общения. А для человека поколения, последние представители которого умирали в 60-е годы, написать письмо было совершенно иным делом, они писали по многу писем в неделю регулярно, они общались таким способом, для них как раз телефон был лишним. Что же тогда говорить о людях XIX века или XVIII? Их переписка — часто совершенно бесценный источник.

Если же говорить о мемуарной литературе, то это интересно всегда. Это самая необъективная литература на свете, и поэтому она самая интересная. И я от души рекомендую читать все мемуары подряд — они всегда интересны. Даже самые неприятные личности всегда умудрялись написать что-то любопытное. Что же говорить о людях, которые действительно много знали, много думали, многое понимали? Конечно, некоторые мемуары пишутся для того, чтобы задним числом свести счеты со своими оппонентами, это очень часто бывает, а иные, наоборот, чтобы изобразить собственную персону с самых лучших сторон. Такие мемуары обычно пишут дипломаты. Мемуары Бисмарка, скажем, или Талейрана невероятно скучны, потому что они сами предстают там как люди абсолютно идеальные, тогда стр. 53 как известно, что таковыми они не являлись. Но мемуарную литературу сейчас переиздают, поэтому те, кто имеет возможность пополнять собственные книжные запасы, должны следить именно за этим — тут масса любопытного материала. Наконец, существует уже литература современная биографического жанра, где профессиональные писатели, очень профессионально используя архивы, переписку и ту же мемуарную литературу, практически очень мало оставляя места для своих собственных наблюдений, обильно цитируя, дают очень интересные картины прошлого. Такие книги писал Мережковский (его роман о Наполеоне практически целиком состоит из цитат), такую

вещь написал Стефан Цвейг о знаменитом Жозефе Фуше, и многие другие. Апофеозом подобной литературы является абсолютно светское чтение, но очень поучительное — записки Бруссона, секретаря Анатоля Франса, которые имеют очень интересное название: «Анатоль Франс в туфлях и халате». Они даже написаны таким языком, что можно подумать, будто их писал сам Франс. Секретарь на протяжении многих лет записывал каждый Божий день все, что сказал его патрон и потом — для того, чтобы свести с ним счеты, потому что тот его выгнал, не знаю уж за что, — он это все издал. История чрезвычайно поучительная.

Несколько слов о том, что же нужно читать вначале, чтобы разобраться в этом море литературы. Конечно, было бы хорошо начинать с издания популярных, но популярных сочинений, кроме учебников обществоведения, не существует. Еще ни один писатель не сумел популярно изложить эту, прямо скажем, весьма занудную тему. Поэтому я вас адресуя в первую очередь к учебникам по источниковедению М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина. Это очень толковые и ясно написанные книжки. Это были люди старой культуры, и если они ссылались на товарища Жданова и товарища Сталина, не забывайте, какое это было время.

Всем, кто интересуется русскими летописями, я рекомендовал бы прочитать замечательную книжку — «Русские летописи и их культурно-историческое значение» [17]. Это одна из первых книг Д. С. Лихачева, написанная, когда он еще не был академиком. Это чрезвычайно добросовестная книга, которая помогает войти в очень не простой мир русского летописания. Если говорить о «Русской правде», то существует пособие для студентов по изучению «Русской правды», написанное М. П. Тихомировым [18]. Оно довольно широко тиражировалось, это брошюра в твердом переплете, очень сухо написанная, но помогающая понять, что к чему. В серии «Русское законодательство», в первом томе, есть очень обстоятельный комментарий к «Русской правде» (лучше тихомировского, на мой взгляд), мне кажется, его читать интереснее, но само это издание — большая редкость, встречается только в библиотеках.

Что касается актового материала, то анализ русских грамот вам сейчас не обязателен. А вот тем, кто всерьез интересуется житиями, я рекомендую хотя бы посмотреть книгу Н. И. Серебрянского «Древнерусские княжеские жития». Она очень не проста, была написана до революции, но она сразу вам покажет класс исследования, который тогда был присущ русским ученым.

Наконец, книжку Н. М. Федотова [19] тоже очень полезно прочитать. О мемуарной литературе речь пойдет на следующий год, а что касается переписки, то первая, с которой вы встретитесь, это переписка Ивана Грозного [20]. Я желал бы, чтобы вы с ней познакомились к следующему семестру. Переписка великого государя с его бывшим воеводой, князем Андреем Курбским, чрезвычайно любопытна [21]. Крайне забористое чтение, сочное. Но это, видимо, и писалось для того, чтобы читали все, кто может. Великий государь демонстрирует немалую эрудицию, цитируя обильно Св. Писание, а что касается Курбского, то это, пожалуй, первый русский диссидент, и очень основательный. Его знаменитое сочинение — «История о великом князе московском» [22] — это первый российский «Архипелаг ГУЛАГ».

Наконец, несколько слов о так называемых сочинениях иностранцев о России. Если забираться в далекие времена, то можно говорить о византийских источниках, об арабских и

т. д. Пожалуй, определенную ценность являют некоторые страницы хроник Титмара, епископа Мекленбургского. Но это все весьма давно и весьма далеко.

Затем, конечно, чрезвычайно любопытно читать Иоанна де Карпини — «История монголов». Дальше: Гильом де Рубрук, «Путешествие в восточные страны» в переводе Малеина (СПб, 1911). Эта книжка — раритет, но в библиотеках она есть.

Надо читать «Записки о Московии» Сигизмунда Гильберштейна, который был послом римского императора в Москве на протяжении многих лет, они сейчас переизданы. Уникальная книжка опричника Ивана Грозного немца Генриха Штадена — это жуткие страницы новгородского погрома. Интересно читать довольно обильные воспоминания путешественников XVII века, а вот что касается более позднего времени, то здесь можно сказать, что в основном писали чепуху. И то, что написано о России уже в XVIII–XIX веках, это чушь, и здесь либо проглядывает элементарное непонимание страны (прежние путешественники стремились что-то понять, здесь наоборот — понимать никто ничего не хотел), либо сквозит определенная неприязнь к России. Вся эта литература сейчас переиздается, поэтому на прилавках стр. 54 вы это можете увидеть. Это очень поучительное чтение, потому что впоследствии, когда нам с вами придется говорить о возникновении славянофильских идей, о том, как эволюционировало западничество, западная идеология в России, нам придется говорить и об этом.

Лекция 11

ОБЗОР ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ XV ВЕКА

1. — Характеристика внешнеполитической обстановки. 2. — Литовское государство в первой половине XIV века. 3. — Татары. 4. — Большая феодальная война. 5. — Значение Флорентийского собора. 6. — Обзор деятельности Ивана III.

Думаю, что сегодня нам следует, прежде чем углубиться в отдельную тему, сделать некоторый обзор для того, чтобы у вас выработалась какая-то система, чтобы легче было усваивать тот материал, который вы обязаны будете просмотреть, прочитать к экзамену.

Когда говорят о Куликовской битве, что это был какой-то рубеж, — это бесспорно: могущество Золотой орды было подорвано, и с этого момента начинается ее закат. Хотя еще понадобится в 1395 году заступничество Пречистой Божией Матери Владимирской, чудотворной иконы Ее, чтобы спасти Русь от нашествия Тамерлана; еще в начале XV века будет осаждать Москву Едигей — правда, достаточно безуспешно, аукнется еще страшными жертвами Мамаево побоище в 1482 году, но все равно это будет уже нисходящая линия татарского могущества.

В это время мы наблюдаем усиление второго, чрезвычайно могущественного соседа Руси, соседа западного — Великого княжества Литовского. Еще перед Куликовской битвой Москва испытала два набега литовцев, две литовщины, как называли их на Руси. Отчасти сложностью отношений с Литвой, отчасти желанием хоть как-то себя дипломатически обезопасить можно объяснить, что брак своего старшего сына Василия Дмитриевича Дмитрий Донской устроил с литовской княжной Софьей, дочерью великого князя Витовта. Впоследствии такая дипломатия, может быть, и принесла некоторую пользу, но отношения все равно оставались чрезвычайно натянутыми, чтобы не сказать плохими, а Смоленск был утрачен в 1414 году как раз вследствие того, что отношения с Литвой были очень не простыми. Литва, так сказать, подобрала или то, что плохо лежало, или то, что мы не могли защищать. Было ли здесь активное вмешательство Софьи Витовтовны, судить не берусь, об этом можно только догадываться, или же действительно Литва в этот период была настолько

опасным соседом, что приходилось идти на определенные жертвы? Может быть, и так, потому что Россия была ослаблена нашествием Едигея.

Итак, XV век начинается тем, что Россия как будто избавилась от опасности с Востока, но при этом с Запада опасность никоим образом не миновала и даже, наоборот, становилась все более и более реальной. Западная граница проходила в это время приблизительно так: чуть западнее Пскова, затем она шла к верховьям Волги и проходила в районе Ржева, затем шла южнее и поворачивала к Смоленску, а там — в сторону Брянска и т. д. Граница оставалась почти незыблемой довольно долго. И в конце XVI века эта граница приблизительно так и проходила. Поэтому когда вы читаете «Бориса Годунова» и удивляетесь, как это так — расстрига оказался так быстро у литовской границы, то куда же тут далеко бежать? От Москвы до Ржева или до Смоленска совсем недалеко. Просто у нас стереотип: западная граница — это Брест.

И это еще хорошо, потому что раньше западная граница была по Висле. Следовательно, первый момент, который мы должны выделить, проработать, это взаимоотношения Москвы с татарами и с Литвой в самом начале XV столетия. С татарами отношения были традиционными, татары ничего нового предложить не могли. Они не прочь были и покарать Москву, если бы это оказалось возможным, но при том, что Москва могла уплатить определенный выкуп или московский князь мог купить опять ярлык на великое княжение, ничего нового татары не предлагали. Мусульманство, которое там постепенно укоренялось, все-таки не было еще исламским фундаментализмом, и поэтому здесь особых сложностей не возникало. Кроме того, что в это время начинается фактический распад Золотой орды, причем распад этот весьма любопытен одним чрезвычайно интересным и сложным явлением. Часть Золотой орды, которая впоследствии станет Казанским ханством, постепенно начинает менять тип цивилизации. Сначала были кочевники, а впоследствии Казанское ханство станет земледельческой цивилизацией. Этот момент очень интересен, и говорит он, конечно, о значительных изменениях в Орде, а если иметь в виду, что в конце XV столетия Золотой орды уже не будет, а будет Большая орда, Ногайская орда, Синяя орда, или Крымская орда, то можно говорить о том, что процесс распада некогда мощного татаро-монгольского государства уже налицо в начале XV столетия.

В это время отдельные татарские князья считаются уже данниками Литвы. В сражении 1410 года между Польшей и ордами крестоносцев (знаменитая Грюнвальдская битва) татары участвуют как данники великого князя Витовта. Правда, там же сражаются и три знаменитых смоленских полка, которые приняли на себя удар тяжелой конницы и почти полностью погибли, т. е. мы можем сказать, что немцам пришлось иметь дело не только с Польшей, но и с представителями славянских земель Запада и Востока плюс данники литовские — татары. Но отсюда и вывод о том, что татары слабеют, а Литва, наоборот, усиливается. Но при этом мы должны помнить, что Литва говорила по-русски. Государственным языком стр. 55 Литвы был русский язык. А православная вера была верой большинства населения Литвы. То есть специфика отношений Москвы и Литвы была в том, что вражда существовала на уровне государственной структуры, если хотите, династических каких-то проблем, а национальной вражды, религиозной, этнической мы не видим. Этим объясняется и та легкость, с которой некоторые московские бояре и князья отъезжали в Литву после конфликта с московскими князьями, и наоборот — литовские князья ехали на службу к князьям московским. Итак, это первая проблема, которую надо четко себе представлять.

Вторая проблема — это 20-летняя междоусобица, которая имела место между Василием Васильевичем, или Василием Вторым, или Василием Темным, великим князем московским, и его родным дядей — князем Юрием Звенигородским, а после его смерти — с детьми Юрия Звенигородского, то есть двоюродными братьями великого князя Василием Косым и Дмитрием Шемякой. Раньше учебники это квалифицировали как феодальную войну второй четверти XV столетия. Если мы обратимся к каким-то аналогиям, параллелям, то увидим, что и в Западной Европе в это время происходит то же самое, возьмем ли мы

историю Франции или английскую историю. Но нас, естественно, будет больше интересовать наша, отечественная история.

Надо сказать, что учебники пишут об этом довольно мало. Поэтому я вас сразу хочу отослать к С. М. Соловьеву, у него (кажется, в 4-м томе) эта история очень подробно изложена. Она изложена, естественно, на основании рукописных текстов, архивных материалов, документальных данных, ну а если кто-то хочет почитать источники, то в 5-м выпуске «Памятников литературы древней Руси» напечатан так называемый «Северно-русский летописный свод 1472 года» — основной источник по событиям этой усобицы.

Суть усобицы сводилась к следующему. После смерти Василия Дмитриевича на московский стол предъявил права его родной брат Юрий Дмитриевич. Он чисто формально интерпретировал одну строку завещания Дмитрия Донского, которая звучала так:

*«А по грехом отыметь Бог сына моего князя Василия, а хто
будет под тем сын мой, ино тому сыну моему князь Васильев
удел».*

Эту фразу можно было интерпретировать так: умирает Василий Дмитриевич, и все наследует его брат Юрий Дмитриевич. Но Дмитрий Донской этого как раз в виду не имел. Он говорил только о том случае, если его старший сын Василий умрет бездетным — тогда все получает следующий брат. Это была традиция. Так получил московский стол отец Дмитрия Донского. Никаких старинных лествичных прав в Москве и на дух не было. Этим Москва и отличалась с самого начала. Начиная с Даниила Московского и его детей, никаких традиций Киевской Руси, или удельной Руси, никакого лествичного права наследования — все по нисходящей прямой линии: от отца сыну. Только тогда мог наследовать родной брат великое княжение, если князь умирал бездетным.

Так вот, Юрий Дмитриевич пытался таким образом восстановить древнюю традицию, но традицию не московскую, которая в Москве никогда не жила, и применить ее к ситуации. Конечно, психологически он мог считать себя имеющим определенные права, потому что он был сыном Дмитрия Донского, а не его племянник, который ему только какой-то там внук; он, духовный сын преп. Сергия, он, строитель Троицкого собора Троице-Сергиевого монастыря, строитель храма Успения на Городке (который и ныне стоит у валов древнего Звенигорода). Но здесь и московское боярство, и духовенство, и митрополит совершенно четко сказали, что ничего подобного быть не может, что тут все определено. И несмотря на то, что новому великому князю Василию Васильевичу было только 10 лет, когда умер его отец (1425 год), он становится великим князем московским. И вот здесь, возможно, семейные узы, которые связывали московских князей с Витовтом, сыграли определенную роль. Если еще с московским боярством Юрий Звенигородский мог скандалить и воевать, то с Витовтом литовским он воевать не мог. А Витовт, естественно, не желал, чтобы его родного внука кто-то обошел. Витовт — это была очень большая сила, и Юрий Звенигородский вынужден был с этим считаться.

Поэтому в 1425 году никаких военных действий не произошло — были просто недоразумения, споры, разговоры, была попытка что-то предпринять. Юрий Звенигородский уезжает в Галич, московский митрополит едет туда, пытается его уговорить, тот его не слушает, тогда митрополит, не добившись успеха, уезжает из Галича в Москву (Галич Костромской, или Мерьский — от слова «мера», т. к. там когда-то жила эта народность), не дав Галичу своего благословения. Не успел он далеко отъехать, как там началась какая-то эпидемия. Юрий в ужасе шлет гонца, митрополит возвращается, Юрий идет на уступки, признает своего племянника московским князем и мирится с митрополитом (митрополит благословляет город, и эпидемия заканчивается). Во всяком случае так излагает летопись, и что-то подобное могло действительно иметь место.

Но в 1430 году Витовт умирает, и с этого момента начинается обострение отношений, которое вскоре приведет к настоящей войне, которая будет полыхать почти 20 лет с

небольшим перерывом. Умирает Витовт, а тут еще вскоре играют свадьбу в Москве: Василий Васильевич женится. На свадьбу, естественно, зовут и друзей, и родственников, в том числе и двоюродных братьев Василия Косого и Дмитрия Шемяку. И здесь происходит знаменитый скандал, связанный с княжеским поясом. Один боярин, усмотрев на Василии Косом красивый пояс, рассказывает историю о том, что когда еще Дмитрий Иванович женился на дочери суздальского князя, этот князь дал в подарок два пояса — один великому князю, а другой московскому тысяцкому. Но пояса были подменены тысяцким или каким-то боярином. Короче говоря, Дмитрий Донской получил какой-то не тот пояс, а пояс Дмитрия Донского перешел в семью этого тысяцкого, а потом, переходя из рук в руки, постепенно оказался на чреслах Василия Косого.

стр. 55

Мы не знаем, как было на самом деле, но факт тот, что подобная история была действительно рассказана на пиру. С пьяных ли глаз московский боярин ее поведал, а может быть, здесь был тонкий расчет — кто-то хотел взорвать ситуацию. Софья Витовтовна, мать великого князя, дама с очень твердым характером, обвинив Василия Косого в присвоении чужого добра, взяла и сняла с него пояс. Это было, может быть, самое страшное оскорбление в средние века, которое можно было нанести князю, потому что пояс этот служил символом власти, символом княжеского достоинства. Пояса были чрезвычайно богаты и хранились в казне, переходили по наследству. Естественно, что после такого оскорбления Косой тут же со своим братом уезжает в Звенигород, и через несколько недель вспыхивает война.

Не буду утомлять вас изложением всех перипетий этой войны, скажу только, что не было в ней битвы, стычки, осады, которую бы не проиграл, в которой не потерпел бы поражения великий московский князь Василий Васильевич. Он был щедро одарен отсутствием какой бы то ни было удачи в течение всей этой усобицы. Самое поразительное, что несмотря на то, что он проиграл все битвы, неоднократно был захвачен в плен, неоднократно отрекался от московского великого княжения в пользу своих обидчиков, успел побывать в татарском плену, потому что был разбит татарами под Суздаlem, наконец, был ослеплен в 1446 году, — но все равно из этой войны он выходит победителем. Да кроме того еще и округлив границы Московского княжества за счет нижегородских земель.

Потрясающая вещь: полное, казалось бы, ничтожество как политик, как государственный деятель, как полководец — но побеждает своих удачливых противников. Москву захватывают, его ссылают в Коломну, и за ним устремляется Москва: бояре, духовенство, ремесленники. Оказывается, что звенигородские князья могут княжить в Москве только номинально, потому что подданных там не окажется очень скоро. Москве, видимо, были неважны личные достоинства князя, им важен был тот порядок, благодаря которому Москва стала Москвой. Ты мог быть полным ничтожеством, но ты наш князь, и этого вполне достаточно. Все остальное мы сделаем сами.

Из Коломны он возвращается в Москву только потому, что его оппоненты не могут в Москве княжить, и они это понимают. В первый раз как будто пронесло. Но и последующие разы будут точно такими же. Когда великий князь избавится от первого своего обидчика Василия Косого (избавится традиционным способом: Василий Косой будет взят в плен и ослеплен — видимо, по приказу московского князя), то это московскому князю аукнется тем же самым, и довольно скоро. Он тоже попадет в плен: один из помощников Дмитрия Шемяки его захватит в Троицком монастыре по время богомолья и вытащит буквально за уши из Троицкого собора. Его отвезут в Москву и ослепят. После этого он уже никто — какой же глава государства слепой? Его сошлют, потом ему дадут в удел Вологду, он подпишет так называемые проклятые грамоты, смысл которых в том, что он отрекается от всего и если нарушит свою клятву, то будет проклят Богом и потомством.

Ничто не помогает: к нему в Вологду приезжает игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон и говорит, что он должен ехать в Москву, а проклятье игумен возьмет на себя и отмолит князя. Самое интересное, что здесь нет никакой провокации, это инициатива самого Трифона. Когда он попадает, еще не ослепленным, в татарский плен, то татары хотят

одного: выкупа. С деньгами у них уже очень плохо, Москва давно ничего не платит. А тут есть возможность пожить. Москва уплачивает требуемый выкуп, гигантскую сумму. И тут татары не просто возвращают свободу своему пленнику, но многие знатные татары едут вместе с ним и начинают бодро принимать Православие и определяться на службу к великому князю. Он разбит, он никто, он пленник — нет, все равно он сильнее татар, все равно он лучше!

Удивительная вещь: всё против него — и всё за него. Чем же объяснить такой парадокс? Конечно, мы можем сказать, что Церковь постоянно поддерживала Василия Темного. Вряд ли Церковь одобряла историю с ослеплением Василия Косого. Но, с другой стороны, когда князь был ослеплен, его тоже жалели. Московское боярство в основном было за Василия Темного. Ремесленники, посадские — тем более. Поразительное единодушие; мы, несмотря ни на что, будем отстаивать свой, московский порядок, своего князя, и этим мы сильны. Его, действительно, фактически выталкивают опять наверх.

Когда после ослепления, после возвращения из Вологды он оказывается в Москве, тут уже очевидно: борьба подходит к концу. Василий Косой уже давно вышел из игры, да и Дмитрий Шемяка растерял свои силы, хотя еще и пытается держаться под Костромой, но потом, разбитый, бежит в Новгород, тогда еще независимый, где ему дают приют. Но туда отправляется с особой миссией по делам службы московский дьяк Степан Бородатый. Очевидно, он там должен представлять какие-то интересы великого князя, а заодно, как выясняется, он делает еще одно важное дело — ведет переговоры с одним из новгородских бояр, у которого вскоре должен пировать на званом обеде Дмитрий Шемяка. Кто конкретно давал соответствующее зелье повару, который должен был готовить на этот званый пир, а может, сам повар проявил инициативу, — это уже детали. Факт тот, что Дмитрий Шемяка на этом званом обеде откусал особенно вкусно приготовленную курочку, после чего очень быстро скончался. Специальный гонец был послан в Москву с этим чрезвычайно важным известием. Это был какой-то подьячий, который только за то, что просто привез это известие, был тут же произведен в дьяки, а это был уже очень высокий чин. Так закончилась эта, честно говоря, переполненная гнусностями, клятвопреступлениями, безобразиями 20-летняя война.

Она шла с перерывами, были замирения. Но сказать, что мы здесь не были на уровне Западной Европы, при всем желании нельзя. Все то, чем переполнены хроники Шекспира, было и в нашем любезном отечестве: отравление, выжигание глаз, клятвопреступление и т. д. Но коль скоро затронута процедура стр. 57 ослепления, скажу, что тут были некоторые тонкости. Иногда противника хотели просто пугануть, и тогда, повалив его на спину и держа за руки, специалист этих дел просто надрезал ему надбровные дуги. Кровь заливала глаза, но человек оставался зрячим, хотя ему и казалось некоторое время, что глаза он потерял. Вторым способом, который был применен к Василию Косому и великому князю, было ослепление при помощи кинжала: человеку тыкали в глазное яблоко кинжалом. Если останешься жив, то тебе повезло. Ну а третий способ был уже просто варварством — глаза выжигали смоляным факелом. Раскаленную смолу закапывали в глазницы. У нас народ был гуманный, и использовали для этих целей холодное оружие.

Дальше, как раз в середине всего этого кошмара, вклинивается история с Флорентийским Собором — тем Собором и тем митрополитом, которых у нас справедливо полагают предтечами современных экуменистов. Не буду вторгаться в чужую епархию и излагать вам обстоятельства этого Собора, скажу только, что митрополит Исидор был на своей митрополии очень короткое время, потому что в основном был за границей. Но обойти эту проблему нельзя, и решать ее в отрыве от событий общемировых, общеевропейских, тоже не имеет смысла, потому что все это было увязано с фактической гибелью Византии, от которой к этому времени оставались только Константинополь и самые его ближайшие пригороды.

Греки надеялись на какую-то помощь Запада и вместе с тем были почему-то наивно

убеждены, что сумеют на Соборе добиться от католиков каких-то уступок. Исидор не был случайным человеком, он был одним из творцов этой унии, искренне убежденным в своей правоте. В Москве, естественно, в этом плохо разбирались, там было не до этого, и поэтому никакой особой подготовки к Собору здесь не велось, разве что митрополит был весьма обеспечен, чувствовал себя чрезвычайно прочно в смысле материальном и представлял Русскую Церковь очень достойно. Затем, когда он вернулся и прочитал акт о Соборе на торжественной службе, где присутствовал великий князь, то реакции не было никакой, несмотря на то, что уже все всё знали: спутник Исидора, епископ Суздальский Авраамий, чья подпись тоже красуется под актом Флорентийской унии, приехал в Россию значительно раньше Исидора и успел, что называется, заложить своего патрона, объяснив, что сам ни в чем не виноват и вынужден был подчиниться. Так что когда Исидор очень активно пытался объяснить, что же произошло на Соборе, реакции не было никакой, а в летописи объясняется, почему: «и воздремавшася и уснуша». То ли Исидор скверно излагал свои мысли, то ли слишком монотонно читал протодиакон, которому было поручено прочесть этот акт. Но через три дня опомнились: Исидор был тут же арестован и заперт в Чудовом монастыре. Потом его пытались пристыдить, якобы даже Собор русского духовенства пытался вернуть его на путь истинный, а затем якобы представители светской власти объяснили ему, что могут быть всякие нежелательные эксцессы и страшные муки, поскольку латинская ересь — ужасная вещь. На самом деле просто не знали, что с ним делать: судить и казнить митрополита пока еще не было принято в Москве. В XVI веке подобная процедура будет рядовым явлением. И только осенью 41-го года так случилось, что он бежал из Москвы. Видимо, ему дали возможность бежать и догонять не стали, таким образом решив эту проблему, разрубив этот гордиев узел.

Собор, который провозгласил митрополитом Московским и всея Руси святителя Иону, установление автокефалии Русской Православной Церкви — все это приходится на правление Василия Темного, которое переполнено такими невероятными событиями, что представить их воедино очень сложно, поэтому здесь необходимо быть особенно внимательными.

Дальше Василий Темный сделал очень умное дело — он возвел на великое княжение своего старшего сына Ивана Васильевича, который впоследствии получил прозвище Ивана III. Иван был уже человеком весьма опытным, потому что успел насмотреться на особенности политической жизни в нашей стране, побывать в ссылках, побегать от врагов своего отца. Очевидно, что он, получив богатейшую практику и замечательные навыки правления, начинает управлять еще при жизни отца, во всяком случае грамоты пишутся от имени двух великих князей, они оба запечатывают эти грамоты. Василий Темный хотел обезопасить своего сына от всяких неожиданностей в случае своей смерти, с тем чтобы великое княжение на этот раз переходило абсолютно автоматически, т. е. он здесь опять-таки следует тому московскому порядку, который укоренился, причем делает это так, чтобы никаких формальностей не возникало: один князь умер — другой уже есть, и все в порядке.

Иван III — это целая эпоха. Самостоятельно он правил 40 лет, а если иметь в виду, что начал править вместе с отцом, то получится чуть ли не 50 лет. За это время чрезвычайно много произошло событий. Первое — это присоединение Новгорода. Вам надо уметь давать характеристику Новгороду, его политическому строю, его экономическому положению и взаимоотношениям с Москвой. Думать, что Новгород был завоеван Москвой, — это весьма формальный подход. Скорее Новгород свалился, как гнилое яблоко — конечно, в подставленные вовремя руки.

Вторая тема, когда речь пойдет об Иване III, — матримониальная: второй брак Ивана III, его женитьба на Софии Фоминичне Палеолог, последней византийской принцессе, и обстоятельства, связанные с этим. Здесь опять-таки я вас отправляю к С. М. Соловьеву, там это все замечательно изложено. Третья тема — это то, что у нас в учебниках называют падением татарского ига. Ига уже не было фактически, потому что никому в голову не

приходило платить татарам дань. И не было Золотой орды, а была просто какая-то Большая орда, руководитель которой Ахмат решил тряхнуть стариной и попытаться совершить набег на Москву.

Следующий момент очень специфический, и мы будем заниматься им отдельно — это судебник Ивана III, т. е. все, что было связано с изменением социального состава русского общества. Здесь я пока ничего стр. 58 не скажу, это тема особая. Следующую тему можно разделить на два вопроса: начало созидания новой государственной идеологии «Москва — третий Рим» (об этом мы еще будем говорить), и строительство московского Кремля (потому что стены, которые мы с вами видим, — это стены Ивана III). Соборы, которые сейчас постепенно начинают использоваться по назначению, построены Иваном III. Грановитая палата — постройка Ивана III. Что касается Кремля, то литература на эту тему очень обширна, лучше всего читать И. Е. Забелина, это самые замечательные книжки по истории Москвы, их признают и все исследователи. А если иметь в виду именно судьбу кремлевских памятников, то надо смотреть П. Г. Паламарчука — «Сорок сороков», первый том. Там все подробно изложено, хотя и сухо, но хорошо иллюстрировано.

Лекция 12

ИВАН III

- 1. — Государственное устройство Новгорода в XIV–XV веках.*
- 2. — Московское и Новгородское княжество. 3. — Причины ослабления Новгорода. 4. — Первый поход Ивана III на Новгород.*
- 5. — Окончательное присоединение Новгорода. 6. — Второй брак Ивана III. 7. — Нарушение традиции престолонаследия.*

В прошлый раз мы сделали обзор основных событий XV века, и я говорил, что на княжении Ивана III надо будет остановиться более подробно. Сегодня рассмотрим два вопроса: присоединение Великого Новгорода к Москве и брак Ивана III с Софьей Палеолог.

Перед тем как переходить к изложению событий, непосредственно связанных с присоединением Новгорода, вероятно, надо вспомнить о том, что собой представлял Новгород на протяжении предшествующих веков своей истории.

Мы знаем, что Новгород — древнейший, если не самый древний, город Руси. Во всяком случае уверенно можно говорить, что в этом отношении он никоим образом не уступает Киеву. Он был действительно первой столицей, поскольку Рюрик, призванный неизвестными представителями славянских племен, сел княжить именно в Новгороде, и только потом Олег перенес столицу в Киев.

Мы знаем, что одним из первых новгородских князей был Владимир Святославич, который отправился княжить туда по совету своего дяди Добрыни, в то время как его старшие братья Ярополк и Олег княжить в Новгороде не согласились. И вот, может быть, с этого момента мы можем наблюдать традицию, в соответствии с которой старший сын киевского князя обычно княжит в Новгороде. Но, в отличие от всех других стольных городов, Новгород всегда заключает с князем ряд договоров. Эти договоры на протяжении веков менялись мало.

Суть их всегда сводилась к тому, что князь принимает на себя обязанность вместе со своей дружиной охранять, защищать Новгород от внешних врагов; иногда выполнять обязанности третейского судьи — в тех случаях, когда это необходимо. В свою очередь, Новгород обязуется содержать князя и его дружину, делать соответствующие выплаты, но

князь не имеет права заводить себе земельные владения в новгородских землях, не имеет права вмешиваться в дела внутреннего правления, и если он начнет что-либо подобное предпринимать, то договор расторгается. Кроме того, потомки князя вовсе не обязательно должны быть новгородскими князьями. Со временем в этом правиле, по которому в Новгороде обязательно должен княжить сын киевского князя, естественно, возникнет немало исключений, и новгородцы будут приглашать разных князей. И, строго говоря, это и будет прерогативой Новгорода.

Почему Новгород именно приглашал князей, почему именно для внешней безопасности был необходим князь, объяснить несложно. Коль скоро князь приезжал с дружиной, т. е. с полностью отмобилизованным войском, то как раз для устранения внешней опасности это все и годилось. А если бы он вздумал вмешиваться во внутренние дела, то сама структура новгородского государства этому могла противостоять.

Мы помним, что Новгород имел довольно своеобразное политическое устройство — это был вечевой город, вечевое государство. Вече представляло собой своеобразный митинг, в котором одна сторона осиливала другую в основном криком. Не будет ошибкой предположить, что вече не всегда было абсолютно спонтанным. Вече собиралось регулярно для выборов, допустим, посадника и тысяцкого, для решения каких-то важных вопросов. Ну и, естественно, бывали случаи, когда политические распри достигали такого накала, что вече действительно собиралось внезапно.

Новгородское вече вошло в историю как одна из самых скандальных и типичных форм парламентаризма, и ругань, драки, убийства во время демократических процедур в древнем Новгороде были не новостью и не редкостью. Более того, победившая сторона иногда отмечала свою демократическую победу тем, что сбрасывала своих противников с моста в Волхов. Имели здесь место смертоубийства, такие случаи зафиксированы. Но это, пожалуй, только внешняя сторона жизни, потому что на самом деле правил всем посадник — глава администрации и тысяцкий, который возглавлял ополчение. Колоссальную роль играл епископ, впоследствии архиепископ Новгородский. И, наконец, имело место нечто вроде постоянно действующего совета или думы, куда входили новгородские бояре, т. е. представители наиболее известных и богатых фамилий, и так называемые «лучшие люди». Институт лучших людей был практически во всех городах древней Руси, но надо сказать, что лучшие люди не обязательно были самые богатые. Это стр. 59 были уважаемые люди, многим из которых можно было доверять, которые пока еще не слишком сильно изолгались или проворовались. Хотя, естественно, и здесь бывало всякое.

Практически новгородская политическая жизнь и формировалась в этом относительно узком кругу лиц, которые и решали вопросы текущей внутренней и внешней политики. Но здесь надо знать, что новгородское боярство было, естественно, очень тесно связано с посадским населением. Новгород делился на пять районов, или пять концов. Каждый конец делился на улицы. Здесь были старосты кончанские и уличанские, соответственно ведавшие вопросами, которые относились к юрисдикции именно их концов или улиц, а вся колоссальная территория государства Новгородского делилась на так называемые пятинны, которые соответствовали этим концам.

Новгородские бояре были чрезвычайно богатыми людьми, потому что Новгород вследствие своего положения мог процветать только благодаря торговле. Новгородские земли недостаточно плодородны, и ни о каком серьезном земледелии там, конечно, речи не было. Но положение Новгорода было очень выгодным как раз для занятий ремеслом и торговлей, потому что он связывал низовые города (те, которые располагались в междуречье Волги и Оки, шли по верховьям Волги), запад, север и восток. Карелия, какие-то дикие племена, которые жили уже «у камня», т. е. у Уральских гор, богатейшие промыслы русского севера, хлеб из низовых городов, предметы роскоши из западных стран — все это проходило через Новгород и стимулировало развитие новгородского ремесла.

Эти два основных занятия новгородцев — торговля и ремесло — и сделали город чрезвычайно богатым и процветающим. Достаточно сказать, что Новгород один вел

торговлю со всем Ганзейским союзом. Ганза — это союз немецких торговых городов, туда входило чуть ли не 8 десятков немецких городков, которые объединялись для совместного ведения дел. И вот Новгород торговал с ними со всеми.

Недавно Новгород посетила делегация из Германии, которая объяснила, что они, представители разных немецких городов, хотят вложить свои марки в дело реставрации Новгорода, поскольку история их городов — это и новгородская история. Поэтому в Новгороде, где сохранилось действительно чрезвычайно много построек, будут восстановлены, видимо, какие-то немецкие дворы; соответственно что-то, может быть, будет восстановлено и на Западе. Короче говоря, и сейчас эта древняя история как-то опять воскреснет из небытия.

Так вот, Новгород богател и считал себя независимым государством. Государство это было в известной степени демократическим, но мне кажется неудачным тот термин, который привит ему в течение последних десятилетий — Новгородская боярская республика. Это довольно странно звучит, потому что в то время на Руси республик все-таки не было. Республиканский строй — может быть, если иметь в виду тип правления, но все-таки это звучит как-то не по-русски. Как назвать этот город, я не знаю, потому что княжеством он явно не был. Но вместе с тем налицо полная аналогия городской жизни, городского управления в Новгороде с некоторыми городами северной Италии, в первую очередь с Флоренцией: опять ремесло, торговля, опять исполнительная и представительная власти, приглашенные князья — все это имело место и там и здесь. И с этой точки зрения, если посмотреть на историю Новгорода, то мы скажем, что русская история, русская государственность развивалась совершенно аналогично подобным институтам в Западной Европе, и поэтому если бы не было монголов, то и развитие нашей страны было бы совершенно иным. Хотя, конечно, у русского человека психологический тип совершенно иной, чем у западноевропейского.

И вот наступает XIII век, когда Русь повержена в прах татарами, но и здесь Новгород чудесным образом сохраняется от татарской опасности, он не разграблен, не взят, и более того, он как бы олицетворяет собой свободную Русь. И великий князь Александр Невский именно будучи приглашенным в Новгород совершает свои знаменитые победы над шведами на Неве и над немцами на Чудском озере, прославившие его имя. Но этот же князь — первый, кто сознательно желал ограничить новгородские вольности. Он желал быть не приглашенным князем, а правящим, и новгородцы расторгли с ним договор после победы на Неве, а потом им же и пришлось буквально валяться у него в ногах, с тем чтобы он вернулся в Новгород и спас их от немцев.

Естественно, такие прецеденты не забываются, и когда начинает восстанавливаться государственность, уже владимирские и московские князья все время стараются привести Новгород все более и более крепко под свою руку, посылают туда своих старших сыновей. Но когда начинается московский период, то здесь Новгород играет совершенно особую роль. Дело в том, что татары требовали большого количества серебра; строго говоря, ордынский выход, видимо, исчислялся в серебряной валюте. Серебра в Москве не было, оно было в Новгороде. Серебро на Русь шло через Новгород, поскольку именно новгородские купцы соответствующими операциями могли раздобыть его в достаточно больших количествах.

И вот московские князья начинают все время требовать увеличить количество серебра, которое Новгород должен поставить по уговору с Москвой для выплаты в Орду, и отсюда становится очевидным, что Новгород, хочет он того или нет, должен быть фактически в фарватере московской политики. Тем более, что и способ воздействия на Новгород очень ясен и прост: как только новгородские республиканцы-демократы хотят проявить свою независимость от Москвы и начинают возражать, то достаточно послать войско, которое займет Торжок или Новый Торг, потому что дорога, по которой идет подвоз хлеба в Новгород, проходит именно там. То есть перенять путь подвоза хлеба — и сразу новгородцы должны посылать посольство для переговоров. Москва начинает этим пользоваться

достаточно регулярно, и постепенно это становится уже традицией: Москва навязывает свою волю Новгороду.

стр. 60

Наступает XV столетие, и мы видим в Новгороде еще одно очень любопытное явление, которого раньше не было. На протяжении всей предшествующей истории новгородское общество было достаточно монолитным. Это не значит, что оно было одинаковым. Конечно, там было и имущественное, и социальное неравенство, иначе и быть не может, по тем не менее у них были какие-то общие идеалы, общие представления о своей государственности, о своей независимости, и поэтому новгородцы были страшным противником для своих врагов. Они били немцев, шведов, владимирцев, ростовцев, суздальцев — кого угодно, потому что единство, которое их сплачивало, было источником той удивительной энергии, которую они проявляли в самых разнообразных сражениях.

В XV веке этому единству приходит конец. Причин несколько. Первой и, может быть, главной, является та, что новгородцы, хотя бы они того или нет, начинают ощущать себя русскими, понимать, что они — граждане не только Новгорода, но и всей этой огромной страны. И то, что они живут в Новгороде, не делает их меньше русскими, чем рязанцев, москвичей или ростовцев. Конечно, перелом в сознании произошел естественно в процессе подготовки к Куликовской битве и особенно после нее. Общая вера, общий язык, в общем-то общие обычаи — и только какая-то самостоятельная политическая жизнь.

В это же время становится очевидным, что политическая жизнь Новгорода как-то локализуется, делается более замкнутой. В период, когда вся Русь делилась на уделы, Новгород как раз представлял собой явление чрезвычайно выдающееся, а теперь, когда вся страна объединяется, Новгород постепенно становится провинцией. Это очень существенный этап. Но не только это способствовало утрате единства новгородским обществом, а еще и постоянная традиция политической борьбы. Там всегда были какие-то политические партии, которые боролись за власть: за то, кто будет посадником или тысяцким, за то, кто будет епископом, за то, кто будет определять те или иные внешнеполитические цели. Борьба этих партий постепенно привела новгородское общество к расколу. Постоянная вражда одной части бояр против других способствовала тому, что и на посаде, среди ремесленного люда и простых городских обывателей, тоже наметилось нечто подобное.

Но это было еще не все. Политическая борьба имеет, вероятно, свою логику, и в этой борьбе каждая партия должна на что-то опираться. И вот можно видеть, что одни, исповедуя новгородскую независимость, стремясь ее отстоять (на словах или на деле), опираются или пытаются опереться все больше и больше на Литву, а та часть Новгорода, которая противостоит этой партии, исходит из того, что Литва — это католики, стало быть, говорить не о чем, и у нас есть в Москве свои князья. Этот процесс довольно быстро набирает силу.

И, наконец, третий момент, который тоже полезно знать. В XV веке общество раскалывается не только по вертикали, но и по горизонтали. Боярство уж очень сильно обособливается от всех остальных новгородцев. И без того уже очень богатое, оно стремится к упрочению только своей власти, к концентрации богатства в своих руках. Они уже начинают противостоять своему собственному посаду, своему собственному ремесленному люду и, соответственно, получают то же — интересы бояр уже никто не желает поддерживать.

Эти противоречия и являются, на мой взгляд, основной причиной того, что Новгород не сумел отстоять свою независимость. Говорить о том, что великий князь Иван III просто захватил Новгород, поотрубал головы и совершил гнуснейшее насилие над свободолюбивым государством, — это было бы слишком наивно. Он исходил из других предположений.

Иван III мыслил уже масштабами отнюдь не маленького Московского княжества. Он, бесспорно, размышлял, исходя из реалий, которые были. А если посмотреть на карту, то станет ясно, что в состав Московского княжества входили уже колоссальные территории. И естественно, что здесь Новгород, существуя независимо, представлял для московского князя уже не только материальный интерес, но и, бесспорно, интерес политический, потому что он прекрасно понимал, что на Новгород зарится Литва. Поэтому его интересовал вопрос, если хотите, общерусской целостности, тем более что это вполне соответствовало и сложившимся государственным, этническим, религиозным границам. Поэтому его политика в отношении Новгорода была по-своему очень логичной. А уж если Новгород внутри не представлял той силы, которую когда-то имел, то грех, как говорится, было этим не воспользоваться.

Первый поход на Новгород, который фактически предрешил его судьбу, совершил еще Василий Темный. В 1456 году был подписан мир, по которому Новгород должен был уплатить 10 тысяч рублей (по тем временам сумму огромную), соблюдать те требования, которые предъявляет ему московский великий князь, и это уже практически предрешало его судьбу, однако новгородцы пытались еще как-то сопротивляться. В это время там особую силу представляла собой партия, которую Н. И. Костомаров почему-то называет партией патриотов. Правильнее сказать, что это партия Борецких. Был такой посадник — Исаак Борецкий. Он умер, и его вдова Марфа Борецкая (очень властная женщина) с сыновьями представляли ту партию, которая желала отстоять независимость, т. е. собственную власть. Они понимали, что сами они уже этого сделать не могут, потому что за ними, видимо, не так уж много шло народу. Конечно, какая-то социальная база у них была, но ведь она может быть и имитирована, и создана искусственно, просто оплачена в конце концов. На вече покупались голоса, выкрикивались специально подосланными людьми те или иные требования или реплики. Так вот, именно Борецким приходит в голову мысль завязать отношения с Литвой, с королем Казимиром, и пытаться его использовать в своих целях или, как сказали бы современные политики, разыграть литовскую карту.

Казимир, естественно, наобещал с три короба, да он был бы и не против помочь, но оказалось, что сделать это ему гораздо труднее, чем обещать, а вот Иван III действовал достаточно энергично. В 1471 году стр. 61 происходит знаменитый поход на Новгород, потому что у Ивана III были вполне очевидные свидетельства, что там затеяна не просто переписка с Казимиром, а именно измена Православию. Следовательно, он мог выступать уже от лица как бы всех русских людей, которые не желали проникновения католичества. Это было внешним оформлением, если хотите. Для москвичей тем более было ясно, что если какой-то там Новгород сопротивляется великому князю, то это уже непорядок само по себе.

И вот в Новгороде собирают колоссальную рать, высылают ее против полков великого князя, но здесь любопытный казус: новгородцы воевать идти не хотят. Приходится прибегать к угрозам, конфискациям — короче говоря, эту рать, десятки тысяч человек, выгоняют в поле буквально насильно. А дальше происходит следующее: полки великого князя московского идут не компактно, отдельными отрядами, разоряя все новгородские земли, творя всякие бесчинства, потому что идея — напугать, заставить, экономически подорвать. На реке Шелони 4-тысячный отряд, дружина московская, натывается на 40-тысячное войско новгородцев. В древности новгородцы славились тем, что даже будучи в меньшинстве могли повернуть вспять любого противника. Здесь же все наоборот: 40-тысячное войско бежит, теряя только убитыми чуть ли не 12 тысяч человек, едва ли не 2 тысячи попадают в плен, и среди них один из сыновей Марфы Борецкой. В обозе, который тоже достался москвичам, находят подлинник договора с Казимиром. После этого, казалось бы, разгром Новгорода и страшные репрессии неминуемы. Но Иван не желает каких-то особых мер, поэтому Новгород должен только признать себя подвластным великому князю, дать ему суд в Новгороде и вместе с тем сохранить какие-то остатки самоуправления.

Через несколько лет выясняется, что в Новгороде снова поднимает голову литовская партия. Снова едет туда Иван III, и это не последний его приезд. В 1478 году еще один поход на Новгород, и вот тут-то уже на новгородцев обрушиваются репрессии: арестованы десятки

бояр, и те, кто обвинен по доносу в принадлежности к заговору, пытаны. Оговаривают, естественно, еще людей, летят головы. А дальше начинается вывод новгородцев, расселение их по другим русским городам. А на их место поселяют москвичей и жителей других городов Московского княжества. Поэтому процесс присоединения Новгорода — это не один год, не одна битва на реке Шелони. Это процесс, который занял довольно длительное время и который можно трактовать по-разному. Естественно, новгородцы, которые были верны своим традициям, своему героическому прошлому, скорбели о том, что утратили независимость. Но ведь можно понять и то, что партия Борецких могла ввергнуть Новгород в пучину кошмарных осложнений, потому что не дай Бог, если бы Литва и поляки попытались навести там свои порядки. Вряд ли из этого могло выйти что-нибудь доброе.

Так или иначе, Новгород утратил свою независимость, посадника уже в Новгороде никогда не будет, тысяцкого не будет — будут только московские наместники. Вечевой колокол будет увезен в Москву — это формальный акт, который подчеркивает перемену участи присоединенного города. На этом мы можем, вероятно, поставить точку. Последним, может быть, самым трагическим событием в истории Новгорода, которое заставит содрогнуться всех тех, кто занимается русской историей, станет жуткий поход на Новгород царя Ивана Грозного 100 лет спустя, когда абсолютно бессмысленно, без всяких, даже формальных, поводов он обрушится со своими опричниками на мирный, богатый, красивый город и будет в течение нескольких недель его грабить и разорять. Но об этом мы поговорим позже.

Итак, Новгород был присоединен к России в течение некоторого времени, и процесс этот был, как любят говорить, объективным. Здесь было не просто проявление какого-то московского самовластия — Новгород в самом себе уже имел все предпосылки утраты своей независимости.

Теперь — о втором браке Ивана III. Эти два события — присоединение Новгорода и второй брак Ивана III — были одновременными. Первым браком Иван был женат на тверской княжне Марье Борисовне, которая умерла в 1467 году, в то время, когда здесь бушевала моровая язва. Известно, что тело у покойницы страшно, неестественно раздулось, что какая-то из ее приближенных колдовала и ворожила, пытаясь ее вылечить, но думать, что она была отравлена, нет никаких оснований.

Спустя полтора-два года затевается сватовство Ивана III к византийской принцессе Софии, или Зое Палеолог — дочери брата последнего византийского императора Константина. Брата звали Фома. После падения Константинополя он перебрался в Италию, где и умер. И там его семейство занимало определенное положение, пользовалось покровительством римского престола. Кто был инициатором этого брака — Москва или Рим — сказать непросто. Скорее идея принадлежала Риму, потому что Зоя не высказывала ничего противного католицизму, наоборот, была благодарна за заботу, которую имела. Может быть, опять любимая идея римских первосвященников любым способом укрепить и распространить католичество на Руси побудила их действовать. Правда, действовали они не напрямую. Один из флорентийских униатов, греческий митрополит Виссарион, ставший кардиналом, прислал письмо в Москву, где говорил, что есть такая православная принцесса, которая настолько предана Православию, что отказала и французскому королю, и миланскому герцогу, когда они сватались, и что она может стать, если это угодно великому князю московскому, его супругой.

Н. И. Костомаров писал о том, что эта идея родилась в голове служащего монетного двора Ивана Фрязина, когда он жил в Москве. Он, мол, придумал эту комбинацию. Судить не берусь, дело не в этом. В Москве эта идея понравилась. В голове Ивана III забрезжила мысль о том, что он таким образом вместе с рукой принцессы унаследует если не права Византии, то определенные традиции и уж во всяком случае престиж православного государства. Москва станет центром Православия уже в порядке преемственности.

Этот самый денежных дел мастер отправляется в Италию, и хотя на Руси он принял Православие, но приехав в Италию, забывает об этом — естественно, там он католик. Потом он возвращается — опять в качестве православного. Но это естественно для людей такого сорта. Туда он везет соответствующие грамоты, обратно он везет грамоты для русских послов, заодно и портрет Софьи Фоминичны — тоже все соответственно духу времени.

Наконец, туда едут послы, и в 1472 году принцесса едет через северную Европу немецким морем, затем высаживается в Ревеле, едет на Псков, на Новгород, там ей везде уготована торжественнейшая встреча. И движется дальше — в Москву.

Особенностью ее процессии было то, что в ее свите ехал легат папского престола, кардинал, который должен был, с одной стороны, вести переговоры об унии с Иваном III, а с другой стороны, он и был сопровождающим Софьи Фоминичны. Пока он в преднесении католического креста вступал в Псков, да и в Новгород, проблем не возникало, потому что там на подобные мелочи обращать внимание не собирались — это дело московское. А вот когда процессия царевны приближалась к Москве, там шло совещание: великий князь спрашивал у митрополита совета, как быть с этим самым католиком, с латинским крестом и всем прочим. На что получил классический ответ: ежели ты разрешишь ему въехать в ворота города по латинскому обычаю, то я, отец твой духовный, тут же выеду в другие ворота. Вопрос был решен с вполне православной простотой и ясностью, и тут же был послан навстречу процессии соответствующий человек с соответствующим поручением, который объяснил папскому легату, что, в общем, до Рима отсюда очень далеко, что могут возникнуть осложнения и что вообще крест лучше спрятать и въехать в город в качестве одного из сопровождающих лиц.

Так кардинал и сделал. Потом он, правда, официально представлял, «правил» посольство Ивану III и якобы, как сообщают русские летописи, пытался даже затеять какой-то теологический спор. Но Иван III спорить с ним не стал, призвал некоего Якова-поповича, который должен был объяснить популярно, чем отличается Православие от католицизма, и тот якобы гостя переспорил. А гость говорил, что он спорить не может, потому что у него с собой нет книг. От всего этого веет былинной, эпической простотой, поэтому судить о том, что было на самом деле, не представляется возможным. Факт тот, что ни о какой унии, ни о каком единении церквей, ни о каких католических правах в Москве речь просто идти не могла. Соблюли приличия, отправили посольство — и все, до свиданья.

Ивану Фрязину тоже не повезло, потому что он, оказывается, в одном месте представлялся не тем, кем был, а в другом месте (в Венеции), наоборот, представлялся послом великого князя. Одного венецианского посла он представил как купца, тем самым совершив некий дипломатический казус. Короче говоря, когда он вернулся в последний раз с процессией Софьи в Россию, то был арестован, сослан, а заодно было конфисковано все его имущество, которое он тщательно наживал, и его семейство было обращено в неволю. О том, что произошло с ним дальше, можно только догадываться. Но вряд ли что-нибудь хорошее.

Итак, русской великой княгиней стала Софья Фоминична. Известно, что это была очень дородная дама, а следовательно, очень красивая, потому что у наших предков эти два понятия сливались воедино. Она была не одна: с ней приехали греки и итальянцы. Естественно, они привезли с собой свои представления и о быте, и о государственности, и о придворном протоколе, и о величии, престиже, и не случайно, что в это время начинается строительство того Кремля, который и сейчас украшает Москву. Кремлевские стены построены итальянцами. Эта первоклассная итальянская крепость имела в ту пору довольно суровый вид, потому что веселые украшения на башнях и шатры выстроены в XVII веке, а сначала башни имели просто примитивное четырехскатное деревянное покрытие, которое предохраняло боевые площадки от снегопада и дождей, и Кремль смотрелся иначе. Я рекомендовал бы вам сходить в музей Васнецова, где висят известные картины Аполлинария Васнецова, брата Виктора Михайловича, очень талантливого археолога-реконструктора. На

своих полотнах он как бы реконструирует Москву XIV, XV, XVI веков в процессе ее строительства.

Дальше возникает еще одна коллизия. Фактически с Софьей приезжает целый штат придворных — двор Софьи Фоминичны. А здесь был двор великого князя, царя Ивана III, — естественно, более архаичный. На протяжении XIV и первой половины XV века двор великого князя московского — это бояре, которые создавали фактически придворный совет или то, что будет называться боярской думой. Они были довольно близки к князю. Князь не стремился превозноситься перед ними, потому что дело было общее, и мы знаем, что на протяжении XIV и первой половины XV столетия московское боярство действует всегда заодно с князем, а он, в свою очередь, может полностью на них полагаться.

Возникает противоречие, потому что московские бояре смотрят на жизнь иначе, иными глазами, у них иные традиции, чем у тех, кто приехал. Естественно, появляется и определенная среда людей, которые стремятся приспособиться к новым обстоятельствам. А когда у Софьи рождается сын Василий, то ближайшее окружение Ивана III окончательно разделяется на две партии. Почему?

У Ивана III был сын от первого брака — Иван Молодой, как его называли. Он фактически княжил вместе со своим отцом, так же как Иван III с Василием Темным. Он принимал очень деятельное участие в отражении татар во время похода Ахмата: Иван Молодой был женат на дочери волошского господара Стефана Елене (Елена Волошанка), и от этого брака у него был сын, которого звали Дмитрием — Дмитрий Иванович-внук. Но вот через какое-то время после совершения второго брака Ивана III у Софьи Фоминичны рождается сын Василий, а Иван Молодой умирает. Кто должен быть наследником Ивана III в этой ситуации?

стр. 63

Московская традиция, которая была нерушима, говорит, что московский стол переходит по прямой нисходящей линии. Следовательно, Иван III был должен его передать Ивану Молодому. Иван Молодой был соправителем своего отца и прямым наследником, а значит, следующим московским правителем должен быть его сын — Дмитрий Иванович-внук. Иван III так и поступает: Дмитрий Иванович-внук, несмотря на свое малолетство, возведен особым чином на великое княжение и становится соправителем своего деда. То есть партия, которая стояла за московскую старину, за московский обычай, осилила — партия, противная Софье Фоминичне.

Но через некоторое время все меняется. Елена Волошанка вместе со своим сыном попадает в опалу, они заточены в темницу, а на великое княжение Иван III возводит сына от второго брака Василия, будущего Василия III. Таким образом окончательная победа осталась за Софьей Фоминичной и новой партией придворных. И вот этот раскол в московском обществе весьма важен, потому что он будет усугубляться. Когда Ивана III пытаются спрашивать, на основании чего он свел с великого княжения своего внука, он отвечает: «Это мое право — право великого князя, государя московского: кого хочу, того милую». То есть получается, что здесь фактически рождается идея абсолютного самодержавия, когда суверен является источником закона, источником власти, когда он является лицом, стоящим выше закона, выше обычая, а раз так, то, естественно, углубляется пропасть между ним и его окружением, его двором, его обществом и т. д.

Впоследствии, уже во времена Василия III, бояре говорили, что это все оттого, что греки приехали. Пока греков не было, все было по-старому, а приехали греки — начались у нас всякие нестроения.

О том, что Софья Фоминична кому-то поручила отравить Ивана Молодого, судить не берусь. Греки, вероятно, способны на многое, но документов никаких на эту тему нет, кроме пометки, что когда Иван Молодой заболел, у него появились раны на ногах, ноги стали раздуваться. Был выписан из-за границы лекарь-еврей, который обещал вылечить великого князя, а если не вылечит, то князь Иван III может его казнить. Ивана Молодого не вылечили, князь был очень недоволен, и когда прошло 40 дней после смерти молодого князя, лекарь

был казнен.

Я специально заостряю ваше внимание на семейной истории Ивана III, потому что та же история со вторым браком повторится у его сына Василия III с еще большими последствиями, с еще большим соблазном для окружающих. Но если Иван III женился совершенно законно после смерти первой супруги, то его сын ради нового брака попросту отправит свою супругу в монастырь, заставив Церковь санкционировать это безобразие.

Подобные события вели, конечно, к изменению понятия о том, что собой представляет великий князь. Теперь он глава самого большого государства на свете. Государства православного, государства, которое наследует Византии. Сам князь начинает на себя смотреть не просто как на Ивана Васильевича, сына Василия Темного, московского князя, а как фактически на византийского если не императора, то уж во всяком случае властителя.

В это время появляется и византийский герб — двуглавый орел. В это время появляется и соответствующий, очень непростой, московский протокол, начинает складываться в придворной жизни особый этикет. В это время начинают созидаться первые намеки на будущие сочинения, которым предстоит идеологически оформлять новую власть.

Несколько слов о титуле «государь». Этот титул использовали в 1475 (или 1478) году два новгородских чиновника, приехавшие в Москву жаловаться великому князю на несправедливости, которые творятся в Новгороде, и обратившиеся к князю как к государю. Иван III ловил подобные вещи, как говорится, на лету. Это был подарок судьбы, и он тут же послал в Новгород вопрос: какого государства они хотят? Новгородцы пытались объяснить, что никакого государства они не хотят, а эти люди говорили о том, чего толком не знают, и во всяком случае от себя. На всякий случай новгородцы одного из этих чиновников казнили по приговору веча. И этим совершили серьезный политический промах, потому что Иван после этого уже окончательно стал считать их изменниками, которые его обманывают, клеветниками, которые не держат слова. Всю эту комедию разыграли как по нотам, после чего говорить с Новгородом можно было только с позиции силы.

Значит, государь — уже тогда. «Царь» — таким словом когда-то называли хана золотоордынского, теперь и Иван III царь. Венчания на царство нет, существует чин венчания на великое княжение. Это чин, который уже укоренился, его разработали еще раньше. Впоследствии этот чин и будет фактически чином венчания на царство, которое совершит впервые Иван Грозный (причем венчаться Иван Грозный будет именно на царство, а не на великое княжение). Если сравнивать чины венчания на царство и на княжение, то они очень похожи. Вот какие произошли перемены в 70-е годы XV века. Остается добавить лишь, что процесс присоединения Новгорода затянулся: Вятка была присоединена только в 1489 году.

И вот Москва стала столицей колоссальной страны, потому что на север границы уходили до Белого моря, на восток практически до Урала; с западом обстояло сложнее, потому что граница проходила западнее Пскова ко Ржеву, дальше шла к Смоленску и спускалась к северским городам. Ну а на Юге, как это ни странно звучит, границей была фактически Ока. А дальше начиналась земля, которая называлась у нас Дикое поле. Там не было лесов, а это значит, что там были кочевники, банды и, главное, крымские татары, которые могли совершенно внезапно появиться. Поэтому каждое лето там начали выставлять подвижные отряды, которые должны были держать границу, прикрывать ее со стороны степей. А дальше стр. 64 начнется строительство каменных крепостей в Туле, Калуге, Зарайске, которые станут опорными пунктами на южном направлении для русских войск.

Крымская опасность представляла собой нешуточное явление. Наверное, вы отлично знаете, что в центре Москвы есть Крымский мост. Название его очень правильное, очень точное, потому что он стоит на том месте, где был брод, по которому крымцы шли к Москве — крымский брод, отсюда Крымский мост. А шли они по Большой Калужской, т. е. по проспекту Ленина. Отсюда — Донской монастырь, потому что там при царе Федоре

Иоанновиче стояла московская рать, преграждая путь крымцам. В русском войске в особой палатке находилась чудотворная икона Донской Божией Матери, и коль скоро сражения не получилось и крымцы повернули обратно, то на месте, где стояла икона, был поставлен собор — теперь Малый собор Донского монастыря, а сам монастырь стал называться Донским в честь чудотворной иконы. Такова история этого места.

Лекция 13

ПАДЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА. «СУДЕБНИК» 1497 г.

1. — Падение татаро-монгольского ига. 2а. — Источники и история Судебника 1497 года. 2б. — Возникновение дворянства и закрепощение крестьян. 2в. — Судебный процесс по Судебнику 1497 г.

Сегодня мы будем говорить о стоянии на реке Угре, падении татаро-монгольского ига и о «Судебнике» 1497 года. Первое событие носило характер, можно сказать, общегосударственный, а «Судебник» некоторые воспринимают как чисто юридический памятник, тем не менее взаимосвязь между этими событиями, бесспорно, существует.

Падение татарского ига — своеобразный формальный акт, который знаменовал создание новой, централизованной могучей России. Что касается «Судебника», то этот юридический памятник представлял собой законодательство, фиксировавшее те нормы права, которые уже действовали или должны были действовать в новом государстве.

Сначала о падении ига. У нас существует своеобразная психологическая картина, исходя из которой переломом и окончанием всяких бед от татар является 1380 год: победили в Куликовской битве — значит, конец татарам. На самом деле, как вы, вероятно, знаете, все было совсем иначе. Итогом Куликовской битвы было нашествие Тохтамыша на Москву, ее сожжение, потом был поход Едигея; о Тамерлане я не говорю, потому что он не дошел. Затем Василию Дмитриевичу пришлось платить дань и ездить в Орду. И только, вероятно, после смерти Василия Темного можно говорить об определенном переломе в отношениях с татарами. Не забывайте, что Василий Темный сам побывал в татарском плену и был выкуплен. Правда, обстоятельства его выкупа говорят о том, что Золотая орда уже приходила в упадок, поскольку вместе с Василием Темным из татарских земель выехало много татар, которые хотели перейти к нему на службу, стали принимать Православие и получали здесь соответствующие надель, службу, почет и т. д. То есть налицо был внутренний упадок Золотой орды, и, следовательно, задача избавления от всех последствий татарщины для Московского государства облегчалась.

Орда уже не была той Золотой ордой, которая угрожала нам в XIII–XIV столетиях. Собственно говоря, Орды уже не было в то время, о котором идет речь (т. е. в княжение Ивана III), а скорее было несколько Орд, и та Орда, которая фактически занимала место бывшей Золотой, была, во-первых, значительно меньше, а во-вторых, ее уже называли Большой ордой. Постепенно она начнет трансформироваться, причем произойдет удивительная вещь: татары начнут менять тип своей цивилизации, т. е. из кочевников они начнут становиться оседлым земледельческим народом; мы знаем, что волжские, казанские татары — земледельцы, хотя они — наследники Золотой орды, кочевников. В это же время выделяются уже Крымская и Астраханская орда, появляются отдельно существующие Сибирские — Тюменская, Ногайская и т. д., которые впоследствии будут еще представлять опасность для России, но, как правило, исключительно для ее границ. Самым, пожалуй, опасным противником будет Крымская орда, несмотря на то, что она будет расположена

далеко от центра государства.

Избавление от ига произошло фактически одновременно, если вообще можно считать вторую половину XV века временем татарского ига — это скорее дань традиции. В 1480 году хан Большой орды Ахмат решил совершить набег на Москву. Иван III хорошо знал об этих планах, он отдавал себе отчет в том, что Ахмат вступил в союзнические отношения с Литвой, старался обезопасить себя и от Литвы, и от Ахмата и сумел, как полагают некоторые, организовать диверсию фактически в татарский тыл: когда Ахмат двинулся к русским границам, то небольшая русская рать опустошила собственно татарские земли в низовьях Волги, что тоже, естественно, повлияло на события.

Летом 1480 года, когда стало известно, что татары идут традиционным путем — с юго-востока — к московским границам, уже отмобилизованное московское войско заняло соответствующие позиции на рубежах Московского государства. На рубежах южных, а они проходили по течению реки Оки. Значит, крайним левым флангом становится Коломна, а дальше Серпухов, Боровск и все те места на Оке, где существуют стр. 65 броды. Они блокированы с левого берега отрядами, полками, заставами, и татары, подойдя к Оке, не могут переправиться. Сам великий князь в Коломне, его сын — в Серпухове, другие воеводы в других местах, и татары вынуждены двигаться по правому берегу Оки в сторону литовских пределов. Был ли здесь какой-то стратегический расчет Ахмата или, напротив, просчет, сказать сложно. Во всяком случае, дойдя до литовских пределов, Ахмат перешел свободно Оку и двинулся уже вдоль берега Угры, опять натываясь с противоположного берега на русские отряды и заставы, которые не давали возможность сунуться ни к какому броду.

В это время Иван III приезжает в Москву. Там появление великого князя без войска имело довольно своеобразный резонанс, некоторые подумали, что он бежал (Иван III не отличался достоинствами полководца). При этом его старший сын Иван Молодой отказался ехать в Москву и остался со своим полком на театре военных действий.

Иван III принимает меры для обеспечения безопасности Москвы, и, пожалуй, самое гнетущее впечатление оставляет его приказ вывезти из города казну, а великой княгине Софье Фоминичне ехать на север, к Белоозеру, причем, как говорят некоторые источники, ей был указан путь и дальше на случай каких-то осложнений. Реакция на действия великого князя была негативной. Реакцию эту выразил не простой люд, а Церковь в лице архиепископа Ростовского Вассиана Рыло. Он был в Москве в тот момент, когда туда вернулся Иван III, встречал его, и уже тогда, при встрече, князю были сказаны весьма резкие слова о том, что он должен делать. Смысл этих слов сводился к тому, что он, заботясь о своей стране, о своей земле, о своем народе, должен идти на врага, а ни в коем случае не уступать. Очевидно, в окружении Ивана III (бесспорно одаренного политика но, видимо, совершенно не военного), было немало людей, которые предлагали ему тянуть время, пойти с татарами на мировую, что-то заплатить — короче говоря, избрать традиционный путь и избавиться от неприятностей при помощи чисто дипломатических усилий.

В Москве ничего подобного уже не желали слышать. Ивану III пришлось уехать из Москвы к войску, которое в это время уже занимало берега Угры. До Угры он не доехал, а остановился в Каменце, неподалеку от войска, но все-таки ближе к Москве. Были затеяны даже какие-то переговоры с Ахматом, который уже в это время понял, что ему не удастся переправиться, и стал ждать наступления морозов, поскольку шла осень. Если бы лед покрыл реку, никаких препятствий для татарской конницы уже быть не могло.

Как раз это и послужило причиной того, что начались переговоры. И вот тогда архиепископ Вассиан посылает свое знаменитое послание на Угру, где в чрезвычайно резких выражениях требует от Ивана III боевых действий, а ни в коем случае не уступок своим злым советникам. Думаю, что вам будет интересно услышать несколько цитат.

«Ты, государь, повинуйся нашим молениям и добрым советам, обещал крепко стоять за благочестивую нашу веру православную и оборонять свое отечество от басурман; льстецы же нашептывают в

ухо твоей власти, чтобы предать христианство, не считаясь с тем, что ты обещал. А митрополит со всем священным и боголюбивым собором тебя, государя нашего, благословил на царство и к тому же так тебе сказал: «Бог да сохранит царство твое силою Честнаго Креста Своего...» Мужайся и крепись, духовный сын мой, как добрый воин Христов, Господь да поможет тебе, если ты, государь наш, все это возьмешь на сердце твое, как истинный добрый пастырь...

Ныне же слышали мы, что басурманин Ахмат уже приближается и губит христиан и более всего похваляется одолеть твое отечество, а ты пред ним смиряешься, и молишь о мире, и послал к нему послов. А он, окаянный, все равно гневом дышит и моления твоего не слушает, желая до конца разорить христианство. Но ты не унывай, но возложи на Господа печаль твою, и Он тебя укрепит, ибо Господь гордым противится, а смиренным дает благодать.

А еще дошло до нас, что прежние смутьяны не перестают шептать в ухо твое слова обманные и советуют тебе не противиться супостатам, но отступить и предать на расхищение врагам словесное стало Христовых овец. Подумай о себе и о своем стаде, к которому тебя Дух Святой поставил...

Что советуют тебе эти обманщики лжеименитые, мнящие себя христианами? Одно лишь — побросать щиты и, нимало не сопротивляясь этим окаянным сыроядцам, предав христианское отечество, изгнанниками скитаться по другим странам. Подумай же, великоумный государь, от какой славы к какому бесчестию сводят они твое величество!»

Дальше Вассиан приводит Ивану III на память примеры и князя Игоря, и князя Святослава, и князя Владимира Святого, Владимира Мономаха и, наконец, Дмитрия Донского — всех его предков для того, чтобы побудить его к решительным действиям. Если вчитать в это чрезвычайно энергичное послание, то, бесспорно, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, архиепископ Вассиан, несомненно, имел чрезвычайно высокий авторитет. Говорить с великим князем таким тоном мог позволить себе далеко не всякий. И не отчаяние слышится в словах архиепископа, а сила и уверенность, безусловное достоинство. Все это дает ему возможность так резко требовать от великого князя решительных действий. Второй вывод говорит о том, что действительно попытки решить татарское нашествие дипломатическим путем были налицо. Видимо, какие-то люди действовали, исходя из чисто личных интересов. Наконец, Вассиан учитывал, что у князя была определенная оппозиция (в лице его собственного сына, который желал сражаться с татарами), не говоря уже о том, что паника, происходившая в Москве, могла перекинуться и на остальные территории, подверженные татарской угрозе. Следовательно, архипастырь должен был укреплять дух уже не только великого князя, но и всей своей паствы, т. к. очевидно, что это письмо могло сделаться достоянием многих.

стр. 66

Когда наступают холода, Иван III со своими воеводами, видя, что не сегодня-завтра река встанет и делается проходимой для татарской конницы, принимает очень правильное решение. Войска покидают свои места вдоль течения реки, т. е. сокращают кордонную линию, отходят вглубь и начинают концентрироваться в одно большое войско около Боровска. Этот прием стратегически закономерен, потому что кордонная линия не спасет в

случае массированного удара татарской конницы, а здесь ей придется иметь дело уже с общим московским войском, которое будет собрано в единый кулак.

Некоторыми людьми это вполне естественное, оправданное военной тактикой отступление от Угры было воспринято как бегство. И опять-таки кое-где имела место паника: и среди населения, и среди ратников. А дальше происходит история очень странная, потому что когда Угра наконец замерзла, татары, вместо того чтобы ринуться уже в собственно московские пределы, очень поспешно ринулись обратно. Все это было на них очень не похоже, и можно думать, что Промысл Божий выказал себя здесь чрезвычайно явно. Подумать только: вдруг татары стали мерзнуть, потому что морозы были очень сильные (это они-то, привыкшие к степям), вдруг лошади их стали падать от бескормицы, хотя начало зимы всегда было для них очень выгодным (кони нагуляли за лето бока, отдохнули). Может быть, это была какая-то эпидемия, а может, подействовало то, что литовский князь не пришел на помощь — короче говоря, разграбив те литовские земли, которые оказались по дороге, Ахмат буквально ринулся к Донцу, с тем чтобы встать на зимовку в каких-то своих уже привычных местах. Хотя там вряд ли было теплее.

Дальше все шло очень просто. Тюменская Орда со своим ханом Иваком подошла близко к месту, где стояла Орда Ахмата, и то ли имел место бой, то ли просто стычка, но Ахмат был убит Иваком. Ивак, совершив этот героический поступок, послал своего гонца к Ивану III с верноподданническим сообщением о том, что твоего супостата, государь, больше нет. Гонец был щедро награжден. Это, собственно, говоря, и является концом стояния на реке Угре и формальным концом татарского ига. Подумать только, как низко пала некогда могучая Татарская держава.

Теперь мы перейдем к более прозаической теме, а именно к «Судебнику» 1497 года. Некоторое время назад мы разбирали «Русскую Правду», обсуждали, что такое «Правда Ярослава», «Правда Ярославичей», «краткая редакция», «пространная редакция» и т. д. И надо сказать, что нормы, зафиксированные в пространной редакции «Русской Правды», действовали весь XII век и, очевидно, XIII и начало XIV века, потому что ни о каких новых крупных юридических памятниках этого времени мы не знаем. В XIV веке начинают появляться договорные грамоты князей, когда великие московские князья заключают договоры с удельными князьями; помимо этого, конечно, есть духовные грамоты. А в XV веке появляются уставные и судные грамоты. Уставные — это Двинская и Белозерская грамоты. Они фиксировали вхождение данной территории в Московское государство, т. е. подтверждали, что данная территория является частью Московского государства. Судная грамота — это грамота, содержащая нормы судопроизводства, нормы наказания, и здесь в первую очередь надо отметить Новгородскую и Псковскую грамоты.

Это основные юридические документы, созданные в XV столетии, являющиеся предшественниками «Судебника» 1497 года. Вполне возможно, что читая те или иные учебные пособия, вы натолкнетесь на упоминания о так называемой сокращенной «Русской Правде». Я об этом не говорил в свое время, а сейчас надо сказать несколько слов. Формально сокращенная «Русская Правда» представляет отдельные статьи пространной «Русской Правды», написанные одна за другой и не очень большие по объему. Возник, естественно, вопрос о том, что собой представляет сокращенная «Русская Правда». Разброс мнений, которые высказывали ученые, был весьма велик. Одни полагали, что сокращенная «Русская Правда» является как бы протографом «Русской Правды» вообще, т. е. чем-то совершенно первоначальным. Другие — и это мнение, насколько я могу судить, значительно более авторитетно — полагали, что сокращенная «Русская Правда» представляет собой попытку использовать в начале XV века те отдельные статьи пространной «Русской Правды», которые еще могли как-то действовать, быть основой какого-то судопроизводства.

Совершенно очевидно, что жизнь чрезвычайно сильно изменилась: не удельная, а централизованная Русь, не Древне-Киевское, а Московское государство; изменились представления о жизни, усложнились формы жизни, и нормы «Русской Правды» стали

слишком архаичными. Я думаю, что кто-то пытался все-таки использовать отдельные статьи «Русской Правды», которые еще сохраняли какое-то значение, и так возник вот этот своеобразный свод отдельных статей под названием «Сокращенная Правда» (название, естественно, было дано учеными). Если мы примем эту гипотезу, то должны будем признать, что и «Сокращенная Правда» долго действовать не могла, потому что уже не была систематизированным законодательством, и нужно было создавать нечто совершенно иное.

И вот в 1497 году появляется «Судебник», о котором нужно знать следующее. Рукопись его была обнаружена в 1817 году замечательным русским археографом и ученым П. М. Строевым, энергии которого мы обязаны спасением колоссального количества пергаментов и бумажных древних рукописей (между прочим, Павел Михайлович Строев составил и хронологические таблицы «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, и издание Эйнерлинга в 4-х томах знаменито как раз тем, что последний том — это указатели Строева). Опубликован «Судебник» впервые был в 1819 году. Особенностью этого кодекса является то, что он сохранился в единственном экземпляре. Это просто поразительный факт. Мы имеем довольно много — десятки, а то и сотни вариантов — тех или иных фрагментов «Русской Правды», а вот «Судебник» существует как бы в уникальном, единственном варианте. Отсюда — значительный интерес к нему, и надо сказать, что его анализировали как бы с двух позиций.

стр. 67

В XIX веке, когда у нас в истории чрезвычайно сильной стала юридическая школа, его анализировали именно как юридический памятник, т. е. как определенный этап в развитии нашей юриспруденции. Тогда же, при публикации 1873 года, он был разделен на 68 статей. Это разделение было в известной степени формальным, и можно считать, что далеко не всегда оно удачно, но это теперь стало традицией, и когда воспроизводят «Судебник», это всегда делают по тексту издания 1873 года, т. е. с этим делением. Вторым направлением изучения «Судебника» было изучение его с позиций, если хотите, социально-политической истории или, лучше сказать, социально-экономической: какие существовали слои населения, какие сословия, какие между ними были отношения, каковы права этих сословий, какие они имели льготы, какие обязанности. Здесь «Судебник» дает чрезвычайно ценную информацию.

Сводить «Судебник» только к документу, который освещает социально-экономическую проблему, конечно, наивно. Так же, как не вполне, вероятно, правильным будет и рассматривать его как чисто юридический памятник. Он, бесспорно, отражал изменения, которые произошли в жизни общества. Он их как бы фиксировал, отвечая на те запросы времени, которые имели место. А изменения были весьма существенными. Что это за изменения?

Вы, вероятно, уже представляете себе, что начиная с XIV века, т. е. с того времени, когда усиливается сначала Москва, потом Московское княжество, когда формируется объединенное централизованное русское государство, общество не может оставаться таким, каким оно было. Происходит процесс очередного расслоения общества, причем довольно любопытный. Происходит бесспорное обеднение части удельных князей и их потомков, иногда мы имеем дело просто с обнищанием. Имеет место приезд на службу выходцев из Литвы, из Большой Орды. Наконец, существует процесс обнищания какой-то части бояр. Процесс этот естественен: напоминаю вам, что у нас в России не было майората, т. е. все дети князя становились князьями и каждый претендовал на ту или иную часть имущества, часть земель. То же самое было и в боярских семьях. Следовательно, имело место бесконечное дробление и уделов, и части вотчин.

Уже в третьем-четвертом поколении подобный процесс должен был привести к обнищанию определенной части бояр. Не все были многодетными, имели место бездетность, смертность, т. е. не все сплошь нищали. Но таким образом сформировался определенный и довольно значительный слой, который, кроме благородного происхождения, не имел за душой больше ничего. И вот тогда начинает на Руси формироваться новое сословие, которого до этого не было, а именно российское дворянство. Складываться оно будет долго,

процесс этот довольно продолжительный — он будет идти и в XVI, и в XVII, и в XVIII веках.

Что было характерно для первого его этапа? Эти люди благородного происхождения, не имеющие средств к существованию, шли на службу к великому князю. Служба подразумевалась военная, придворная и гражданская, т. е. в государственных учреждениях. Но там были определенные требования, и шли туда меньше всего. Платить жалованье им никто не собирался, потому что это было и невозможно, и непривычно. Поэтому за службу жаловали землю или, как тогда говорили, двор. Земля эта жаловалась на то время, в течение которого человек находился на службе у великого князя. Если он ее покидал или умирал, то двор возвращался в государственную казну.

Естественно, что дворянин желал сохранить за собой этот двор и после смерти передать его детям. Но наследовать двор было невозможно. Уже тогда дворяне предпринимали попытки передавать двор по наследству при помощи уловки. Если из-за старости, болезни или ранения дворянин освобождал место у великого князя, то старался устроить на это место своего сына. Это было наследование не двора, а службы. Сам по себе двор прокормить дворянина не мог, потому что он сам на земле не работал, обрабатывать ее не мог, служил в совершенно другом месте. Но земля, которая ему давалась, была, как правило, заселена крестьянами. И вот для того, чтобы дворянин получал средства к существованию, крестьяне начинают прикрепляться к земле — к земле, а не к личности дворянина, и это существенно важно.

До известной степени они как бы уравниваются с дворянином, потому что если они не свободны, поскольку прикрепляются к земле, то и он, в общем-то, не свободен — он прикрепляется к Государственной службе. Если он перестанет служить, у него отнимут двор.

Другое дело, что дворянин не платит подати, т. е. не относится к податному сословию, а таковым является только крестьянство. Чтобы можно было представить размеры дворов, скажу, что чаще всего в качестве двора давалась одна деревня, а в этой деревне обычно было 4–5 домов. Деревня в 20 домов считалась очень большой.

Крестьяне вряд ли были довольны переменой своей участи, потому что они теряли свободу передвижения. Правда, полностью лишить свободы их было невозможно, потому что в то время существовала традиция, по которой в определенный день года они могли покидать землю, к которой были прикреплены. Причем, если почитать грамоты того времени, то можно увидеть, что они устраивали свои переходы и на Рождество, и на Петров день, и на осенний Юрьев день — жесткой регламентации здесь не было. Они могли уходить к новому хозяину, это было их право, на новые земли, где еще не распространились новые порядки. Если они уходили от хозяина, они наносили ему определенный экономический ущерб, а если они уходили на землю, где не было никакого дворянства, то таким образом они как бы могли уходить и от обложения — от тягла, как тогда говорили. В «Судебнике» этому вопросу посвящена знаменитая 57-я статья, о которой у нас тоже пойдет речь. Но все-таки нужно сказать несколько слов и о том, с чего начинается «Судебник».

«В лето 1497 месяца Септембрия уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, како судити боярам и околничим».

Из этого следует (так же, как и из первой статьи), стр. 68 что суд был прерогативой бояр и окольничих. Если боярин — это, так сказать, высшая должность в государстве, то окольничий — следующий за ним чин.

Статья 1:

«Судити суд боярам и околничим, а на суде быти у бояр и у околничих дьякам».

Об этих дьяках нужно сказать особо. Практика того времени была следующей: в дьяки, т. е. чиновники приказа (в это время складывается приказная система), не брали дворян, не брали детей боярских, тем более выходцев из княжеских фамилий, а брали туда исключительно детей священников. Это очень любопытный факт: на протяжении XV, XVI, XVII столетий, как правило, дьяки, т. е. чиновники приказов — это поповичи. Почему? Во-первых, они грамотны — отец священник, естественно, учил их грамоте. В священники нельзя было поставять неграмотных людей. Учтывая, что не все могли или хотели продолжить путь своих родителей, они, оставаясь грамотными людьми, представляли собой чрезвычайно ценный слой людей для чиновничьей государственной работы. И дьяки русские — это совершенно особый контингент, потому что фактически именно они были работниками, как сказали бы сейчас, государственного аппарата. Боярин, который управлял приказом, фактически был только его главой, он возглавлял приказ, а сидел в боярской думе. А непосредственную работу, все винтики государственного аппарата, системы управления знал дьяк. Он-то и был реальным хозяином ситуации. Помимо приказных дьяков и подьячих, были дьяки думные, т. е. те, которые непосредственно работали в боярской думе, на глазах у великого князя, а впоследствии и царя, т. е. в высшем эшелоне, на высшем этаже государственной власти. Дьяк не имел права суда, но коль скоро судил боярин и окольный, а при суде полагалось быть дьяку, то фактически он и вел все оформление дел, он выдавал необходимые справки, он в определенных ситуациях истолковывал закон, тогда как боярин скорее исполнял чисто формальные функции.

Вторая статья говорит о том, что всех жалобщиков, которые приходят к боярам, не отсылать, а давать всем жалобникам управу. Таким образом можно сказать, что все слои населения имели право требовать суда. Другое дело, что не все этот суд получали. Но это вполне естественно.

Статья третья:

«А имати боярину и дьяку в суде от рублевого дела на виноватом, кто будет виноват. А боярину на виноватом два алтына, а дьяку осемь денег».

Здесь оплату издержек возлагают всегда на виноватого. Это интересный момент.

Затем будут говорить о посулах. Посул — не всегда взятка, иногда посул воспринимался именно как уплата издержек на судебный процесс. Но впоследствии посул — это мзда, с которой пытаются бороться, здесь мы приходим к тому вечно существующему явлению, которое называется коррупцией. И прошу вас не думать, что в средние века на Руси этого явления не было. Оно было всегда, потому что там, где есть государственный аппарат, там будет и коррупция. Где есть чиновники, там есть и взяточники. Это не значит, что все чиновники негодяи, но явление это неизбежное. Поэтому когда сейчас говорят о том, что в нашей стране очень много воровства, скажу, что это не только у нас. Если почитать газеты, то воровство в высших эшелонах власти чрезвычайно распространено в Японии (там проворовываются целые кабинеты министров в полном составе), а в Италии недавно мафиози оказался кандидатом в президенты.

Это, конечно, не очень утешительно, но тем не менее здесь нужно посмотреть на суть явления. Чиновник всегда зависит от двух моментов: от того содержания, которое ему определено от казны, а оно редко бывает большим, и от возможности обогатиться, которую представляет данное дело. На Западе существуют специальные учебные заведения для подготовки государственных чиновников. Туда очень строго отбирают людей, проверяют их по специальным тестам (в том числе и на честность), вкладывают в их обучение колоссальные деньги. Наконец, когда они становятся чиновниками, перед ними открываются замечательные перспективы продвижения по службе. Они застрахованы всем могуществом государства: не дай Бог, с таким чиновником что-то случится — его семья не пострадает никоим образом, все будет оплачено, все, что можно сделать, будет сделано. И ничто не

помогает, всегда кто-то ворует.

Объяснить это очень просто: сколько бы сотен долларов чиновник ни получал, но когда ему предлагают еще два миллиона, не всякий от этого может отказаться. Эта схема работала всегда, поэтому здесь нужно говорить не о гнусности общества, а об определенной проблеме.

Иногда она разрешалась довольно любопытно. Чем меньше аппарат, тем меньше коррупция, чем больше разрастается бюрократическая структура, тем больше, естественно, и коррупция.

Существует замечательный рассказ о взятках времен Николая I. Надо сказать, что Николай I ненавидел казнокрадов всеми силами своей души и сражался с ними до конца своей жизни. Их отдавали под суд, запарывали до смерти, ссылали в Сибирь, сажали в тюрьму — делали все, что только можно было сделать, и ничто не помогало. Чрезвычайно централизованное государство Николая I требовало колоссального аппарата, щедро оплатить всех чиновников было невозможно, и в то время казнокрадство страшно распространилось. И был зафиксирован следующий диалог. Один купец собирался получить, видимо, чрезвычайно выгодный контракт, который надо было соответствующим образом оформить в каком-то департаменте у его главы — статского генерала. И вот в присутствии посторонних наивный купец шепотом сказал его высокопревосходительству: «Я дам вашему высокопревосходительству четыре тысячи, и никто об этом знать не будет». В то время средний чиновник получал в год 130 рублей. Высокопревосходительство ответил во все горло, не стесняясь присутствующих: «Дайте мне десять тысяч и рассказывайте, кому угодно».

Дальше ряд статей говорит о полевых пошлинах. Здесь надо иметь в виду не сельскохозяйственные работы, а поле, т. е. судебный поединок. Это не значит, что два боярина садились на коней и сшибались в лихом единоборстве. Это значило, что в определенных случаях разрешалось испытать судьбу в поединке, стр. 69 причем были профессионалы, которые предлагали свои услуги отстоять чью-то честь в случае необходимости. Иногда, конечно, люди вступали в поединок сами — обвинитель и обвиняемый. Церковь категорически выступала против поля. Убитых на поле велено было не отпевать, а тех, кто убил противника, причисляли к убийцам. Здесь мы видим определенную дань древней традиции. Она в этом отношении не была специфически русской, она была распространена вообще в Европе. И вот здесь определяется не то, что является содержанием поединка, а то, сколько надо платить за его организацию. И за соответствующий ущерб, который понесли дьяки, подьячие, бояре и т. д.

Дальше — много статей о татьбе и татях, т. е. о грабителях. Татьба делится на две основные группы: просто воровство и квалифицированное воровство. Причем квалифицированное — это не значит, что оно произведено обязательно с большой ловкостью. Это значит — ночью, со взломом, угрозой оружия, учинением насилия, в одиночку или нет и т. д., то есть речь идет о грабеже. Такие нормы знает и «Русская Правда», и просто карманник, просто вор мог отделаться штрафом, тогда как те, кто учиняли квалифицированное преступление, обычно отправлялись в мир иной по приговору суда.

Потом идут статьи о разных грамотах, о неправом суде, о бессудном списке. Для вас, может быть, будет любопытной 30-я статья — указ о езде. Когда в тот или иной город посылался чиновник из Москвы для исправления той или иной службы, ему надо было платить командировочные. И вот здесь дается расчет командировочных в зависимости от километража. Поскольку это довольно забавно, я прочту:

«А ездю от Москвы до Коломны полтина, до Каширы — полтина, до Катуни — 10 алтын, до Серпухова — полтина, до Тарусы 20 алтын, до Алексина — пол-тридцать алтын, до Калуги — рубль, до Ярославца — полтина, до Вереи — полтина, до Боровска — полтина, а до Медыни — пол-тридцать алтын, до Вязьмы — пол-два рубля, а до Звенигорода — две гривны, до

Адуева — сорок алтын, до Козельска — рубль с четвертью, до Белева то ж. До Дмитрова — десять алтын, до Радонежа — четверть, до Переславля — двадцать алтын, до Ростова — рубль. До Ярославля — рубль с четвертью, до Вологды — пол-три рубля, до Белоозера — пол-три рубля, до Устюга — пять рублей. До Вычегды — семь Рублев, до Двины и до Холмогор — восемь рублей московских, а до Владимира — рубль с четвертью».

Этот список городов дает представление о географии Московского государства. И вы сразу видите, что это государство было невероятно обширным. Кроме того, можно сделать следующую вещь: промерить соотношение цен и расстояний. Сильно ли ошибались наши предки, выдавая командировочные?

Потом идет указ о так называемых недельщиках, т. е. о своеобразных судебных приставах, которые организовывали явку в суд и обвиняемых, и свидетелей, и тех, кто был заинтересован в суде. Потом — указ наместникам о городском суде (если бояре и окольный — это высший суд, высшая инстанция, то наместники в городах — это, если хотите, суд первой инстанции).

И вот глава 57-я — о крестьянском отказе:

«А крестьянам отказываться из волости и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после Юрьева дня осеннего, т. е. 26 ноября. Дворы пожилые платят в поле за двор рубль, а в лесе — полтина».

То есть, в лесах плата была дешевле, чем в поле: поставить двор в лесу ничего не стоит, леса много. А двор поставить в степи чрезвычайно сложно, надо этот лес привезти для постройки, отсюда и разница. «А который крестьянин поживет год да поедет прочь, то он платит четверть двора; два года поживет и пойдет прочь — пол-двора платит, три года поживет и пойдет прочь — платит три четверти двора, а четыре года поживет — весь двор платит. Это было, очевидно, сделано для того, чтобы ограничить возможность перехода. Стоимость двора все-таки была достаточно большой, и если даже с того, кто только поселился, требовали четверть двора, то, следовательно, не хотели, чтобы он уходил.

Почему для перехода давался именно осенний Юрьев день? Очевидно, потому, что 26 ноября — это уже фактически зима. Все полевые работы к этому времени были завершены, поэтому никакого ущерба именно сельским работам здесь быть не могло. Юрьев день сохранялся довольно долго и был отменен только после Ивана Грозного. И тогда поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» стала неотъемлемой частью нашего языка.

Если обобщить все, что изложено в «Судебнике», то мы увидим, что здесь есть определенное деление на разные отрасли права — административное право, уголовное, хозяйственное право. И, конечно, здесь мы видим нормы процессуального права, т. е. нормы ведения процессов. Кто должен быть свидетелем, как вести дознание, какие должны быть пошлины и т. п. Это еще не кодекс, но уже попытка кодифицирования тех традиций, обычаев и законов, которые имели место.

Повторяю еще раз, что источниками «Судебника» явились уставные грамоты, и в первую очередь Двинская и Белозерская, затем Псковская и Новгородская судные грамоты, а также отдельные статьи «Русской Правды».

Подведем итоги. Иван III практически завершает процесс создания единого государства присоединением Новгорода, потому что Псков и Рязань — это уже формальности. Его второй брак несомненно повышает международный престиж Русского государства. Он ставит точку в отношениях с Ордой и, наконец, при нем создается новое законодательство. Сам этот перечень говорит о том, что Иван III был выдающимся государственным деятелем,

чрезвычайно широко смотревшим на проблемы, стоявшие перед страной, и успешно решавшим эти проблемы. Не буду останавливаться на строительстве Кремля, хотя это потрясающе интересная тема. На следующих занятиях мы перейдем к событиям XVI столетия.

стр. 70

Лекция 14

ВАСИЛИЙ III

1. — Василий III и Литовское государство. 2. — Отношения с татарами. 3. — Великий князь и боярство. 4. — Второй брак Василия III. 5. — Максим Грек. 6. — Послания старца Филофея.

Итак, мы начинаем рассматривать события истории XVI столетия. Сегодняшняя лекция будет посвящена княжению Василия III, а затем мы будем говорить об Иване Грозном. Несколько условное деление на княжения здесь носит методический характер, потому что так уж повелось, что об Иване Грозном у нас в стране знают все, а о его отце, о событиях, которые происходили на Руси во время его княжения, у нас знают очень мало. А между тем эти два царствования, в общем-то, явления одного порядка, и то, что происходило при Иване IV, было логическим продолжением политики его отца.

Краткая характеристика правления Василия III, вопросы внешней и внутренней политики и вопросы взаимоотношения Церкви и государства — вот три основных аспекта, которые нам нужно рассмотреть сегодня.

Итак, внешнеполитические проблемы. Их было, строго говоря, две: взаимоотношения с татарами и с Великим Литовским княжеством. В XV веке отношения с Великим княжеством Литовским, как вы помните, складывались весьма сложно. Дочь Ивана III Елена Ивановна была выдана замуж за литовского короля Александра. Следовательно, имел место если не альянс, то во всяком случае попытка найти какую-то стабильность в этих отношениях. Но после смерти Александра новый великий литовский князь не приложил усилий для сохранения статус-кво, и отношения начали портиться. Мы имеем фактически два периода военных действий, которые, надо сказать, принесут бесспорный успех Василию III, поскольку в 1514 году Смоленск, захваченный литовцами за 100 лет до этого, будет возвращен России.

Смоленск был своеобразным символом в нашей истории. На Руси его всегда называли воротами к Москве, и от того, в чьих руках находился этот город, в той или иной степени зависела и безопасность столицы. Поэтому можно сказать, что при всех, бесспорно, непростых вопросах, которые тогда стояли перед московским правительством, были достигнуты очень большие результаты с достаточно скромным расходом средств: мы ничего не знаем о каких-то больших сражениях, затяжных походах, все это носило характер, я бы сказал, довольно спокойный.

Что касается татар, то вопрос был куда более сложным. В это время татар казанских и крымских воспринимали уже как две разные силы. Но если казанские татары в этот момент переживали период изменения типа своей цивилизации, из кочевого населения превращаясь в народ оседлый, и поэтому говорить о каких-то нашествиях с востока нельзя, то все равно народы, населявшие эти земли (черемисы и близкие к ним), постоянно тревожили с востока русские границы небольшими набегам, делая чрезвычайно сложным обитание в пограничных городках, в деревнях, которые все далее и далее двигались к востоку и,

естественно, затрудняя колонизацию.

Но все это, повторяю, носило характер пограничных действий. Здесь Василий III ведет достаточно активную политику, и ряд походов, которые он предпринимает на Казань, иногда завершается действиями непосредственно у казанских стен. Строится на Волге, выше Казани, город Васильсурск — город Василия на Сура, в устье Суры, в том месте, где она впадает в Волгу. Это своеобразный форпост при дальнейшем продвижении на восток. Это форпост в борьбе с казанским ханством.

Что касается опасности с юга, то здесь были свои сложности. Колоссальные степные пространства, которые начинались южнее Оки, были практически неконтролируемы, и держать там постоянную рать было совершенно невозможно. Татары появлялись внезапно, используя преимущества такого нападения, и время от времени могли угрожать непосредственно Москве. (Памятью о тех временах является название Крымского моста в Москве — именно там был брод через Москву-реку, которым крымцы переправлялись на другой берег, поэтому со временем и возник Крымский мост.) В этих местах можно было, конечно, держать какие-то постоянные отряды, что и делалось; можно было стараться держать наготове какое-то мобильное войско, что также приходилось делать; можно было, наконец, строить каменные города. Тула, Калуга и Зарайск — это небольшие каменные крепости, которые являются своеобразными базами для русских войск, опорными пунктами как раз для отражения опасности из Крыма. Но если здесь имела место пассивная оборона, то в отношении Казани действия носили активный характер. Василий III стремился навязать Казани свою волю и старался если не завоевать ее, то во всяком случае посадить такого хана, который был бы послушен Москве. Предпринимались попытки дипломатическими методами расколоть татар на сторонников и противников Москвы, что, конечно, ослабляло казанское ханство, и эта политика, как мы увидим в дальнейшем, принесла бесспорный успех.

В отношении Крыма ничего подобного сделать было нельзя, и оставалось каждое лето снаряжать отряды, готовить войско, ставить дружины и рати, держать отряды во вновь построенных крепостях — короче говоря, тратить колоссальные средства и ждать нападения. Естественно, все это связывалось и с литовским вопросом, поскольку эти нападения были Литве на руку. В свою очередь, Москва могла стремиться к тому, чтобы при первой же возможности направить крымцев на Литву, но это удавалось далеко не всегда. Вот основной узел проблем «ближнего зарубежья», если использовать современную стр. 71 терминологию. Детали этих событий изложены у С. М. Соловьева, у Н. И. Костомарова в очерке о Василии III. Если вас волнует бесконечная смена ханов в Казани, то обратитесь к этим авторам, но читайте внимательно, потому что очень легко запутаться: там очень много Гиреев, и они с трудом запоминаются.

Что касается Литвы, то здесь проблема была не только чисто политическая, но и религиозная, потому что русское население уже начинало испытывать не столько политическое или национальное давление, сколько религиозное. В это время польский католицизм начинает особенно активно действовать в Литве, и русское население там начинает претерпевать определенные затруднения. Это только начало процесса, который будет развиваться и достигнет кульминации в момент Брестской унии, и уже в XVII веке вопрос о сохранении Православия будет увязываться с воссоединением с Россией для тех земель, которые находились в составе Литвы и Польши.

Таковы внешнеполитические проблемы. Рекомендую вам «Записки о Московитских делах» барона Сигизмунда Герберштейна, посланника австрийского императора в Москве. Это интереснейшие документы, там немало подробностей и политических событий, зарисовок быта и отношений при дворе великого князя. Изданы «Записки...» были несколько раз, и при желании их можно найти.

Теперь перейдем к вопросам внутренним. Они внешне тоже не очень яркие, хотя были и важные для нас эпизоды. Присоединение в 1510 году Пскова, а затем Рязани — это не

самые важные события. Псков не собирался рассоединиться, Псков не проявлял никакого сопротивления, это был чисто формальный акт. В Пскове, как мы знаем, уже давно хозяйничали московские наместники, и протесты псковичей против их злоупотреблений просто послужили предлогом для формального уничтожения псковской независимости. Поэтому все свелось к тому, что был увезен вечевой колокол и 300 семей псковцев перевезено в Москву, а 300 семей московских — в Псков. Нечто подобное повторилось и в Рязани — с той разницей, что рязанский князь угодил в Москве в заточение.

Но если говорить о проблемах взаимоотношений великого князя и боярства, то здесь очень много любопытного. XV и начало XVI века — время массового притока на московскую службу выходцев из Литвы, из Казани, иногда из других земель. В зависимости от знатности, от услуг, которые они оказывали московскому князю, они получили или поместья, или вотчины, т. е. имения в наследственное владение. В это же время обедневшие боярские дети, обедневшие потомки княжеских удельных родов тоже в массовом количестве принимаются на службу к великому князю и получают за службу поместья. Таким образом в это время начинает формироваться дворянское сословие и идет процесс прикрепления крестьян к земле, о чем мы уже говорили.

Боярство в это время становится более обширным сословием, чем раньше, за счет большого количества пришлых людей. Выходцы из Литвы становятся обычным явлением, и возникают проблемы взаимоотношений коренных московских бояр и тех, кто только недавно появился. В это время складываются взаимоотношения боярских родов и оформляется система, которая впоследствии получит название местничества (от слова «место»).

Я думаю, вы читали неоконченную поэму А. С. Пушкина «Езерский», где описывается, как один из предков героя без конца бил челом царю и великому князю, «но снова шел под страшный гнев и умер, Сицких пересев». Понятие местничества раскрывается следующим образом. Представьте себе палату, где заседает боярская дума. Стоят лавки у стен в богатом убранстве, стоит трон, на котором сидит государь. Бояре сидят по лавкам. Кто сидит ближе к царю или великому князю, тот и старше, важнее, тот занимает первое место в неписаной иерархии. Тот, кто сидит дальше, соответственно, уступает ему по значению. Но тут проблема не в том, кто и где в данный момент сидит, а в том, когда и где сидели твои предки — отцы и деды.

И вот, представьте себе, начинают вестись специальные книги с учетом того, кто где и когда сидел, в соответствии с какими заслугами. Если боярин считает себя ущемленным, то он дает понять своему соседу, что его дядя сидел ниже отца этого боярина. И в определенных случаях челобитная подается самому государю. Этот местнический счет, конечно, не является забавой. Это своеобразная система, благодаря которой распределяются должности, обязанности, соответствующие награды и привилегии. Уничтожено местничество было только Петром I, который издал очень краткий указ с замечательной формулировкой: «Отныне знатность по годности считать». После этого на первых же двух боярах, которые решили действовать по старому образцу, он приказал выправить штраф в свою пользу, чтобы больше этим не занимались и не тратили его царское время на всякие пустяки.

Но это будет при Петре, а в начале XVI в. местничество только еще складывалось. Оно представляло собой чрезвычайно важное явление, но при этом происходила ломка традиций. На протяжении всей предшествующей московской истории московские бояре были достаточно немногочисленны и являлись ближайшим окружением, советниками и помощниками московского великого князя. На протяжении всего XIV века взаимоотношения князя и боярства ничем не нарушаются. Более того, когда князь не отличается большими способностями, московские бояре стеной встают на защиту интересов князя, Москвы, государства, и мы видим теснейший союз боярства и княжеской власти. Мы видели, как в XV веке московские бояре вытаскивали Василия Темного из всех передраг и неурядиц. Что бы ни случалось с московским князем, московское боярство шло за ним и его выручало. При Иване III начинает меняться придворный этикет в связи с его второй женитьбой, именно при

нем происходит резкое возвышение великокняжеской власти, но при нем все равно остается какая-то традиция взаимоотношений великого князя и бояр, и бояре осмеливались на заседаниях думы противоречить великому князю, отстаивая свое стр. 72 мнение, хотя и не часто. Во всяком случае Иван их выслушивал и опалы за это не накладывал. Поэтому говорить о самодержавии при Иване III формально мы еще не можем.

А вот при Василии III ситуация меняется. Мы видим, что боярство из его окружения — это уже не советники, не помощники, а холопы, имеющие колоссальные привилегии. Чехарда опал и милостей, приближения и отдаления не прекращается при Василии III. Бояре в это время делятся на фаворитов, любимцев, и на тех, кого не желают замечать, любой боярин может быть как приближен, так и отдален от особы великого князя. В это время формируется уже не боярская дума в том виде, как она была раньше, а скорее двор великого князя, хотя формально боярские собрания еще существуют.

Василий III по характеру своему был человеком очень не простым, вероятно, достаточно неприятным, не терпевшим никаких возражений. Именно к этому времени относится поговорка: про то знает только Бог да великий государь. Бояре в это время могут за что-то отвечать только в том случае, если они получили непосредственное приказание от князя. «Инициатива наказуема», — такое современное выражение вполне можно отнести к той замечательной эпохе.

И вот эта трансформация боярства из достаточно убежденных сторонников объединения государства, преобладания власти московских князей, в людей, которые просто должны угождать великому князю, очень знаменательна. Потому что теперь наступает череда обид, ссор, интриг, эпоха фаворитизма, которая, естественно, будет не укреплять власть князя, а ослаблять ее, так как все эти очень не простые отношения бояр друг с другом будут дискредитировать центральную власть. Это по существу самодержавие в том варианте, когда князь может не советоваться ни с кем и принимать любые решения. Все это способствует расколу общества, хотя раскол этот становится заметен не сразу.

Казалось бы, Россия набирает силу, расширяет границы, ведет активную внешнюю политику. Но внутри зреет совершенно иное явление — в жизни общества, в его организме, намечается трещина, которая, если она расширится, может привести к развалу. События, которые следуют за этим, показывают, что так оно, вероятно, и было.

Что же произошло дальше? Вы знаете историю второго брака Василия III. Если вы ездили на экскурсию в Суздаль, то там вас обязательно водили в Покровский собор и рассказывали историю Соломонии Сабуровой — инокини Софии, первой жены Василия III. На Соломонии Сабуровой Василий III женился так, как часто женились московские великие князья — из большого числа боярских дочерей была выбрана за красоту именно она, и они прожили вместе довольно долго — около двух десятков лет. Детей у них не было.

И вот, как повествует сказание, однажды великий князь горько жаловался своему окружению, что вот-де он бедный-несчастный, нет у него наследников, некому все оставить, братья его неразумные и своими уделами управлять не могут, как же ему быть? Тогда и сказал ему кто-то, что неплодоносящие ветви надо отрубать. Кому в голову пришла идея предложить князю развестись с женой, сказать теперь трудно. Бояре-фавориты высказали эту идею или сама она созрела в голове у Василия III, который вполне был способен на такое? Короче говоря, идея была быстро реализована.

Правда, митрополит Варлаам ни о чем подобном слышать не хотел, за что и был отставлен с митрополии. Митрополит Даниил из Иосифо-Волоколамского монастыря, ставший главой Русской Церкви по явной инициативе Василия III, представлял собой любопытный тип иосифлянина, по которому любят судить об иосифлянстве. Действительно, иосифляне — стяжатели, накопители. Значит, каков был Даниил, типичный иосифлянин, таково иосифлянство и есть. Но разница вся в том, что защитник монастырских имений Иосиф Волоцкий был святым, а Даниил святым не был. Требуя для Церкви богатства, требуя приумножения этого богатства, Иосиф Волоцкий оставался настоящим монахом. Требуя строго с других, он больше всего требовал с себя самого. Настоящее иосифлянство в том

виде, в каком его проповедовал Иосиф Волоцкий, — это богатство не для монахов, не для клириков, а для Церкви. Но в том-то и трагедия иосифлянства, что таких, как Иосиф Волоцкий, в нем было мало, а таких, как Даниил, много. Даниил оставил по себе дурную славу, потому что был не просто человеком лично богатым и приверженным удовольствиям — такие бывали, есть и будут. Чтобы сохранить за собой свое место, он готов был пойти на любое нарушение канонов. Поскольку именно для этой цели он и был избран, он обязан был дать Василию III разрешение на расторжение брака.

Отсутствие детей никогда не являлось причиной для расторжения христианского брака. Детей нет — значит, на то Божия воля, т. е. никаких канонических оснований для развода здесь нет и быть не может. Но Василий III считаться с этим, вполне понятно, не собирался, и Даниил обосновал расторжение брака замечательным тезисом: это-де необходимо для блага государства. Нечто подобное впоследствии формулировал во Франции кардинал Ришелье: «Это сделано по моему приказанию и для блага государства».

Вы, вероятно, знаете, что расторжение брака возможно было в том случае, когда один из супругов уходил добровольно в монахи. Значит, Соломонию надо было постричь в монахини. Но она не считала себя ни в чем виноватой и в монастырь не собиралась. Если она и пыталась при помощи каких-то народных целительниц и знахарок узнать, суждено ли ей быть матерью, то это было вполне в духе времени и причиной какой-то опалы и наказания со стороны Церкви быть не могло. И ее насильно постригли в монахини. Существует рассказ о том, как ее постригали: она сопротивлялась, не давала надеть на себя монашеские одежды и громко заявляла о том, что это делается насильно, против ее желания, и тогда ближний боярин Василия III Шигоня Поджогин хватил ее плетью по лицу (все это происходило в соборе стр. 73 Рождественского монастыря у нас, в Москве, на Рождественке). Здесь фактически имело место нарушение сразу двух канонов: нельзя разводиться и нельзя насильно постригать в монахини.

Даниил все это разрешил и прикрыл, обосновав благом государства. И даже написал два послания, где чрезвычайно энергично, талантливо говорил о невозможности расторжения брака, освященного Церковью. Все это совпало по времени. Даниил вообще был плодовитым писателем по религиозным вопросам (богословом назвать его как-то язык не поворачивается). И это совпадение во времени двух посланий клирикам и пастве и его собственных действий ярче всего остального говорит о том, что это была за личность. Посланий у него было очень много, его труды до революции были изданы солидным томом. Очень интересное чтение — он был на редкость умным человеком.

Так вот представьте себе, как должны были отразиться на образованном обществе, на боярском сословии такие события. Какой соблазн, какие обсуждения, какие мнения. Для одних все, что делает великий князь, законно, для других налицо нарушения канонов, законов, обычаев, традиций — словом, безобразие. Вторым браком последовал спустя два месяца после расторжения первого, из чего следует вывод, что вторую свою невесту Василий III присмотрел заранее, еще будучи человеком женатым. Это была Елена Глинская, дочь Василия Львовича Глинского, племянника знаменитого князя Михаила. Этот князь прославился тем, что будучи богатейшим магнатом Литвы, он повздорил с новым литовским великим князем, изменил ему и перешел на московскую службу. Естественно, Москва одобрила это замечательное событие, поскольку тем самым Литва страшно ослаблялась. В известной степени он способствовал приобретению Смоленска. Правда, потом он повздорил с Василием III и решил изменить ему, но здесь уже была не Литва, и когда он собирался, бросив ряды московской рати, уехать к литовской, он был схвачен и довольно долго имел возможность наслаждаться видом из застенков. Его не пытали, и даже голодом не морили, просто держали взаперти. Только после заключения второго брака, согласившись на уговоры своей молодой жены, Василий разрешил его отпустить из тюрьмы.

Этот брак послужил соблазном для московского общества. Забегая вперед, скажу, что дети, которых желал Василий III, родились далеко не сразу, что, естественно, способствовало увеличению сплетен по Москве, тем более, что Елена Глинская была воспитана далеко не

так, как воспитывались московские боярышни. Ее родственники учились и жилали в Европе, и вела она себя смело, не по-московски, очень многие ее манеры казались просто предосудительными, поэтому ходили слухи, что дети ее не были детьми Василия III. Естественно, подтвердить эти слухи было невозможно.

Но вот что любопытно. Существует предание о том, что когда родился наконец в 1530 году долгожданный сын, первенец, который при крещении получил имя Ивана в честь Иоанна Предтечи, то день рождения этого ребенка в Москве был отмечен громом и молниями, бурей воздушной, что служило как бы скверным предзнаменованием. Я думаю, верить подобным вещам не следует. Но впоследствии в истории о великом князе московском Андрей Курбский, рассказывая об обстоятельствах второго брака Василия III и появления его первенца, в одну фразу уложил мнение многих москвичей по этому вопросу: «В законопреступлении и сладострастии родилась лютость». И действительно, об Иване Грозном лучше, пожалуй, не скажешь.

К этому же времени относятся и события, связанные с жизнью и трудами, мучениями, гонениями другого великого русского писателя — святого Максима Грека. Максим Грек, в миру Михаил Триволис, родился в Греции, в городе Арте, и по достижении, видимо, совершеннолетия, уехал в Италию для завершения своего образования. В Италии он успел пожить в разных городах, поучиться в разных университетах, побывать на лекциях разных ученых. Он жил в Падуе, Болонье, Милане, Венеции, больше всего во Флоренции, знаком был со знаменитым венецианским издателем Альдо Мануцием и очень близко сошелся с некоторыми знаменитыми итальянскими гуманистами. Совершенно очевидно, что он блестяще знал не только свой родной греческий язык, но и латынь, и итальянский. Время, в которое он жил во Флоренции, знаменито не только тем, что тогда жил Боттичелли, возрастал Микеланджело, творили другие великие мастера Возрождения. Это было время упадка римского престола и проповеди знаменитого Джироламо Савонаролы, который обличал пороки папства, борясь именно с пороками, а отнюдь не с системой власти римских первосвященников. Савонарола был осужден и заживо сожжен на костре в центре Флоренции. И вот под влиянием проповеди, а может быть, мученического конца Савонаролы Михаил Триволис принимает постриг в католическом флорентийском монастыре Сан-Марко приблизительно в 1502 году. Пробыл он там около двух лет. В 1504 году он уезжает из Италии, но не к себе на родину, в Арту, а на Афон, где возвращается к Православию и вторично принимает постриг в Ватопедском монастыре с именем Максима.

Спустя приблизительно 10 лет на Афон прибывает посол из Москвы от великого князя Василия III, который просит афонских старцев отослать в Москву инока Савву, знатока языков, чтобы он в Москве сделал перевод толковой Псалтири и разобрал и упорядочил княжескую библиотеку. Савва был болен и уже не очень молод, и протат, то есть совет настоятелей афонских монастырей, решил послать инока Максима как одного из самых образованных монахов и при этом человека несомненно православного. Значит, он уже обрел репутацию человека, отошедшего от католических заблуждений и ставшего истинно православным.

И вот в 1516 году Максим появляется в Москве. Путь его был не близким и не быстрым, потому что надо было добиться от турецкого правительства разрешения на проезд через Турцию и Болгарию. За время путешествия он успел, благодаря своим попутчикам, ознакомиться с русским языком и, приехав стр. 74 в Москву, вполне уверенно мог объясниться по-русски. Он был поселен в Чудовом монастыре и принялся за работу.

Сначала он переводил на латинский язык, а московские толмачи переводили с латыни на славянский — прямой перевод был ему пока не под силу. Но обладая, вероятно, поразительными лингвистическими способностями, он очень быстро изучил русский язык во всех его тонкостях и не только начал делать прямые переводы, но и сам писал по-русски так, как будто родился в Москве.

Естественно, что московские книжники, узнав, что в Чудовом монастыре поселился такой человек, стремились в его келью, чтобы поговорить, что-то узнать, о чем-то

посоветоваться. И вот вскоре умы начинает будоражить история с разводом и вторым браком великого князя. Инок Максим не вел никакой агитации против великого князя, это было совершенно не его дело. Но, вероятно, устную справку насчет канонов он кому-то дал. Естественно, Даниил об этом узнал. В 1525 году он учинил над Максимом Греком довольно гнусное судилище (надо полагать, получив «добро» от великого князя, с которым они оба пострадали от авторитета Максима). Преп. Максима обвинили в сознательном искажении текстов, ему стали инкриминировать чуть ли не шпионаж в пользу Турции. Естественно, ни о каких оправданиях речь идти не могла. Он был осужден и заточен на 6 лет в Волоколамском монастыре в таких условиях, что только Божией волей он остался жив. Его поместили в полуподземную камеру, без всяких сношений с внешним миром, в чудовищные условия, если иметь в виду отсутствие воздуха, сырость, холод и т. д.

Спустя 6 лет Даниил судил преп. Максима второй раз — в 1531 году. Он уже был тогда в каком-то смысле сломленным человеком, и, может быть, поэтому его послали в Отрочь монастырь, в Тверь, где условия были лучше. От местного настоятеля он получил бумагу и перья и начал писать. Там он провел много-много лет до тех пор, пока в начале 50-х годов его не перевели в Троице-Сергиеву лавру, где к нему отнеслись очень хорошо. Здесь он пользовался определенным комфортом, вниманием, заботой, но прожил недолго.

Он просился на Афон, но его не пустили. Для того, чтобы до конца оценить личность митрополита Даниила, можно добавить еще одно: он запретил причащать Максима Грека. И это, конечно, угнетало его больше всего, потому что это самое страшное наказание для верующего человека. К тому же никакой вины за собой он не видел.

Когда, еще при жизни Даниила, митрополитом стал его преемник — знаменитый Макарий, то это ничего не изменило: по канонам Макарий мог бы отменить запрещение Даниила только после его смерти. Обратились к Даниилу: может быть, он сам отменит свое запрещение? Ответ был дан прямо в каком-то иезуитском духе: пусть-де Максим объявит себя больным при смерти, тогда можно будет его в виде исключения причастить. Максим на это не согласился и смог получить законное причастие только после смерти Даниила. Вот такая судьба.

Максим Грек написал чрезвычайно много самых разных посланий. В одних он отвечал на какие-то конкретные вопросы, в других обличал беспорядки, но не политические, а скорее нестроения в области духовных человеческих устремлений (в частности, он много писал против астрологии). Думаю, что вам в вашей деятельности придется столкнуться с современными адептами астрологии: гороскопы печатаются во всех газетах, астрологический прогноз у нас сообщается по телевидению по разным программам каждый вечер. Для нормального человека это все чепуха, о которой можно не говорить, но население наше пребывает в весьма своеобразном состоянии, и объяснить элементарные вещи не так просто. Почитайте послания Максима Грека — они весьма любопытны. Все вопросы, которые волнуют людей, увлеченных астрологией, существовали и тогда — ничего нового. И он, конечно, сделал очень много, потому что его послания освящены его подвигом. Все понимали, что он был осужден невинно, что он поступал по совести и, можно сказать, был олицетворением совести в то время для многих русских людей — все это особенно способствовало распространению его посланий. Слава Богу, они были изданы еще до революции, издаются и сейчас, но уже научно, когда сравниваются отдельные списки, тексты, когда существуют книги, посвященные просто учету посланий Максима Грека, их классификации. Сохранились подлинные его рукописи, а также рукописи, сделанные его учениками, близкими ему людьми. Существует даже роман о Максиме Греке, написанный греком Мицосом Александропулосом, и это довольно интересная книжка.

Но не только преподобный Максим Грек был в то время властителем дум. В это же время прославился своими посланиями старец Псковского Елеазарова монастыря Филофей. У него был постоянный адресат — дьяк Федор Курицын, посланный из Москвы служить во Псков. Писал ли Курицын ему какие-то записки с вопросами или это были какие-то встречи,

на которые Филофей отвечал потом письменно, неизвестно. Это тоже довольно любопытный комплекс посланий, где можно выделить два основных слоя. Один — астрология, одно из посланий так и называется: «О неблагоприятных днях и часах». Астрологические сведения распространял по Москве личный врач Василия III немец Николай Булев. Не стоит с него слишком уж строго спрашивать, в те времена вся медицина связывалась с астрологией и алхимией, вся Европа в этом отношении была едина. Он был выходец из заморских стран и был человеком своего времени. Какой он был врач, судить не берусь, от заражения крови он Василия III спасти не смог. И вот Филофей обличает неправду этого самого Николая — его утверждение, что судьба человеческая может зависеть от положения звезд на небе. Он пишет совершенно очевидные истины, пишет талантливо, в полемическом задоре, и эти послания становятся известными. Но самые знаменитые — это те его послания, где он сформулировал идею о том, что «Москва — третий Рим и четвертому не быть». Вы знаете, что это стало нашей поговоркой, говорят даже об идеологии «Москва — третий Рим». Филофей не сам, стр. 75 конечно, это изобрел, мысль постепенно складывалась, а он ее просто сформулировал. Возникла она, естественно, когда в Москву приехала Софья Фоминична Палеолог в качестве великой княгини московской. Конечно, именно тогда Москва ощутила себя наследницей Константинополя, Царьграда, и постепенно стала складываться мысль, что мы-де наследники Византии.

Почему четвертому Риму не быть? Действительно, Россия — последнее православное государство, такое огромное, что имеет колоссальное влияние на судьбы мира. Если Москва перестанет быть православной столицей, то вряд ли уж появится какая-нибудь еще. Это, конечно, не повод задирать нос кверху, хотя многие, к сожалению, интерпретируют послание Филофея именно в таком ключе. Необходимо разделять такие понятия, как гордость (крайне скверное качество) и совершенно конкретную идею о значении Православия.

Иногда к этому еще прибавляют, что Филофей обосновывал величие власти (а у него даже в обращении к великому князю весьма сложная титулатура). Мы уже говорили, что представление о самодержавии на новом этапе нашей истории формируется именно во времена Василия III, и Филофей в своем послании, естественно, тоже как-то пытался это обозначить. Конечно, никакой личной выгоды он не преследовал, это было его искреннее убеждение, и именно так к этому и надо относиться. У нас об этом существует обширная литература, которая делится на несколько слоев и в которой порой Филофея пытаются представить как основателя, носителя и насадителя некой идеологии. Конечно, подобный подход к Филофею неправомерен: он ничего не стремился «насаждать» в угоду великому князю. Его мысль была именно о значении Православия, а отнюдь не о какой-то там идеологии в пользу московского государства. Поэтому я вас отсылаю к посланиям Филофея. Два из них опубликованы в «Библиотеке древнерусской литературы», есть также киевское издание начала века под редакцией Малинина (там его послания собраны все).

Итак, если иметь в виду Православие, то, конечно, «Москва — третий Рим» — это наша идеология, потому что мы все считаем Православие истинной, главной, самой точной формой христианства. В этом отношении Москва — пока еще, конечно, — третий Рим. И действительно, если, не дай Бог, это пройдет, то вряд ли появится Рим четвертый. Но это не есть идеология как политическая система, как служанка внутривнутриполитических проблем. Поэтому не следует пользоваться трудами, где эта идеология разбирается именно с таких ошибочных позиций.

Итак, подведем итоги. И получим, что при Василии III продолжалась традиционная политика его отца, которая на востоке была достаточно активной, а в отношении Крыма носила пассивный, оборонительный характер. В отношениях с Литвой были достигнуты определенные успехи. Внутренний раскол общества усиливался, трещина, которая стала отделять великого князя от всего остального общества, и в первую очередь от боярства, становилась практически непреодолимой. Политика Василия III привела к дискредитации власти митрополита. Естественно, никто не собирался отказываться от Православия, но в то

время, когда страну еще недавно раздирали ереси, когда цвела астрология и связанные с ней неприятные явления, подобное поведение главы Церкви приводило к появлению всяких соблазнов в обществе, что тоже способствовало утрате единства общества, а Россия была всегда сильна только этим.

И, наконец, несколько слов о смерти Василия III. Существует повесть о его болезни и смерти, написанная одним из близких ему людей, которые непосредственно были при великом князе все месяцы, когда он болел, и во время его смерти. Осенью 1533 года, уехав на богомолье и охоту, он заболел. У него вскочил подкожный нарыв типа, вероятно, фурункула или карбункула. Никакие традиционные методы лечения не помогли, он чувствовал себя все хуже и хуже, перестал ходить и с трудом сидел. Его перевезли в Москву, пытались лечить, Николай Булев не помог и не мог, видимо, помочь. У него стали появляться признаки общего заражения крови — сепсиса, и здесь, если верить сказанию о его болезни и смерти, написанному в форме жития, речь идет о том, что он-де хотел постричься в монахи, а придворные-де его останавливали. И даже митрополит Даниил, которому очень хотелось это сделать, тоже не мог выполнить волю великого князя из-за сопротивления придворных. Его постригли в монахи в момент агонии — он умер в ту минуту, когда пострижение только закончили, причем обряжали его формально: клали на него монашеские одежды, потому что одеть его уже было невозможно.

К этому можно относиться по-разному, но коль скоро это было написано человеком из его ближайшего окружения, коль скоро это было написано в форме жития, то в этих странных колебаниях (постричься — не постричься) мы, вероятно, видим вполне характерную для Василия III позицию: как бы не промахнуться — постригусь в монахи — а вдруг выживу? Не постригусь — а вдруг все-таки умру? Проблема была очень тяжелой. Ему было что замаливать, и он это сознавал, наверное. С другой стороны, в ситуации с постригом проявилась суть его природы, которая в свое время сделала возможной историю его второго брака с тяжелейшим нарушением канонов. Если верить сказанию, умирает он вполне благочестиво — душа его отлетела в тот момент, когда на грудь ему положили иноческие одежды. Может быть, так оно и было. Но очень уж странной видится эта задержка с пострижением, и говорит она о многом. А то, что две партии придворных боролись за влияние в этом вопросе, тоже говорит о многом — благочестия здесь не было ни у тех, ни у других.

Это все о Василии III. Дальше будет Иван Грозный.

стр. 76

Лекция 15

ИВАН ГРОЗНЫЙ

*1. — Источники к изучению царствования Ивана IV. 2. —
Историография вопроса. 3. — Личность Ивана Грозного. 4. —
Периодизация царствования. 5. — Оценки личности Ивана
Грозного. 6. — Реформы 1550-х годов. 7. — «Стоглавый» собор.
8. — Взятие Казани и значение этого события.*

Сегодня мы начинаем рассматривать события царствования царя Ивана Грозного. Сначала я скажу несколько слов о тех общедоступных источниках, которые неплохо бы знать. Затем, вероятно, пойдет речь о царе Иване, но не как о государственном деятеле, а как о человеке, его психологии (я объясню, почему это необходимо). И уже потом мы с вами будем говорить непосредственно о проблемах государственного управления, эволюции государственной власти, создания новых учреждений, войнах и т. д.

Вряд ли найдется у нас в России человек, который не слышал об этом государе. Следует сказать, что мы располагаем значительным количеством источников, которые вполне открыты для всех желающих. В первую очередь это знаменитая переписка царя Ивана с воеводой князем Андреем Курбским. Она издавалась неоднократно полностью и в отрывках; как правило, фрагменты ее печатаются в хрестоматиях по литературе. Но все-таки читать ее надо полностью. Не обязательно в оригинале — существует превосходный академический перевод на русский язык. Полный текст всегда более интересен, чем фрагменты.

Перу Андрея Курбского принадлежит также знаменитая «История о великом князе Московском» — труд, который называют иногда первым русским «Архипелагом ГУЛАГом». Это не каламбур. Эта книга действительно повествует о событиях правления царя Ивана, причем автор делает упор на его преступлениях. Если хотите, это своеобразный памятник русской диссидентской литературы (конечно, аналогия поверхностная).

Существуют письма [23] — послания Ивана Грозного английской королеве Елизавете, шведскому королю Юхану, польскому королю Стефану Баторию и, как образчик его чисто литературного дара (а он, бесспорно, был одаренным писателем), — послание опричнику Василию Грязному, который угодил в плен к крымским татарам и слезно просил царя выкупить его. Издевательское, очень короткое письмо царя Ивана представляет определенный литературный интерес.

Это то, что принадлежит перу либо самого царя, либо его ближайших соратников. К этому же времени относится определенный корпус русских летописей, которые более или менее подробно фиксируют все события, имевшие место. Но зарываться в эти тексты вам не следует, хотя бы потому, что они не так доступны и не так легко читаются, как все, о чем я только что сказал. Затем, если вы хотите посмотреть на все то, что тогда происходило, как бы глазами стороннего наблюдателя, рекомендую вам записки иезуита Антония Поссевино, знаменитого посла римского папы Григория XIII, который фактически был посредником на переговорах Ивана Грозного и Стефана Батория (они опубликованы, недавно было переиздание). Наиболее экзотическое сочинение того времени — это записки Генриха Штадена, которые были у нас опубликованы довольно давно под названием «Записки немца-опричника». Действительно, в опричнине служили всякие люди. Среди высородных князей и боярских детей попадались просто заезжие авантюристы, каковым и был немец Генрих Штаден. Разбогатевав во время своих походов с царскими опричниками, он вернулся в Европу и написал очень любопытные и циничные мемуары. Первое их издание было до революции.

Существуют источники и другого плана. Недавно к лику святых Русской Православной Церкви был причислен митрополит Макарий — знаменитый русский книжник. Естественно, есть работы о нем, есть его житие, достаточно современное, есть исследования его деятельности. Я бы адресовал вас и к этой литературе. Тут надо обращаться в основном к «Богословским трудам», поскольку именно там помещались работы игумена Макария (Веретенникова), сейчас уже архимандрита, посвященные митрополиту Макарию Московскому. Наконец, не забывайте, что в 1564 году был напечатан знаменитый «Апостол» Ивана Федорова — первая русская точно датированная печатная книга. У «Апостола» существует знаменитое послесловие, которое тоже представляет определенный интерес как культурологическое явление.

Все это может дать некоторое основание для более углубленного изучения истории царя Ивана. Теперь несколько слов об историографии — о тех трудах разных историков, которые посвятили свои работы этому царю. Работ об Иване Грозном чрезвычайно много, и я вовсе не требую, чтобы вы стремились перелопатить все это колоссальное собрание книг, статей, самых разных сочинений. Помимо учебника С. Ф. Платонова, я предложил бы вам С. М. Соловьева — это наиболее продуманное, четкое изложение основных событий. Соловьев, как всегда, обильно цитирует источники, (поэтому читать его вдвойне интересно), подробно

разбирает ход событий; как всегда, он достаточно осторожен в оценках. С. Ф. Платонов в своем «Курсе лекций» разбирает все это очень кратко, но глубоко, высказывает очень интересные мысли, и это тоже нужно читать. Что касается В. О. Ключевского, то одна из самых знаменитых стр. 77 его лекций — о характере царя Ивана Грозного. Эта лекция печатается в одном томе избранных лекций, воспроизводится в курсах. Но это особый разговор, потому что там не разбираются государственные деяния царя Ивана, а предпринимается попытка нарисовать его чисто психологический портрет.

Наконец, интересно почитать Н. М. Карамзина. Но самая, пожалуй, солидная работа (солидная, но малодоступная, она вышла после войны, в 50-е годы, очень маленьким тиражом) — «Очерки по истории опричнины» Степана Борисовича Веселовского, академика, замечательного русского историка, последнего историка настоящего русского масштаба. Это специальный труд, который, я бы сказал, исчерпывает тему. Таких книг у нас очень мало. Купить ее невозможно, но в библиотеках она есть. Существует еще масса популярных работ, колоссальное количество статей, посвященных каким-то отдельным проблемам. Сейчас зарываться во все это не следует. Из популярных работ лучше всего взять книгу В. Б. Кобрин, профессора педагогического института; она вполне доброкачественно рассказывает о царе, его деяниях, но в популярном стиле.

После такого краткого обзора я хочу сказать несколько слов на тему, которая, строго говоря, не всегда должна интересовать историка. Нам предстоит побеседовать о Царе Иване как о человеке. У нас не было необходимости углубляться в психологию Дмитрия Донского, например, или пытаться представить себе характер Ивана III — нам вполне достаточно обычных их государственных деяний. Что же касается царя Ивана, то трудно пройти мимо этого человека, не затронув вопроса о его психологии. Дело в том, что если просто разбирать его государственные деяния, то противоречивость их настолько поражает воображение, что поневоле вспоминаешь слова М. М. Щербатова, историка XVIII века, который признавался, что не может себе представить царя Ивана как единого человека, и что ему кажется, что их было много и все были разные.

О противоречивости царя Ивана говорил Н. М. Карамзин; Н. И. Костомаров просто отказывал ему в каком бы то ни было интеллектуальном развитии и считал дураком; С. М. Соловьев и К. Н. Бестужев-Рюмин видели в нем в первую очередь сильного, умного, пронзительного государственного деятеля; С. Ф. Платонов, осторожный в оценках, считает, что одно дело — испорченная натура царя, другое — его бесспорно сильный ум. Но все равно это был один, единый человек, единая личность, и приходится говорить о нем, к которому что история царя Ивана поучительна.

Он родился в 1530 году от второго брака своего отца. Он был долгожданным сыном — Василий III и во втором браке отцом стал не сразу. А когда Ивану было три года, отец его умер, и правительницей государства стала его мать — царица Елена (великая княгиня Елена Глинская). Правление матери, видимо, было не очень назидательным, потому что источники откровенно говорят, что фактически ближайшим человеком к ней был боярин князь Овчина-Оболенский, который и был всесильным временщиком.

Иностранцы наблюдатели говорят, что Елена умерла от яда. Доказать здесь, разумеется, ничего нельзя, но уже сам факт подобного предположения говорит о том, что великокняжеский двор того времени не представлял собой ничего назидательного. Сразу же после смерти Елены (Ивану было 8 лет) князь Овчина-Оболенский был заточен в темницу и скончался от «скудости пищи и тяжести оков», как повествует об этом летопись.

С этого момента начинается борьба за власть между двумя боярскими родами — Вельских и Шуйских. Две фамилии борются за преобладание, не щадя никаких средств, идя к цели буквально по трупам, и все это видит сначала восьмилетний, а потом быстро взрослеющий царевич. Он живет, с одной стороны, наблюдая все эти безобразия, а с другой стороны, в полной заброшенности, им никто не занимается, и впоследствии он будет горько жаловаться на то, что они с братом были не всегда накормлены и одеты. Он видит, что эти

бояре, пытаясь свалить друг друга, не брезгают никакими решительно средствами; точно так же относятся они и к Церкви, поскольку один митрополит — сторонник Вельских, другой — сторонник Шуйских. Следовательно, когда меняется власть, меняются и митрополиты. Не щадят даже близких ему бояр, тех, кто непосредственно составляет его окружение. Шуйские пытаются убить одного из близких к Ивану бояр, он стремится защитить его, а когда митрополит Макарий пытается ходатайствовать об этом человеке, то бьют и митрополита, не слушают царя, и хотя в конце концов удается спасти этого боярина, но это все, естественно, очередная травма. Детские впечатления — самые сильные, и именно они формируют человека. Это факт, с которым трудно не согласиться.

Впечатления, которые испытал подрастающий русский царь, были весьма сильными. В 13 лет, когда владычество Шуйских, казалось, было упрочено, он отдает приказ псарям схватить князя Андрея Шуйского и казнить, что те и делают, причем казнь была отнюдь не традиционной: его просто забили кулаками, пока волочили по двору. Даже не плаха, не виселица, не застенки — просто убийство. Тут бы боярам подумать о том, кто подрастает, на что будет способен этот мальчик, когда вырастет. Но поскольку те сами постоянно занимаются подобными делами, то и этот приказ ничего нового им для размышления не дает.

В это время Иван, видимо, много читает — из его переписки мы можем сделать вывод, что он был очень начитан в Св. Писании, очень много знал наизусть и цитировал большими кусками Псалтырь, Евангелие, Апостол и пророков. Но это ум скорее запоминающий, т. е., по мнению некоторых специалистов, перед нами скорее начетчик, чем глубокий мыслитель.

Когда ему исполняется 16 лет, он заявляет митрополиту Макарию о том, что желает совершить два деяния: венчаться на царство и вступить в брак. Нам трудно судить, сам ли он пришел к этой мысли или кто-то на него влиял, но факт остается фактом — именно в 16 лет были высказаны такие два чрезвычайно стр. 78 серьезные намерения. Царское венчание происходило в 1547 году по старинному чину, по которому ставился на великое княжение Иван III и по которому он ставил на великое княжение своих сыновей, но с некоторыми изменениями, поскольку речь теперь идет уже не о великом княжении, а о царстве. Что касается брака, то невестой царя становится дочь Романа Юрьевича Захарина, боярина, который не замешан в борьбе Шуйских и Вельских, человека уважаемого.

Анастасия Романовна становится супругой царя Ивана. Вскоре после брачных торжеств в Москве случился чудовищный пожар, испепеливший весь город. Митрополит Макарий вынужден был спастись из Кремля, и его на канате спускали со стены в районе Тайнинской башни, канат оборвался, владыка страшно расшибся и был в полумертвом состоянии увезен в Новоспасский монастырь. Царь вынужден был уехать в село Воробьево (Воробьевы горы над Москвой-рекой). А в Москве начался бунт, и весьма любопытный: он представлял собой отголосок борьбы за власть Шуйских, теперь уже с Глинскими. Голытьба, видимо, подученная кем-то из Шуйских, стала кричать, что-де во всем виновата бабка царя княгиня Анна Глинская, она-де вынимала сердца у людей, настаивала на них воду и прыскала этой водой по домам, вот-де Москва и сгорела. Московским обывателям того времени в фантазии не откажешь.

Во время бунта один из Глинских был убит прямо в Успенском соборе, затем толпа московской черни отправилась в село Воробьево с требованием, чтобы царь выдал на расправу свою бабку и своих родственников по материнской линии. Но если бояре не могли представить себе возможностей юного царя, то что уж говорить о московской голытьбе? Царь вышел поговорить с крикунами и отдал очень короткое приказание. Стрельцы схватили первых попавшихся — тех, кто кричал громче других, и тут же с ними расправились, после чего волнение утихло само собой. Иван крови не боялся и умел действовать в подобных ситуациях крайне решительно. Так началось его царствование, то есть самостоятельное правление.

Здесь мы сразу должны заметить хронологические моменты. Период приблизительно с 1547 по 1560–1564 годы — это период, пожалуй, наиболее крупных, интересных,

значительных, наиболее продуманных деяний царя. Сюда мы отнесем Земский собор, который работал в 1550–1551 годах; результатами работы этого собора явился пересмотр «Судебника» Ивана III и написание «Стоглава» (отсюда и собор получил название Стоглавого). Это борьба за Казань и взятие Казани, это присоединение Астрахани. Все течение Волги становилось русским, и, следовательно, открывалась возможность для колонизации земель на Востоке, на протяжении всего течения Волги. Это достаточно продуманная политика в отношении юга, здесь царь Иван продолжает политику своего отца. Наконец, это Ливонская война, попытка выйти к берегам Балтики, то есть овладеть землями, которые откроют для нас торговлю с Западом. Все это очень разумно.

Что же касается пресловутой жестокости царя, то в этот период ничего сверхъестественного в этом смысле не происходит. Царя, конечно, нельзя назвать кротким агнцем, но во всяком случае изувером, извергом его тоже не назовешь. А дальше — болезнь царя, смерть жены Анастасии и какой-то излом в его психике, так что приблизительно с 1563–1564 года царь превращается в то исчадие ада, которое нам всем так хорошо известно. Это не значит, что он перестает продумывать какие-то реформы. Опричнина — явление двойственное. Опричнина — это опричный террор, но с другой стороны, это определенная попытка реформы управления землями. Это продолжение Ливонской войны, достаточно бессмысленное, но все-таки это военные действия. И весь этот период до конца 70-х годов — период неистовых казней, чудовищных злодеяний, которые можно объяснить только совершенно ненормальным состоянием психики этого человека. И, наконец, последние годы жизни царя Ивана — это убийство собственного сына и постепенное умирание в каком-то жутком состоянии.

Почему я заговорил именно о психологической стороне? Дело в том, что у нас до революции этому вопросу уделяли довольно большое внимание, а после революции — наоборот, т. е. все наиболее яркие попытки разобраться, что собой представлял царь Иван как человек, относятся к периоду до 1917 года. После революции, особенно с конца 20-х — в 30-е годы, царя оценивали только как государственного деятеля. И это было понятно: историки выполняли социальный заказ. Товарищ Сталин видел в царе Иване своего, если хотите, предшественника. Сталин, недоучившийся семинарист, понимал историю по-своему и хотел, чтобы его деятельность, так сказать, имела соответствующий прецедент. И, пожалуй, наиболее подходящим объектом для подобного самооправдания или, наоборот, возвышения в собственных глазах был Иван Грозный. Тогда появился знаменитый фильм о царе Иване, который, я думаю, многие знают.

В это время уже накатывался вал официальной исторической фальсификаций, Степан Борисович Веселовский, академик (академиком он стал благодаря своим замечательным трудам, своим великим научным заслугам), у себя в кабинете написал книгу под названием «Очерки по истории опричнины». Про него рассказывают, что в свое время он, человек небогатый, женился по любви на богатой наследнице купеческого рода, и полученное приданое очень интересно использовал. Он нанял переписчиков, которые в архивах переписали колоссальное количество актов, документов, текстов, необходимых ему для дальнейшей работы. Поэтому, имея такой своеобразный архив у себя дома, он дома и работал. Судя по всему, это был человек редкой смелости, потому что в сталинские времена даже у себя в кабинете утаить рукопись было очень сложно. Кто-то ее видел, кто-то знал, над чем он работает. А писал он об опричнине, основываясь исключительно на тех документах, которые дошли до нашего времени. Он всесторонне разобрал этот вопрос и совершенно объективно показал, что из себя представлял опричный террор — это в тридцатые-то годы. Аналогия напрашивалась сама собой. Труд этот увидел свет уже после его смерти стр. 79 и после смерти «вождя всех народов». В 50-е годы Академия наук издала его столь малым тиражом, что он тогда уже был почти недоступен. Это тоже говорит о том, что царь Иван и после своей смерти будоражил сознание многих поколений и ученых, и исследователей, и просто всех тех, кто интересуется историей.

Я думаю, что судить царя Ивана нам не следует. Нам нужно постараться

психологически, так сказать, определить, что собой являл царь Иван (может быть, многих эта проблема по-настоящему заинтересует, потому что это действительно очень любопытно) и, с другой стороны, оценить те государственные деяния, те реформы, которые имели место в его царствование. Но настолько сильно, настолько очевидно прослеживается взаимосвязь личности царя и этих самых государственных деяний, что окончательно отделить одно от другого мы просто не сможем — уж слишком его личность наложилась на все то, что тогда происходило. Поэтому неправы не только те историки, которые копаются в личных подробностях его биографии, во всех его женах, во всех его убийствах, во всех гнусностях, которые он вытворял как частное лицо, — неправы и те, кто сосредоточивает свое внимание исключительно на взятии Казани, на Ливонской войне, на земской реформе и опричнине в ее, так сказать, хозяйственном выражении.

Литературоведы изучают стиль посланий царя Ивана и говорят, что это тоже очень любопытная работа. Но все-таки нам с вами, имея так много разнообразных источников, надо все эти факты более или менее суммировать. Повторяю, не для того, чтобы творить суд. Царя Ивана мы уже не переделаем никогда, а он, я думаю, дает чрезвычайно поучительный пример, чрезвычайно богатую пищу для размышлений, и это, в свою очередь, помогает нам более четко представлять себе очень непростую, а иногда и очень страшную русскую историю.

И вот поэтому, когда начинают рассуждать о царе Иване, в первую очередь останавливаются на земском соборе 1550–1551 годов. Причем у нас иногда даже не говорят, что это был собор, а просто говорят, что в 1550 году был «Судебник» Ивана IV, а в 1551 году был «Стоглав».

Это был один собор — общий собор духовенства и боярства. Он заседал действительно очень долго и пересматривал «Судебник» Ивана III довольно фундаментально, а затем давал ответы на вопросы царя, связанные с церковной практикой, церковным управлением т. д. И вот появились два очень любопытных документа: «Судебник» и «Стоглав». «Стоглав» — это тоже своеобразный свод постановлений, если хотите, по вопросам церковного управления и церковной жизни. Название «Стоглав» искусственное. Оно вовсе не означает, что там было каких-то сто вопросов, сто дней заседаний — ничего подобного. Просто впоследствии, при редактировании, этот текст был разделен на сто глав. Это чисто искусственное деление, и отсюда собор впоследствии стали называть стоглавым собором, хотя, естественно, ничего подобного в реальной жизни не было.

В работе над «Судебником» в сущности главная работа сводилась к следующему. Вы помните, что «Судебник» Ивана III фактически отвечал новациям, которые тогда появились. Именно в то время только начинало формироваться российское дворянство, начиналась раздача поместий, и в то же время имела место традиционная система управления территорией через так называемое кормление. Кормление — это значит, что кто-то из бояр получал город или регион, с которого он получал доходы, и он же осуществлял там власть. Теперь эта система управления реформируется так, что кормление начинает исчезать. Кормление больше не нужно, это очень архаичная форма. Фактически вводится самоуправление территорий, и вопросы полиции, суда и финансов должны решаться выборными лицами на местах. А чтобы орда кормленщины не чувствовала себя лишенной средств существования, предлагается установить специальный налог, который идет в казну, откуда и выдается финансовое обеспечение бывшим кормленщикам, т. е. задумана реформа местного самоуправления. Реформа очень любопытная, потому что осуществляется она, очевидно, не в интересах боярства, а в интересах дворянства. В это же время начинает расселяться в Москве по поместьям первая тысяча новых, так сказать, служилых людей, которая будет называться московскими дворянами, вторая тысяча будет расквартирована в других землях, третья еще дальше и т. д.

Сам ли Иван пришел к этой мысли? Вероятнее всего, это был результат коллективного творчества, причем на собор, надо полагать, был предложен к рассмотрению уже подготовленный проект. Вскоре после женитьбы и венчания на царство вокруг царя Ивана

образуется своеобразный совет, небольшая группа людей, которая впоследствии, по выражению Андрея Курбского, составит так называемую избранную раду, то есть избранный совет. Два наиболее значительных лица там — священник Сильвестр и не очень родовитый дворянин Алексей Адашев. Это сравнительно молодые люди, которые смотрят на ситуацию, видимо, свежими глазами. Направляет деятельность избранной рады и самого царя, конечно, митрополит Макарий.

О роли митрополита Макария в этот период можно говорить очень много. Мы не видим нигде следов прямого вмешательства митрополита Макария в деятельность царя. Но глядя на то, что представлял собой царь именно в годы правления митрополита, в годы его жизни в Москве, мы приходим к выводу, что благие и разумные начинания и деяния юного царя, которые как раз приходятся на этот период, можно объяснить только благотворным влиянием митрополита. Видимо, этот человек, чрезвычайно умный, образованный, сумел хотя бы на какой-то период умерить кровожадность царя. Во всяком случае, зверства опричнины начинаются уже после смерти митрополита Макария — до этого ничего подобного просто не происходит. Учитывая, что митрополит Макарий возглавлял освященный собор, совершенно очевидно, что он участвовал и в изменении, в новом редактировании «Судебника», и фактически, конечно, влиял на ту реформу, о которой идет речь.

стр. 80

О «Стоглаве» нам еще придется говорить, когда мы будем рассматривать историю раскола, но заранее хочу сказать, что обвинение «Стоглава» в том, что он узаконил какие-то неверные положения, абсолютно несправедливо. «Стоглав» действительно узаконил двуперстие, «Стоглав» узаконил и другое, но он узаконил ту практику, которая у нас была с X века и которую мы получили от греков. Это сами греки в XVI или в XVII столетии ввели у себя новшества. И Никон, копируя греков, по вечной русской привычке наспех и поверхностно учиться у кого-нибудь, лишь бы за границей, с помощью греков и создал «Стоглаву» репутацию сборника каких-то странных, неверных, лживых постановлений. «Стоглав» был прав. Единственная глупость, которая в нем написана, касается стрижки бород. Ссылка на пророка Моисея в этом вопросе абсолютно не подтверждается Писанием.

Лучшая книга о расколе, а следовательно, и о вопросах, связанных со «Стоглавом», принадлежит профессору Н. Ф. Каптереву. Его двухтомное исследование называется «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович». Это знаменитое сочинение, которое у нас почему-то сравнительно мало известно. Чрезвычайно серьезное, подробное, толковое исследование, написанное к тому же хорошим, ясным языком. Почему-то у нас выводы Н. Ф. Каптерева до сих пор широко не признаются, хотя нет и критики этих взглядов.

Таким образом получается, что «Судебник» и «Стоглав», реформируя и упорядочивая как государственное управление, так и церковную практику, охватывали как бы все стороны жизни государства — настолько трудно представить, что Церковь в то время могла существовать отдельно от каких-то государственных проблем, и наоборот.

Дальше, естественно, царь продолжает политику великого князя Василия III в отношении Казани. Мы знаем, что Василий III пытался взять Казань, подходил к ее стенам, штурмовал, был отбит, выстроил город-крепость Васильсурск, как передовую базу. И вот его сын тоже начинает походы, и в третий поход в 1552 году, в день Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) Казань после осады, после взрывов мин, подведенных под стены города, была взята кровопролитным штурмом. Источники говорят о 150-тысячном русском войске, о 150 русских пушках, о 30-тысячной татарской рати, которая обороняла город, о том, что при штурме пленных не брали, кроме женщин и детей. Эта победа была чрезвычайно кровопролитной.

Иван IV возвращается через древние русские города Ярославль, Владимир, Суздаль, через Троице-Сергиеву лавру. Его встречают еще за границей Москвы, идет крестный ход от Сретенского монастыря в Успенский собор, а дальше — знаменитый многодневный пир в Грановитой палате. Тогда на награды всем участникам казанского похода были истрачены на

современный счет, вероятно, миллиарды рублей — конями, одеждой, оружием, серебряными чашами, всем, чем только можно. И строго говоря, это объясняется тем, что именно взятием Казани была поставлена точка в борьбе с татарами на Востоке. Уже не отбили, а победили окончательно, навсегда. Астрахань — всего лишь эпизод, потому что судовая рать, которая спустилась в Астрахань, уже никакого хана не нашла — все, кто только мог бежать, бежали, и без выстрела, без всякого сопротивления Астрахань перешла под руку московского царя, ну а на тех, кто остался, была наложена «непосильная» дань: надо было каждую зиму поставлять в Москву три тысячи осетров. Но в то время, вероятно, можно было бы поставить и триста тысяч, потому что Волга буквально кишела рыбой.

Эта победа над татарами открывала путь в Персию и возможность чрезвычайно выгодной торговли для России. Восточные товары ценились не только в Москве, а Москва могла перепродавать их на Запад с успехом и большой выгодой для себя. А главное, колонизовались по Волге все земли черемисов, мордвы и т. д., а также создавались условия для начала русской колонизации на восток, в сторону Сибири. Таким образом закладывался фундамент для продвижения русских в сторону Тихого океана, и в XVI–XVII веках это продвижение будет все усиливаться.

После соответствующих торжеств в память о войне был выстроен храм Покрова на Рву, который также носит имя св. Василия Блаженного. Небольшая справка: Василий Блаженный никогда этого храма не видел, он умер раньше, чем его построили. При жизни он молился в деревянном Троицком храме, который стоял на месте этого собора, и впоследствии был похоронен рядом с церковью. Известно, что сам царь участвовал в его погребении. И когда возводили собор, то могилу святого московского юродивого не тронули, а обстроили. Если вы будете смотреть с Красной площади на собор, то самый маленький несимметричный придел с маленькой главкой — это и есть придел, где находится могила Василия Блаженного. Типичное московское название — не собор Василия Блаженного, а просто Василий Блаженный. Настоящее его название — храм Покрова, т. к. престол в главном приделе освящен в честь праздника Покрова Божией Матери — дня, когда была взята Казань. Остается добавить, что первоначально собор был цвета красного кирпича и имел белокаменные вставки.

Теперь о Ливонской войне. Исход ее тоже был вполне предreshен, потому что Ливонский орден к тому времени настолько ослаб, что никакого неуспеха просто быть не могло. Русское войско после успехов в борьбе с Казанью представляло собой достаточно мощное явление, а ливонцы, по словам самих ливонских хронистов, погибали от сытой и порочной жизни. К тому же там отсутствовало какое бы то ни было политическое единство: магистры ссорились с рижскими архиепископами, отдельные регионы пытались добиться самостоятельности. Короче говоря, это было гнилое дерево, которое достаточно было пихнуть, чтобы выйти в Прибалтику, к берегам моря, что и было сделано. В течение двух кампаний 1559–1560 годов русская рать прокатилась по землям всего ливонского ордена до Пруссии, разграбив все, стр. 81 что было можно, захватив пленных, богатства, доведя орден до полного упадка. И тут надо было вовремя остановиться, потому что магистр, не зная, что ему предпринять, стал предлагать свой орден Швеции, Польше, Литве. Нужно было срочно предпринимать какие-то действия, чтобы не оказаться лицом к лицу с этими государствами, но здесь ничего не было предпринято, и Эстляндия отошла Швеции, Курляндия (область в районе Риги) — Польше, а остальная западная часть ордена отошла к Литве. И Россия оказалась теперь лицом к лицу с тремя врагами совсем иного сорта, чем Ливонский орден. И если Швеция большой опасности в тот момент не представляла, то этого нельзя было сказать о Польше и Литве.

Первоначальные успехи в Литве русского оружия были весьма значительными: в 1563 году был взят Полоцк, и в 1565 году, когда русские войска доходили уже до Вильно, литовцы готовы были к заключению чрезвычайно выгодного и почетного мира с Россией.

Казалось бы, чего еще нужно? Нет, земский собор решил войну продолжать, и куском, как говорится, подавились. Но не забывайте, что в это время уже начался опричный террор и, строго говоря, земский собор мог только одобрять те идеи, которые высказывал царь Иван. Говорить о какой-то продуманности действий в этот период не приходится. При том, что Ливонская война продолжалась до 1581 года, здесь мы должны остановиться, потому что где-то в 1563–1564 годах проходит рубеж, когда кончается государственный деятель, когда кончается нормальный человек и начинается тиран. Смерть любимой жены, тяжелая болезнь самого царя, смерть митрополита Макария — все это, видимо, так подействовало на психику царя Ивана, что после этих событий перед нами уже совершенно другой человек. О том, какой это был человек, и что было им сделано в последующий период, и каковы были результаты этой деятельности, мы будем говорить на следующей лекции.

Лекция 16

ОПРИЧНИНА

1. — *Определение опричнины.*
2. — *Историография опричнины.*
3. — *Некоторые источники по истории опричнины.*
4. — *Ливонская война и начало опричнины.*
5. — *Опричный террор.*
6. — *Конец опричнины.*
7. — *Последствия.*

Все те, кто хоть как-то интересовались историей России, прекрасно знают, что было время, когда на Руси существовали опричники, и это слово стало фактически определением террориста, палача, преступника, человека, сознательно совершающего беззаконие. Но при этом я напомню, что само слово «опричь» («опричина») стало употребляться задолго до царствования Ивана Грозного. Уже в XIV веке опричниной называют часть наследства, которая достается вдове князя после его смерти. Она имеет право получать доходы с определенной части земельных угодий, но после ее смерти все это возвращается к старшему сыну. Вот что такое опричина — специально выделенный в пожизненное владение удел.

У слова «опричина» со временем появился синоним, который восходит к корню «опричь», что значит «кроме». Отсюда «опричина» — «тьма кромешная», как ее еще иногда называли, «опричник» — «кромешник». Но этот синоним употребляется только с XVI века; как полагают некоторые ученые, впервые выражения «кромешники», «тьма кромешная» появляются только у Андрея Курбского.

Теперь несколько слов о том, какова историография этого непростого и вместе с тем, казалось бы, широко известного вопроса. Впервые об опричнине достаточно подробно заговорили историки XVIII–XIX веков — В. В. Болотов и Н. М. Карамзин. И уже тогда фактически сложилась традиция делить царствование Ивана Грозного на две половины: до опричнины и после ее возникновения. До ее возникновения царь — это обыкновенный государственный деятель, пусть немного жестокий, но во всяком случае это человек, который знает, что делает, и твердо, уверенно ведет государство по пути к славе, могуществу. А после возникновения опричнины — это кровавый маньяк, психически неполноценный человек, который сеет вокруг себя смерть и всяческие беззакония.

Особенность трактовки царя Ивана у Н. М. Карамзина заключается в том, что Карамзин был превосходный писатель и моралист, поэтому он, живописуя опричнину, естественно, создал чрезвычайно яркую и выразительную картину всего того, что творилось в то далекое время. С. М. Соловьев смотрел на вещи под совершенно иным углом зрения. Он говорил в первую очередь о государственности, видел в опричнине столкновение старого и нового и как бы отделял жестокости царя Ивана, его террор от процесса социального и экономического. Если хотите, и политические процессы рассматривались как бы совершенно

самостоятельно. С точки зрения исторической науки это был, бесспорно, шаг вперед. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие, и С. Ф. Платонов создал концепцию, которая дожила до наших дней и попала во все учебники — даже при советской власти.

Платонов говорил о том, что Иван Грозный, видя, что его политике централизации препятствуют крупные землевладельцы, бояре, общинники, повел борьбу против них при помощи опричнины. И, конечно, сумел достичь бесспорных результатов, сумел еще больше централизовать государство, а издержки опричнины — всем известный террор, чего Платонов не скрывал, не собирался обходить. Но он видел главное не в этом, а в том, что было сделано: были разорены крупные землевладельцы, получила преобладание, по Платонову, большая масса сравнительно мелких землевладельцев, служилых людей, а отсюда — прогрессивность политики опричнины. Эта концепция и утвердилась.

стр. 82

Но уже в 20-е годы начались исследования колоссального комплекса материалов, формально, казалось бы, далеких от этих проблем — огромное количество писцовых книг, где фиксировались земельные наделы и крупных землевладельцев, и служилых людей; где фиксировалось то, что отнималось, что давалось, куда кто перемещался и т. п. Это были в полном смысле слова учетные бухгалтерские записи.

Чем больше материала ученые обрабатывали, тем интереснее становилась картина. Оказалось, что крупное землевладение не очень сильно пострадало, и фактически, каким оно было до опричнины, таким оно сохранилось и после нее. Оказалось также, что в те земли, которые отходили именно в опричнину, попадали зачастую территории, населенные служилыми людьми, у которых не было больших наделов. Например, территория Суздальского княжества была почти сплошь заселена служилыми людьми, богатых землевладельцев там было очень мало. Эта картина совершенно расходилась с тем, что высказал С. Ф. Платонов, который не обрабатывал писцовых книг и не знал статистики, т. к. не пользовался источниками, носившими массовый характер. Его не следует за это упрекать, потому что для обработки подобных материалов потребовались усилия многих ученых и очень большое время. Но был вскрыт еще один источник, который Платонов тоже не анализировал детально, — знаменитые синодики. Как известно, они содержат списки людей, убитых и замученных по приказу царя Ивана; в основном они умерли или были казнены и замучены без покаяния и причастия, следовательно, царь Иван был грешен в том, что они умерли не по-христиански. Эти синодики рассылались по монастырям для поминовения.

С. Б. Веселовский, который проанализировал эти синодики (а работа была чрезвычайно сложной, т. к. в них не всегда указывалось подробно имя, отчество и фамилия того, кто там упомянут), тоже пришел к выводу: говорить о том, что в период опричного террора погибали в основном крупные землевладельцы, не приходится. Да, бесспорно, казнили бояр, членов их семей, но кроме них погибло невероятное количество служилых людей. Погибали лица духовного сословия абсолютно всех рангов, люди, которые были на государевой службе в приказах; наконец, погибло невероятное количество обывателей — городских, посадских людей, просто тех, кто населял деревни и села на территории тех или иных вотчин и поместий. Следовательно, говорить о том, что террор носил избирательный характер и был направлен только против боярской верхушки, не приходится.

Концепция С. Ф. Платонова уязвима еще по одной причине. Он полагал, что бояре обладали колоссальными вотчинами, которые как бы накладывались на те или иные части прежних княжеств. Тем самым, они могли поддерживать сепаратистские тенденции. Подтверждалось это еще и тем, что в момент болезни царя Ивана в 1553 году бояре, рассуждая о том, кто может в случае смерти царя ему наследовать, обсуждали кандидатуру его двоюродного брата — Владимира Андреевича Старицкого, крупного землевладельца, поскольку Дмитрий, сын царя Ивана, тогда единственный, был еще очень мал — ему было только три года.

Таким образом, концепция С. Ф. Платонова как будто получала подтверждение. Но если обратиться к материалам исследования писцовых книг, то получится, что бояре имели

свои земли в разных, как сейчас бы сказали, областях, а тогда уделах. Один и тот же человек имел земли и в нижегородской, и в суздальской, и в московской земле, т. е. не был привязан конкретно к какому-то определенному месту. Объяснить это можно еще и тем, что боярам приходилось служить в разных местах, потому и землю они при случае прикупали (или она им давалась) там, где служили. О том, чтобы как-то отделиться, избежать процесса централизации, и речи не было, потому что они не могли собрать свои земли воедино. Процесс централизации был вполне объективен и не приходится говорить о том, что они ему как-то препятствовали.

Подтверждается это еще и тем, что боярская дума существовала и активно участвовала на протяжении XV–XVI веков в обсуждении и решении всех наиболее важных проблем («царь приказал, а бояре приговорили» — формула известная). Следовательно, предполагать, что бояре хотели создать партию, которая стремилась растащить государство по кускам, не приходится.

Тогда возникает вопрос: что же представляет собой опричнина, если экономическая ее сторона столь невразумительна, а ее политика тоже ничего не убыстряла и не улучшала? По этому предмету существует как бы два комплекса источников. Один — это писцовые книги. Другие источники я бы охарактеризовал как публицистику того времени. Здесь прежде всего надо сказать об «Истории о великом князе московском» Андрея Курбского; бесспорно, следует упомянуть ряд летописных сведений и, наконец, некоторые известия иностранцев, и в первую очередь знаменитые записки о России Джерома Горсея — англичанина, который провел в России 20 лет. Он был английским торговым агентом и одновременно выполнял дипломатические поручения. Он часто бывал при дворе, и грозный московский царь обласкал его и беседовал с ним. Чудом уцелев в 1591 году (его обвинили в каких-то преступлениях, совершенных в Ярославле, но отпустили на покаяние), он уже в Англии написал очень интересные записки, причем есть основания полагать, что писал он не просто по памяти, а, видимо, по каким-то записям, которые были сделаны еще в России. Этот источник — один из основных по истории опричнины, хотя и не все, что в нем содержится, следует безоговорочно принимать на веру.

Горсей — наблюдательный человек, знающий цену и деньгам, и словам как купец и дипломат; писал он достаточно точно. При этом то, что он видел сам, он выделял как личные наблюдения, а то, что узнавал из других уст, не выдавал за свое.

Несколько слов о хронологии событий. Ливонская война началась в 1558 году. В первые годы она велась чрезвычайно успешно для России. В 1560 году умерла первая супруга царя Ивана Анастасия; в 1564 — первая вспышка массовых казней. Массовых не в том смысле, что замучено какое-то большое стр. 83 количество людей, а в том, что уже группы лиц отправляются на плаху. А дальше, в декабре 1564 года, царь с колоссальным обозом уезжает из Москвы. Покружив по подмосковным монастырям, заехав на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, он едет дальше на север и останавливается в Александровой слободе (ныне г. Александров Владимирской области).

На определенное время Александрова слобода становится как бы новой столицей государства. Оттуда царь присылает в Москву грамоту, в которой объявляет свой гнев на бояр, духовенство, на служилых и приказных — короче говоря, на всех, кроме простых людей. И что-де он не желает, боясь заговоров, опасностей, править и как бы уходит с царского трона. Естественно, в Москве происходит нечто вроде паники, депутация отправляется в слободу, под конвоем ее приводят пред светлые очи царского величества, и депутаты бьют челом, чтобы их выслушали. Их слушают, и они согласны на все, лишь бы царь-государь смилостивился. И царь говорит, что он согласен по-прежнему править страной, но с условием, чтобы класть опалу на ослушников, на крамольников так, как ему угодно будет. Царь, таким образом, выпрашивает у москвичей полицейскую диктатуру собственного государства.

И вот начинается опричнина, которая выглядит следующим образом. Царь указывает, что ряд земель, городов, каких-то частей тех или иных городов будут взяты в опричнину. В

опричнину попадает территория от Никитской улицы (если стоять спиной к Кремлю, то левая сторона, где консерватория) до Москвы-реки. Ряд уделов, земель других городов — это тоже опричнина, а все остальное — земщина. С земщины берется 100 тысяч рублей на подъем опричнины, т. е. государство как бы делится на две неравные части.

100 тысяч рублей — сумма совершенно фантастическая (достаточно сказать, что мелкий чиновник в приказе получал от 5 до 10 рублей жалованья в год). Те, кто остался в земщине — а там осталось немало простого служилого люда, — должны были эти деньги отдать. А как — это уже их дело. Поскольку отдать могли не все, то репрессии обрушились на них сразу.

Затем попавшие в опричнину делятся на тех, кто сидит на земле, и тех, кто служит в опричном войске, которое создается сразу (сначала 1000, потом 2000, потом больше). Так вот, опричники, как полагал Платонов, — это именно те люди, которым давали земли опальных бояр, конфискованные в опричнину. Действительно, в Подмосковье была расселена первая 1000 опричников. Потом, правда, выяснилось по писцовым книгам, что многие никуда не переселялись, а как жили, так и оставались на этих землях, но просто вдруг оказывались опричниками. Поэтому надо четко понять, что в опричнину, с одной стороны, попадали люди не по своей воле (сегодня ты простой служилый человек, а завтра ты проснулся опричником, и тебе еще повезло, потому что ты попал в число царских любимцев). А с другой стороны, опричники — это такая особая масса служилых людей, особое войско, если можно так выразиться, огромная зондеркоманда, которая и проводила политику террора. Поэтому опричник — явление двойственное. Мы знаем опричников, которые ничем себя не запятнали — наоборот, оказали немалые услуги отечеству. Но таких было немного, потому что большинство тех, кто не хотел принимать непосредственного участия во всех этих зверствах, сидели по углам и не высывались. А вот тех, которые проводили репрессии, их-то и поминают теперь как опричников, они-то и являются выражением этого чудовищного деяния царя Ивана.

Естественно, следует задать вопрос: может быть, все это только приписывается царю Ивану, а он, православный государь, ни в каких зверствах не повинен, просто всякие беззакония на местах творили его слуги — негодяи типа Малюты Скуратова?

Тех, кто надеется на подобную интерпретацию фактов, придется разочаровать: царь Иван, как это ни печально, был садист. И можно процитировать немалое количество источников, которые живописуют гнуснейшие деяния самого царя: историю о том, как он собственноручно убивал людей во время пира, вонзая в них кинжал, или о том, как его двоюродный брат князь Владимир Андреевич Старицкий был вызван в Москву вместе с женой и дочерью и царь приказал им выпить отравленное питье; о том, как какой-то опричник во время пира имел несчастье не угодить грозному владыке, и царь шутя окатил его раскаленными щами. Тот, ошпаренный, стал вопить, и тогда царь смилостивился и прекратил его мучения ударом ножа. Подобных примеров можно привести очень много.

Но, естественно, каков хозяин — таков лакей, и непосредственные помощники его мало в чем ему уступали. Что же тогда говорить обо всей этой мелкотравчатой публике, которая в своих черных кафтанах разъезжала на вороных конях и «выметала крамолу» из государства?

Опричнину понять легко: это просто ежовщина своего времени. Другого термина, другого аналога подобрать нельзя. Как в годы ежовщины по ночам непрерывно брали людей, так нечто подобное происходило и при Иване Грозном.

«Царь жил в постоянном страхе, боязни заговоров и покушений на свою жизнь, которые он раскрывал каждый день. Поэтому он проводил большую часть времени в допросах, пытках и казнях, приговаривая к смерти знатных военачальников, чиновников, которые были признаны участниками заговора» (Д. Горсей).

Как известно, для того, чтобы человек признался в любом преступлении, следует просто соответствующим образом провести дознание. К сожалению, человечество накопило в этой области колоссальный опыт.

«Князь Иван Куракин был найден пьяным, как рассказывали, будучи воеводой в далеком городе в Ливонии, когда король Стефан осадил его. За это он был раздет донага, брошен в телегу и засечен до смерти на торговой площади шестью проволочными кнутами, которые изрезали его спину, живот и конечности».

Но это мелочи... И потом, в конце концов, он провинился.
стр. 84

«Другой, насколько я помню, по имени Иван Абросимов, старший конюх, был подвешен на виселице голым за пятки. Четыре палача резали его тело от головы до ног. Один из них, устав от этой долгой резни, ввел нож чуть дальше, чтобы поскорей отправить его на тот свет, но сам он за это тотчас же был взят в другое место казни, где ему отрезали руку. И так как ее не залечили как следует, он умер на другой день».

Палач совершил преступление — прекратил слишком рано мучения государственного преступника. И за такую неквалифицированную работу он был справедливо наказан.

«Многие другие были убиты ударами в голову и сброшены в пруды, озера около слободы. Их трупы стали добычей огромных, переросших себя щук, карпов и других рыб, покрытых таким жиром, что ничего кроме жира на них нельзя было разглядеть».

Это уже напоминает, как гитлеровцы делали мыло из покойников.

«Царь наслаждался, купая в крови свои руки и сердце, изобретая новые пытки и мучения, приговаривая к казни тех, кто вызывал его гнев, особенно тех из знати, кто был любим его подданными. Князь Борис Тулупов, большой фаворит в те времена, будучи уличен в заговоре против царя и в сношениях с опальной знатью, был посажен на кол, заостренный так, что пройдя через все тело, он вышел из горла. Мучаясь от ужасной боли, оставаясь живым 15 часов, князь разговаривал со своей матерью, княгиней, которую привели посмотреть на это ужасное зрелище».

Все это — свидетельства очевидцев. Горсей не хотел очернить нашу страну — ничего плохого о России он не пишет. Наоборот: проживя так долго в России, он симпатизировал этой стране, как часто бывает. Она не стала его второй родиной, но у него здесь появилось много друзей, интересов — общий тон книги говорит именно об этом. А вот то, что он был потрясен подобными вещами, — это, конечно, факт.

«Теперь мы переходим к рассказу о трагедии, который вознаградит ваше терпение. В день св. Исаяи царь приказал вывести огромных диких и свирепых медведей из темных клеток и укрытий, где их прятали для его развлечений и увеселений в

Великой Слободе. Потом привели в специально огражденное место около семи человек из главных мятежников — рослых и тучных монахов, каждый из которых держал крест и четки в одной руке и пику в пять футов длины в другой. Эти пики дали каждому по великой милости от государя. Вслед за тем был спущен дикий медведь, который рыча бросался с диким остервенением на стену. Крики и шум людей сделали его еще более свирепым, медведь учуял монаха, с яростью набросился на него, поймал и раздробил ему голову, разорвал тело, живот...»

Как во времена Нерона, людей травили дикими животными, причем это делалось разными способами: иногда медведя просто выпускали на человека, а иногда человека зашивали в медвежью шкуру и травили собаками. Для этого имелся даже специальный термин: «казнить, ошив медведно». Таким образом был казнен один из архимандритов Новгорода.

Может ли делать такие вещи нормальный человек? Наслаждаться зрелищем мучений, самому участвовать в допросах, приговаривать к смерти младенцев, отдавать на поругание женщин... Но это еще не все. Мы знаем, что одним из самых страшных злодеяний царя Ивана было убийство митрополита Филиппа. Предыстория была такова. Когда умер своей смертью митрополит Макарий, следующим митрополитом был Афанасий, который в 1566 году ушел на покой, видимо, не имея сил выносить весь этот ужас. Новым кандидатом на митрополию стал архиепископ Казанский Герман. Он был из монахов Иосифо-Волоцкого монастыря, ярый враг еретиков, человек очень решительный и, казалось, должен был во всем поддерживать царя. Как только его избрали, он первым делом высказался против всех этих зверств. «Как! Еще не поставлен, а уже начинаешь меня сдерживать?!» Его отправили в Казань, через два года он был казнен.

Почему в митрополиты был выбран соловецкий игумен Филипп Колычев, сказать трудно. Это загадка, потому что как только Иван предложил ему занять это место, Филипп сразу поставил условием, чтобы за ним сохранилось право печаловаться об обидимых, гонимых и казнимых. Он потребовал также уничтожить опричнину. Иван страшно разгневался и потребовал, чтобы он отказался от такого условия. Сошлись на компромиссе, что в дела опричнины митрополит вмешиваться не будет, а печаловаться право имеет.

В 1566 году митрополит Филипп возглавил Русскую Церковь; в 1568 году он был схвачен в алтаре Успенского собора и отправлен в заточение в Отрочь монастырь под Тверью. Непосредственными исполнителями гнуснейшего надругательства над святителем были отец и сын Басмановы — Алексей и Федор. Наступил 1569 год. Царь получил донос (думаю, вы догадываетесь, что доносы процветали в то время), где говорилось о том, что-де Новгород желает отложиться. Прямо-таки реставрация событий 100-летней давности. Пришло в голову наказать город образцовой, так сказать, казнью, и опричное войско выступило в поход в декабре 1569 года. Начиная с границ новгородской земли (Клин, Вышний Волочек, Тверь), все подвергалось страшному разграблению и разгрому, причем количество убитых исчислялось тысячами. Царю якобы было нужно скрыть движение своей армии головорезов к Новгороду, поэтому свидетелей этого марша убирают.

Когда миновали Тверь, Малюта Скуратов по повелению царя заехал в Отрочь монастырь взять благословение на усмирение Новгорода у заточенного владыки Филиппа. Это «была, видимо, особая форма казни. Историки здесь могут обсуждать только один вопрос: задушил Малюта владыку Филиппа собственными руками или угарным газом из печи. Только такая деталь в точности не известна, а то, что он был убит, — здесь сомнений нет никаких.

2 декабря первый опричный полк вступил в Новгород. Сразу была захвачена вся церковная казна, печатаны храмы, взяты практически все приходские священники и «поставлены на правож». Их по стр. 85 несколько часов в день били палками, с тем чтобы

они отдали положенное количество денег. Правеж некоторых продолжался целый год, количество погибших приходских священников точному учету не поддается.

Спустя несколько дней в Новгород вступил сам государь, был встречен архиепископом Новгорода с крестным ходом. Ко кресту он не приложился, заявив, что здесь все изменники, но на обедню в Софийский собор проследовал. Затем на пиру у архиепископа, после того как свита царя подкрепилась, царь прокричал условный сигнал — знаменитый вопль «гойда!», и начался шестинедельный погром города. Шесть недель грабили, убивали и насильовали.

Можно провести историческую параллель, сопоставив эти события с изъятием церковных ценностей в 1920-е годы или с красным террором 1919–1920 годов в провинции, где-нибудь, скажем, на Кубани. Ничего другого на ум не приходит. В Новгороде было 30 тысяч населения. С достаточно большой долей вероятности можно сказать, что погибших было 15 тысяч — каждый второй. Напомню, что Новгород уцелел от татарских набегов. Но от царя Ивана он не уцелел. Зафиксирован случай: когда опричники уже покинули город, то новгородцы, видимо, приводя в порядок захоронения, нашли в одной общей могиле 10 тысяч тел. А сколько не нашли? А сколько было утоплено в прорубях в Волхове? А сколько было убито и замучено по бескрайним новгородским землям?

Из Новгорода царь Иван, награбив все, что можно было награбить, отправился во Псков. Но Псков уцелел. Мне кажется весьма вероятной следующая версия чудесного избавления Пскова от последствий царского визита: один псковский юродивый (а царь был очень суеверен) заявил, что если царь останется во Пскове и начнутся всякие ужасы, то он вскоре погибнет. И тут вдруг возьми да приключись такое обстоятельство: у царя Ивана сдох любимый конь. Видимо, это произвело определенное впечатление на Ивана Васильевича, и он гнев свой царский от города отложил.

В 1571 году крымское войско внезапно появилось на русских границах, переправилось через Оку там, где не было сторожевых отрядов, и быстро двинулось к Москве. Опричное войско не смогло защитить город. Многие опричники просто не явились, а те сравнительно небольшие опричные части, которые все-таки встали у города, защищали его весьма пассивно. Поскольку крымцы не штурмовали активно Москву, то и защищать ее особенно не приходилось. Москва просто была выжжена, и сгорел заодно весь опричный двор московский — все постройки, которые относились к этому двору в районе современного Арбата, Знаменки, Воздвиженки и т. д., сгорели дотла и уже восстановлены потом не были. Поэтому на следующий год, когда опять стало известно о походе крымцев, были приняты совершенно радикальные меры. Никакого опричного войска уже не было, а было просто русское войско, где опричина и земство были перемешаны. Командовал всем знаменитый воевода князь Михаил Воротынский, который в бою недалеко от современного Подольска в пух и прах разнес крымских татар. В плен попали крупные татарские военачальники, и на много лет Москва была спасена от набегов. Это не помешало царю Ивану через несколько месяцев казнить князя Воротынского по ложному обвинению в колдовстве. Его положили на железную решетку и медленно поджаривали.

Страдали не только земцы, страдали и опричники. Оба Басмановых погибли, причем Федору было приказано сначала отрубить голову отцу, что он, естественно, исполнил. О Федоре вообще шла дурная молва: утверждали, что он состоит в противоестественных отношениях с самим царем Иваном. Доказать это невозможно, но об этом писали и говорили. Погиб Вяземский — знаменитый опричник, из рук которого царь Иван принимал лекарства и еду, поскольку ему он доверял. «Доверяй, но проверяй», и поэтому Вяземский не избежал общей участи. Были убиты и многие другие опричники. Никого из них не казнили «в простоте», обычно предлагалось что-то чрезвычайно изощренное. Так, например, князю Одоевскому специально сделанной иглой протаскивали его собственную сорочку через грудь.

Но вот опричина исчезает из лексикона — как царского, так и народного. Под страхом смертной казни запрещено о ней упоминать. Не было — и все. Не надо ворошить прошлое, время было такое. (Налицо весь набор аргументов, который мы теперь хорошо знаем по

поводу событий 1917–1956-го годов. Все это очень понятно и знакомо). Казни продолжают, но уже не в таком масштабе, опричнина отгремела. И вот после 8 лет этого кошмара, выясняется, что 90 процентов пахотной земли было не обработано. Даже под Москвой обрабатывалось всего 16 процентов пахотных угодий. Хороша реформа, хороша централизация... Мужики и в одиночку, и семьями, и с близкими, и с далекими кидались от этого ужаса во все стороны, за Волгу, в леса. Оказалось, что тот самый простой народ, на которого царь Иван не держал гнева, пострадал едва ли не больше, чем все остальные сословия.

Потрясение, которое испытала страна, было настолько сильным, настолько чудовищным, что она не смогла от этого оправиться. Ни мирные годы царствования Федора Иоанновича, ни разумное правление Бориса Годунова не смогли вывести страну из этого страшного кризиса, в который она была введена Иваном Грозным. И та смута, которая началась на Руси, в любом ее аспекте есть прямое следствие правления царя Ивана.

Династия потомков Рюрика была прекращена усилиями самого Ивана Грозного: не поладив с наследником — сыном Иваном, царь так отходил его жезлом, что тот умер. У Ивана детей не было. По свидетельству источников, сын немногим уступал отцу. Несмотря на свой сравнительно молодой возраст, он был уже трижды женат (отец и сын часто играли свадьбы одновременно); в допросах и пытках сынок принимал участие наравне с папой. Казалось бы: что им делить? Но вот не угодил. Династия прекратилась (царь Феодор Иоаннович тоже умер бездетным). Экономика? После того, что я сказал об обработке пахотных земель, тут говорить не о чем. Убытки казны вследствие бесконечной и неудачной Ливонской стр. 86 войны неисчислимы. Набег крымцев в 1571 году стоил, по некоторым сведениям, до 500 тысяч человек, которые были уведены в плен. Даже если это и преувеличение, все равно потери людские и материальные были чудовищными. В те же годы Россию посетила чума, которая тоже оставила страшные последствия. Какое еще государство могло все это вынести?

Россия сумела вынести, но расплатилась смутой. Авторитет власти после всего, что было, восстанавливался с большим трудом. Целое поколение сформировалось в эпоху опричнины. Одни были запуганы и забиты до скотского состояния, а другие нажили богатство на грабеже и насилии. Можно ли было назвать после опричного террора русское общество здоровым? Можно ли было говорить об авторитете царской власти, когда по приказу царя убили главу Церкви? Можно ли говорить об авторитете церковных властей, когда новгородский архиепископ Пимен был главным со стороны обвинения в деле митрополита Филиппа? Правда, потом этот архиепископ тоже пострадал. Его обвинили во множестве преступлений, посадили на лошадь верхом, дали ему в руки гусли, и в таком виде, играя на гусях, он доехал до Москвы, поскольку Иван возвел его в скоморохи — в благодарность за доносительство на митрополита Филиппа.

В 1584 году царь умер. Перед этим он очень тяжело болел, чародеи предсказывали скорую смерть. Его каждый день носили в его сокровищницу, где он наслаждался созерцанием драгоценных камней. Он страшно распух, у него была водянка. Горсей пишет, что это было следствием распутной жизни: всего у царя было семь жен, да еще он хвастался, что растлил тысячу дев, а тысяча его детей были лишены им жизни (видимо, незаконные дети ликвидировались). В момент облегчения этот маньяк сел играть в шахматы и за игрой умер. Горсей допускает возможность, что царь был отравлен кем-то из своих приближенных.

В 50-е годы гробницу царя Ивана вскрывали — хотели провести исследование останков. Знаменитый антрополог Михаил Михайлович Герасимов, по черепу восстанавливавший внешний вид человека, вылепил скульптурный портрет Ивана Грозного. Заодно исследовали химический состав костей царя. Ничего особенного не обнаружили, только содержание ртути было выше, чем полагается. Но это еще не может служить доказательством отравления: в те времена вся парфюмерия была на ртути, тогда еще не знали о ее ужасных свойствах. Кроме того, ртутью лечили сифилис. Учитывая особенности личной жизни царя, можно предположить, что ему понадобилось это лечение. Поэтому

говорить о том, что он погиб насильственной смертью, с полной уверенностью нельзя.

Лекция 17

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

1. — Причины смуты. 2. — Накануне Смутного времени. 3. — Угличское дело. 4. — Царствование Бориса Годунова. 5. — Лжедмитрий I. 6. — Правление Василия Шуйского. 7. — Семибоярщина. 8. — Второе ополчение и освобождение Москвы.

Сегодня у нас пойдет разговор о Смутном времени, т. е. о периоде русской истории, который явился прямым следствием царствования Ивана Грозного. Не буду останавливаться на царствовании Федора Иоанновича — это было некое затишье перед бурей, передышка, когда казалось, что процессы, которые вели к разрушению царства утихли. Но такая картина была обманчивой, и несмотря на тихий и спокойный период с 1584 по 1598 год, процессы, которые должны были привести к кризису, набирали силу, хотя внешне были, может быть, и не очень заметными.

Прежде чем перейти к изложению последовательности событий, скажу несколько слов о значении этого периода, о том, что для нас представляет собой история этого времени. Во-первых, период этот на редкость динамичен, в сравнительно короткое время происходит масса невероятных событий. Во-вторых, мы имеем чрезвычайно богатый выбор источников по истории Смутного времени: хронографы, записки иностранцев, труды участников событий или их очевидцев, наблюдателей. Третье, может быть самое важное, значение этого периода — то, что это время судьбоносное: кризис государства, смертельная опасность для народа, для нации и ее будущего. Важно понять, как проходит этот кризис и как происходит выход из этого кризиса. В наше время необходимо представлять себе то, что имело место много лет назад. Я не склонен проводить прямые параллели между смутой начала XVII века и нашим временем — слишком многое изменилось с тех пор. Но тем не менее, история Смуты дает немало пищи для размышлений, и мы, вероятно, сумеем лучше разобраться в смысле происходящих событий, постигнуть их ход и сущность, если вооружимся знаниями о том, что было в начале XVII столетия. Итак, причины смуты.

С. М. Соловьев видел причину смуты в борьбе старых дружинных порядков и новых порядков — государственных, а второй причиной указывал разрушающую роль казачества. Думаю, что это интересно с точки зрения историографии вопроса. Н. И. Костомаров, которого у нас сейчас очень любят читать, говорил о том, что смута носила чисто случайный характер и во всем виновато влияние Польши, иезуиты, католичество и т. д. Приблизительно так же этот вопрос формулировали остальные русские историки до С. Ф. Платонова. Платонов впервые совершенно определенно связал смуту с царствованием царя Ивана и показал, что причинами ее были следующие факторы:

стр. 87

1. Прекращение династии.

2. Резкий упадок хозяйства страны. Если сравнивать цифры, говорящие о вывозе за рубеж товаров в начале царствования царя Ивана и в начале царствования его сына Федора Иоанновича, то мы увидим падение в несколько раз вывоза русских товаров, т. е. страшный упадок торговли. А раз так, то, следовательно, и кризис финансовый. Если к этому добавить последствия Ливонской войны, чумы, крымского набега и опричнины, то станет очевидным, что все это залечить за 10–15 лет бы то невозможно.

3. Бесспорная утрата авторитета власти. Те методы, которые использовал царь Иван,

приводили к тому, что люди, которые так или иначе должны были контактировать с самодержавным царем, не уважали, а боялись его. Основным началом их поведения было желание выжить любыми способами. Следовательно, ни о какой объединяющей идее — монархической, религиозной, национальной — речи тогда быть не могло, т. е. фактически создавалась причина для возникновения определенного нигилизма в отношении источника власти, ее носителя. И это чрезвычайно важно, потому что вся смута — это беспринципная, подлая, наглая борьба за власть отдельных лиц, группировок, которые руководствовались только своими личными целями.

Мнение о том, что смута возникла случайно, я думаю, ошибочно, потому что те причины, которые мы сейчас выяснили, достаточно очевидны. Другая точка зрения — что анархическое начало искони свойственно русскому народу, — не выдерживает вообще никакой критики, потому что, наблюдая весь ход русской истории, мы видим, что русские люди, осознанно или неосознанно, но всегда стремились сохранять государственность несмотря ни на что. И если все-таки наступал кризис, то всегда находились здоровые силы, которые в конечном итоге восстанавливали государственность в стране. Жить иначе мы не можем. Если будет утрачена государственность, мы погибнем как народ, и это было понятно уже тогда.

Итак, что же произошло непосредственно в годы, предшествовавшие смуте? Правление царя Федора Иоанновича ознаменовалось только двумя событиями, которые заслуживают серьезного рассмотрения. Одно всем известно — смерть царевича Дмитрия в Угличе, а другое — это правление Бориса Годунова.

Борис Годунов, достигший высших должностей при царе Иване, был опричником, о котором ничего нельзя сказать отрицательного. Он был опричником по положению, и, видимо, у него хватило ума, чтобы не запачкаться во всей этой гнусности. Фактически он стал правителем государства при царе Федоре, и тут ничего странного нет, потому что, во-первых, его родная сестра была женой царя Федора, русской царицей, а во-вторых, он уже стоял на вершине власти при царе Иване. Первоначально он управлял вместе с Никитой Романовичем Захарьиным, но когда тот в 1585 году умер, то до смерти царя Федора Годунов фактически является правителем нашей страны, поскольку царь Федор только царствовал, но совершенно не вникал в дела управления.

Управлял Борис чрезвычайно разумно, очень практично, и в этот период действительно можно говорить о каких-то мирных спокойных процессах. Вместе с тем Борис, бесспорно, заботился о престиже страны, о престиже Церкви, потому что именно в этот период, в 1589 году, Русскую Церковь начинает возглавлять патриарх. Все переговоры с восточными патриархами по этому вопросу велись непосредственно Борисом или людьми, которых он назначал, и здесь проявились его поразительные дипломатические способности.

Теперь — угличское дело. Довольно быстро после смерти царя Ивана его седьмая супруга вместе с сыном, царевичем Дмитрием, и своими братьями были отправлены в Углич в ссылку. Ссылка — это не обязательно заключение и не обязательно Сибирь. Углич был, конечно, захолустьем, но в то же время захолустьем не очень далеким. Для того, чтобы там все было в порядке, за ссыльными присматривал дьяк Битяговский и несколько его помощников, но тем не менее 15 мая 1591 г. царевича Дмитрия нашли с перерезанным горлом во дворе терема, где он жил вместе с матерью.

Всем, кто читал Пушкина, должно быть хорошо известно, что царевича Дмитрия убили по приказу Бориса Годунова. Пушкин написал своего «Бориса», следуя изложению Карамзина, а уж в «Истории» Карамзина тот действительно предстает таким романтическим злодеем шекспировского толка. Пушкин это еще более романтизировал. Ну а потом последовали Мусоргский, Шаляпин, и дело было сделано уже на века. Надо сказать, что Бориса Годунова считали убийцей или по крайней мере организатором убийства С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, Н. М. Карамзин — короче говоря, все наши авторитеты. Но самое интересное — то, что источники, которые являются причиной такого

взгляда, все возникли спустя примерно 15 лет после гибели царевича. Они сбивчивы, в деталях противоречат друг другу, все написано задним числом и излагают события буквально следующим образом (я коротко их изложу, чтобы у вас было представление). Царь Борис хотел в 1591 году известить царевича и сначала подсылал людей с ядом, но ничего не получилось. Тогда был отправлен тот самый Битяговский со своим сыном и племянником Никитой Качаловым, была подговорена мамка, которая ходила за царевичем. И вот в роковой день 15 мая в 12 часов дня, в яркий солнечный день на крыльцо терема забираются убийцы, ждут, когда царевич спустится вниз поиграть. Он спускается, и один из убийц спрашивает: «А что это у тебя, царевич, на шее? Старое ожерелье или новое?» Тот отвечает что-то, подымая шею, и тогда ему наносят удар по горлу, причем удар плохой, неверной рукой, гортань захвачена не сразу, надо дорезать царевича. Мамка начинает кричать, но почему-то ее собственный сын тоже помогает убийцам. Короче говоря, они убиты, пономарь бьет в набат, сбегается народ, выбегает царица, Мария Нагая, кричит: «Убили!» Разрывают на части Битяговского, который прибежал на крики, разрывают на части убийц.

стр. 88

Этот рассказ в разных вариантах начинает гулять, приблизительно с 1606 года, по бесконечному количеству русских рукописных сборников, рукописных текстов, хронографов и т. д. А почему он не появился там сразу, уже в 1591 году? Тут возникает вопрос: а не был ли Борис Годунов психически неполноценным человеком? Кому еще придет в голову устроить политическое убийство таким вот образом: в 12 часов дня, при огромном количестве свидетелей, абсолютно не подготовленными убийцами? Можно подумать, что Борис тут действовал не как политик, прошедший школу жизни при Иване Грозном, а как дилетант, вообще не знакомый с азами политической деятельности. В это мы с вами никогда не поверим. При Иване Грозном он насмотрелся на столько убийств, тайных и явных, на столько отравлений всех видов, что, думаю, пожелай он совершить что-либо подобное, царевич захворал бы и в нужный момент тихо умер естественной смертью. Вообще люди того времени были достаточно закалены и умели решать подобные проблемы, когда хотели.

Значит, сама нелепость подобного хода событий говорит против того, что излагается в этих бесконечных текстах. Либо Борис Годунов дурак, либо он умный. Если дурак, то да, так получилось; но он умный, значит, так получиться не могло.

Как мы знаем, весть о смерти царевича достигла Москвы через два дня, и сразу оттуда была направлена следственная комиссия во главе с Василием Шуйским, о котором мы с вами еще будем говорить. Комиссия расследовала обстоятельства смерти и буквально записала следующее: царевич, играя в свайку (вариант игры в ножички), неожиданно задержался в припадке эпилепсии, которой он был подвержен, и ножом, который был зажат у него в руке, нечаянно ударил себя по сонной артерии.

Это не самоубийство, это трагический случай. И комиссия пришла к выводу, что Нагие напрасно возвели обвинение на царских приставов, что Битяговский действительно был разорван толпой по наущению Нагих, что действительно были убиты и его сын Данила, и Никита Качалов, что ножи, вымазанные кровью, были следствию подброшены (потом выяснилось, что ножи мазали кровью на бойне). Короче говоря, было принято во внимание, что следствие пытались ввести в заблуждение и что имело место подстрекательство народа к бунту.

Царица Мария Нагая была тут же отправлена в далекий монастырь и пострижена в монахини; братья ее были разосланы подальше, а часть угличан, которые были уличены в преступлениях и убийствах, казнены. Следственное дело это напечатано, и его можно прочитать в том виде, в каком оно сохранилось. С. Ф. Платонов, разбирая обе версии, анализируя текст беспристрастно, пришел к выводу, что все-таки, пожалуй, ближе к истине результаты следствия Василия Шуйского. Конечно, он не вызывает никаких симпатий и доверять такому человеку лишний раз не следует, но Платонов находит в следственном деле так много наивных и естественных подробностей, которые нельзя было бы выдумать. И

нельзя не отметить, что все изложения этого события, обвиняющие Бориса, появляются только спустя 15 лет после случившегося.

Это событие сыграло колоссальную роль, но в то время оно прошло достаточно незамеченным, и вскоре даже место погребения царевича Дмитрия стали забывать. И когда его останки в связи с канонизацией надо было перенести в Москву, в Архангельский собор, то могилу не сразу отыскали.

Царь Федор в 1598 году умер бездетным; с его смертью пресеклась династия Даниловичей, как иногда называли московских князей, и, естественно, встал вопрос: кто должен наследовать московский престол? Москва сразу автоматически присягнула царице Ирине, но она отказалась царствовать и приняла постриг в Новодевичьем монастыре. Попытка бояр организовать присягу боярскому правительству, так сказать, демократическому, у Церкви успеха не имела, и тогда встал вопрос о Борисе Годунове, поскольку при царе Федоре он был фактическим правителем Москвы.

Борис отказался, и тогда временно, в течение 40 дней, пока не прошли сороковины по царю Федору, правил патриарх Иов с боярской думой, а потом был собран чрезвычайно представительный земский собор (около 500 человек), где было решено предложить трон Борису.

Борис несколько раз отказывался, но инициативой патриарха был склонен к согласию и царствовал с 1598 по 1605 год.

Борис вел разумную внутреннюю и внешнюю политику. Он стремился увеличить объем торговли, не хотел ни с кем воевать, пытался укрепить сельское хозяйство. Но ему катастрофически не везло. В 1601 году начался трехлетний голод в стране, который унес десятки тысяч жизней. Как действовал Борис в этих тяжелейших условиях? Во-первых, он организовал каменное строительство в эти годы по всей стране. Каменное строительство всегда хорошо оплачивается, люди могли заработать какие-то деньги. Во-вторых, когда цены на хлеб взвинтились так, что его стало невозможно купить, Борис открыл царские житницы и организовал выдачу хлеба. Более того: он не только организовал покупку хлеба там, где цены были относительно низки, и перевозку этого хлеба в районы наиболее страдающие, но по его просьбе на хлебный рынок была выброшена часть запасов Троице-Сергиева монастыря. У хлеботорговцев было совершенно четкое представление о том, что запасы эти буквально неисчерпаемы. И вот представьте себе, что этот богатейший монастырь выбрасывает часть своего хлеба на рынок по чрезвычайно низким ценам. Имеет место демпинг, как выражаются экономисты. Торгаши вынуждены цены снижать. Такую операцию Борис проделал несколько раз. Он боролся с голодом всеми доступными мерами, в том числе экономическими.

Урожай 1604 года голод прекратил, но, может быть, эта голодовка была последней каплей, напряжение достигло таких пределов, которых государство выдержать не могло. И вот приблизительно в начале стр. 89 1605 года возникает слух о Самозванце, о том, что где-то на западе, ближе к Польше, появился живой и здоровый царевич Димитрий. Причем первые отдаленные слухи прошли еще раньше. Борис умирает в апреле 1605 года, уже зная о Самозванце. Умирает скоропостижно: во время застолья у него пошла горлом кровь, и через несколько часов он умер, успев принять монашество. Трон был завещан его сыну, царевичу Федору, но если Борис умел держать бразды правления крепкой рукой, то царевич — видимо, очень хороший молодой человек — был явно не подготовлен действовать резко, энергично и не имел никакого авторитета. В это время Самозванец уже двинулся из северских городов к Москве, и когда стало ясно, что скоро он войдет в город, в Кремль приехали его сторонники-бояре, которые совершенно откровенно, нагло, не таясь, убили царя Федора Борисовича и его мать в Кремле. Убийство было абсолютно очевидным, поскольку никто и не думал скрываться. Ксению не убили, ее ждала другая ужасная судьба.

И вот в мае в Москву является Самозванец. До сих пор иногда решают вопрос, был ли он тем Гришкой Отрепьевым, о котором все знают. Вероятнее всего, да. И если он действительно Гришка Отрепьев, тогда он и впрямь мог побывать в Чудовом монастыре, но

монахом он не был. Он появляется в Москве как Дмитрий Иванович, провозглашается царем. Ему присягает Москва. Казалось бы, есть царь законный, есть законное правительство, но в этот момент сразу же творится следующее беззаконие: патриарх Иов изгнан. На его место сажают грека Игнатия, совершенно беспринципную личность, который угоден новому московскому царю.

Затем царь должен платить по счетам. Ведь его экспедиция снаряжалась на польские деньги, и ему нужно выполнять условия договора. Ему нужно вести соответствующую политику в отношении Польши, и он обязан заключить брак с Мариной Мнишек, знаменитой авантюристкой, которая якобы пленила его сердце, пока он еще находился в Сандомире в гостях у воеводы пана Мнишека. Пока Марина едет, надо утрясти, как они будут венчаться — по-католически или по-православному. Судя по всему, Лжедмитрий достаточно индифферентен и к католицизму, и к Православию, но в Москве лучше было в то время о католицизме не говорить, а поляки, естественно, не собираются «отдавать» Марину в Православие. Он пытается управлять страной, но это сложно, потому что уже идет слух о том, что он самозванец. Источником этого слуха был человек, который, конечно, лучше других знал, кто же все-таки был настоящий царевич Дмитрий. Василий Шуйский, избавившись от Бориса, понял, что Лжедмитрий уже сделал свое дело, и надо от него избавляться. Поэтому слух начинает быстро распространяться, но Самозванец показывает, что он тоже парень не промах: Василий Шуйский схвачен, уличен, осужден, приговорен, стоит на эшафоте в простой рубахе, кланяется народу и говорит, что терпит безвинно, погибает за московский народ. И тут Самозванец делает роковую ошибку — он его милует, и Василий Шуйский отделяется ссылкой. Таким образом, Самозванец уже приготовил себе судьбу, потому что такие люди, как Шуйский, да еще в те годы, умели использовать промахи своих противников.

Итак, в Москву приезжает посольство с Мариной Мнишек ровно через год после того, как воцаряется Лжедмитрий (опять май, но уже 1606 года). Ксению Годунову, которая весь этот год была наложницей Самозванца, отправляют на север, в женский монастырь — теперь надо соблюдать приличия. По случаю свадебных торжеств объявлена амнистия государственным преступникам, и государственный преступник Василий Шуйский тут же возвращается в Москву. Идут свадебные торжества, поляки пьянствуют, задирают нос, оскорбляют москвичей, а москвичи терпеть не могут поляков-католиков. Напряжение нарастает, и вот чуть ли не через неделю после свадьбы, когда свадебные торжества еще продолжаются, ночью в ворота Кремля на белом коне с крестом в руке въезжает Василий Шуйский со товарищи. Подмосковные полки идут за ним и за князем Голицыным.

Когда Самозванца будят в его спальне и докладывают о происходящем, он размахивает саблей и кричит: «Я вам не Борис!». Он действительно не Борис. Поэтому он убит тут же, в каких-то теремных переходах, а Марина, выскочив из кровати, прячется под юбками своих фрейлин. Ее не убили, а отправили в Ярославль. Труп Самозванца выброшен на площадь, как сравнительно недавно было выброшено и тело Бориса Годунова. Потом его где-то в районе современных Сокольников закапывают у какой-то церковной ограды. Выясняется, что место — нечистое, там являются какие-то призраки, поэтому его срочно выкапывают, сжигают, а пепел выстрелом из пушки развеивают по воздуху.

Казалось бы, тут и смуте конец: борьба за власть между группировками бояр, интриговавших против Бориса, а потом против Лжедмитрия, кончилась. Но земский собор собрать в этих условиях еще нельзя. Да Василию Шуйскому и не нужен земский собор, потому что земцы вполне были согласны с кандидатурой Бориса Годунова, а Василий Шуйский не пользовался авторитетом, несмотря на свое происхождение (он Рюрикович). Поэтому организуются, что называется, массовые выкрикивания из толпы, и на Красной площади вопят: «Хотим царя Василия!»

И Василий становится царем. Он избран на митинге, сугубо демократическим способом, но совершенно очевидно, что авторитета у нового московского царя не много. И действительно, последующие четыре года показывают, что этот царь царствует номинально,

а уж управлять вообще не может. Правда, он сразу делает вполне естественный шаг: патриарх Игнатий, ставленник лже-Дмитрия, тут же убран, и его место занимает митрополит Казанский Гермоген, который сыграет большую роль во всех последующих событиях. Шуйский добрался до власти, но этого мало: надо еще уметь властью пользоваться. Вот тут он сделать ничего не может.

Некто Молчанов, один из пособников убитого Самозванца, бежит в Польшу и уже по дороге, видимо, обдумывает вопрос: как по-новому раскрутить этот традиционный ход? Сам он, правда, самозванцем стр. 90 быть не хочет и ищет кандидатуру, которая на это согласилась бы. Занятие это довольно опасное, и Молчанов понимает, что жизнь все-таки дороже. Но уж больно здорово получилось в первый раз, почему бы не попробовать и во второй? Находится какая-то малопонятная личность, чье имя неизвестно. И опять: польская граница, северские города, Путивль, воевода Шаховской, который готов на что угодно, лишь бы навредить царю Василию, плюс знаменитый Болотников. Иван Болотников был слугой или холопом князя Телятевского. Он воевал с татарами, попал в плен, попал в Турцию, греб на галерах его величества султана, каким-то образом бежал с этих галер, попал в Италию, в Венецию, оттуда стал перебираться обратно поближе к родине, но тут уже не испытывал судьбу на море, а добирался посуху, потому ему пришлось переезжать Польшу. Там он попался на глаза Молчанову, и тот его переслал к Шаховскому.

Болотников не изображал из себя самозванца — он просто устроил бунт. И вот что получается: с одной стороны к Москве идут бунтовщики Болотникова («крестьянская война под предводительством Ивана Болотникова» — так этот базар именовался в учебниках по истории СССР), с запада начинает двигаться какая-то новая сила под названием «Самозванец» во главе со спасшимся в очередной раз чудесным образом «царевичем». А в Рязани поднимается дворянство во главе с Прокопием Ляпуновым, которое очень недоволено политикой царя Василия, потому что власти нет, порядка нет, государственность падает, страну раздирают на части все кому не лень. А дворянство, служилое сословие, порядка хочет: оно привыкло к порядку, поддерживало всегда порядок, поэтому оно — наиболее заинтересованная в нем часть населения.

И вот к Коломенскому подходят Болотников и отряды рязанцев во главе с Прокопием Ляпуновым. На какое-то время между ними имеет место альянс, но скоро Ляпунов и его дворяне понимают, что лучше быть с Василием, чем с Болотниковым, потому что последний жаждет только одного: экспроприации экспроприаторов, т. е. впереди только грабеж, только насилие — и больше ничего. В таких случаях надо выбирать из двух зол, и Ляпунов переходит на сторону правительственных войск. Болотников благодаря этому разбит, бежит в Калугу, в Тулу, где его хватают и, увезя в Каргополь, казнят.

Кажется, можно вздохнуть свободно. Но тут уже возникает Лжедмитрий II. Мы не знаем его имени, но знаем прозвище: «тушинский вор». «Воровать» на русском языке XVII века означает «делать неправду», поэтому воровство есть обман, грабеж, просто утверждение какой-то неправды, даже на словах, измена, в том числе государственная. И вот народ называет эту личность вором, потому что правды там быть, конечно, никакой не может. Он со своими отрядами казаков, которые хотят грабить все что только можно, подходит к Москве и останавливается в Тушино (поляки поддерживают его уже совершенно открыто).

Взять Москву он не может. Москва — это тройной ряд стен: Белый город, Китай-город и Кремль, это не под силу тушинцам. Но он может грабить почти безнаказанно почти все города средней России и Верхнего Поволжья, что он и начинает делать. Отстоять эти города Василий Шуйский не может, выгнать вора из Тушино — тоже. Начинается противостояние, которое продолжается с 1608 по 1610 год. У Шуйского остается только одна надежда — пригласить каких-нибудь помощников со стороны бороться с тушинцами. Для этого командирован в Швецию его племянник Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Ему 22 или 23 года, он блестяще проводит переговоры, нанимает профессионалов, в Новгороде появляется небольшое шведское войско, начинается обучение русских добровольцев. И вот

это войско в 1609 году начинает двигаться из Новгорода в Москву.

Но пока это все происходит, разграблены практически все наши города — Владимир, Ростов, Суздаль и т. д., везде рыскают банды казаков, тушинцев, поляков, беглых «деятелей» Болотникова. Никакой власти, каждый сам за себя.

Осенью 1608 года тушинцы начинают осаду Троице-Сергиевого монастыря. Они знают о его богатствах, о его казне. К тому же, это близко от Тушино. В монастыре оказалось в осаде приблизительно 2,5 тысячи человек — несколько сот монахов, крестьяне, бежавшие из окрестных деревень, и те паломники, которые в этот момент оказались в монастыре. Среди них была Ксения Годунова. Постоянно вело осаду монастыря 15 тысяч человек. Она продолжалась до 1610 года, пока не была снята подошедшими отрядами Скопина-Шуйского. За время этой осады практически все, кто находился в монастыре, погибли. Когда осада была снята, там оставалось в живых 200 с небольшим человек.

У нас на Руси помнят осаду Севастополя, блокаду Порт-Артура, Ленинградскую блокаду. Но первой такой страшной блокадой была осада Троице-Сергиевого монастыря. Эта осада, когда приходилось рыть подкопы, отражая подкопы тушинцев, когда приходилось устраивать вылазки, сражаться на стенах, сбрасывая все новые лестницы, — эта осада стала как бы знаменем борьбы простых русских людей против всей этой нечисти, которая обрушилась тогда на Россию. И пример этой обороны значил чрезвычайно много. Это был как бы якорь, который держал всю Россию. Знаменитый келарь Троице-Сергиевого монастыря Авраамий Палицын написал потом подробнейшую историю этой осады. Там описываются некоторые периоды по дням, а битвы всегда называются по месту, где они происходили: например, «битва в капусте», потому что сражались на монастырских огородах. Читать это очень интересно.

И вот осада снята. Скопин входит в Москву, тушинцы бегут. Тушино разорено, сожжено самими тушинцами, и Шуйский может вздохнуть спокойно. Наконец-то какое-то регулярное войско, полководец, который не проиграл ни одной битвы. Страшное позади.

Но в апреле скоропостижно умирает Скопин-Шуйский, ему 24 года, и все говорят о том, что он попросту отравлен. Здесь Василия Шуйского не надо винить — он обожал своего племянника и рассчитывал, что оставит ему царство. Говорили о том, что отравил его Дмитрий, брат Василия Шуйского, человек стр. 91 скудоумный и очень гордый. Может быть. А может быть, его жена — дама, которая была на многое способна. Трудно сказать. В это время к Москве уже движется польское войско. Оно под Вязьмой. Навстречу выходит русское войско, но во главе его не Скопин-Шуйский, а Дмитрий Шуйский. В битве при селе Клушино русское войско разбито наголову, и поляки подходят к Москве. Создается ополчение, и вот летом 1610 года брат Прокопия Захар Ляпунов в Кремле сводит с царства царя Василия. Он вынужден уехать на свой собственный боярский двор, а потом его на всякий случай постригают насильно в монахи. Он сам молчал во время пострига, а все положенные слова произносили за него, и хотя патриарх Гермоген не признал этого пострижения, т. к. оно было насильственным, тем не менее Василий Шуйский сходит с политической сцены.

А кто приходит — ополченцы, Ляпунов? Они пришли не одни — с казаками. И вот они сразу пытаются устроить нечто вроде временного правительства. Это не земский собор, но все-таки собрание представителей служилого сословия, где решают, что надо делать. Если прочитать договор, который был написан в 1609 году, то совершенно очевидно, что дворянство не желает никаких казаков, никаких поляков, оно хочет одного — порядка. Нужен человек, который все возглавит.

Патриарх Гермоген уже тогда говорил о Михаиле Романове, сыне митрополита Ростовского Филарета (это тот самый Федор Никитич Романов, который во времена Бориса Годунова был сослан и пострижен в монахи с именем Филарет). Но в Кремль входят поляки, их приветствует боярство. Начинается самый отвратительный период управления страной, который называется «периодом семибоярщины». Несколько бояр и близких к ним людей воображают, что они могут править страной, при этом хорошо понимая, что им никто не

собирается подчиняться.

Срочно вырабатывается план: подыскать подходящего монарха, который бы царствовал, но не правил. И вот в эти высокоодаренные головы входит мысль о том, что надо пригласить на московский престол сына польского короля Сигизмунда — Владислава. Сигизмунд был не поляк, он был швед. Его самого когда-то выгнали из Швеции, но он сумел устроить так, чтобы его избрали на польский престол. Чтобы понравиться полякам, он поощрял изо всех сил и униатов, и иезуитов, и фанатиков. И вот его сына Владислава прочат в московские цари. Конечно, прежде он должен был принять Православие — это очевидно. Конечно, он не должен никого казнить, наказывать, возвышать — все будут делать бояре.

Поляки сидят в центре Москвы, в Кремле, вместе с боярами; Смоленск с 1609 года осажден поляками, которые нарушили всякие перемирия. Там постоянно находится русское посольство с митрополитом Филаретом, которое пытается что-то делать. А здесь анархия. Казаки и ляпуновское ополчение пытаются поляков выкурить из Москвы, но поляки сжигают всю Москву, кроме Кремля, чтобы легче было обороняться. В боях в Китай-городе был тяжело ранен участник ополчения князь Дмитрий Пожарский. Прокопий Ляпунов вскоре будет убит казаками — они не простят ему желания навести порядок в стране, казаки порядка не желают. Он будет вызван на казачий круг и зверски убит. И все — конкурентов уже нет, нет инициативных людей.

И в этот момент наступает час патриарха Гермогена. Он находится сначала на положении полуарестованного, не может выйти из Кремля, но ему еще дают служить в Успенском соборе. Потом режим его содержания все ужесточается, и наконец его просто заточают в подвалах Чудова монастыря. Но и в то время, когда он еще мог свободно служить, и в то время, когда он уже заточен, он находит способы рассылать грамоты по русским городам, где пишет следующее: казаки — изменники, никаких поляков на московском престоле, ни в коем случае не избирать сына Марины Мнишек от «тушинского вора». И вот фактически он один противостоит и «семибоярщине», которая хочет заставить его признать Владислава, и тем, кто присягал Владиславу, и тем, кто просто жаждет усиления анархии. И именно его голос, его мнение играют совершенно особую роль. После его грамот действительно начинается волна национального подъема по стране, и тогда земский староста Козьма Минин в Нижегородском соборе обращается с призывом собирать деньги на ополчение, на освобождение страны, Москвы от захватчиков, насильников, воров.

Отчасти всему этому помог сам Сигизмунд. Казалось бы, дело было сделано: Владиславу уже кое-кто даже присягал. Но ему в этот момент захотелось, чтобы не Владислава избрали на московский престол, а его, Сигизмунда. Как выяснилось в дальнейшем, кусок был чересчур велик. Такой умный, серьезный и одаренный человек, как гетман Жолкевский, победитель при Клушино, который сделал все, чтобы утвердить поляков в России и организовать избрание Владислава, как только получает соответствующую инструкцию своего короля, тут же слагает с себя все обязанности и уезжает в Польшу: он прекрасно понимает, что сделать уже ничего не удастся.

Продолжается осада Смоленска, и он будет взят поляками, когда уже фактически не останется в живых ни одного защитника и некому будет стоять на стенах, в проломах стен. И когда воевода Шеин попадет в плен, то поляки его начнут пытать, чтобы он объяснил, как это удалось так долго оборонять город.

Начинается второе ополчение, во главе которого встает Козьма Минин как организатор и Дмитрий Пожарский, которого уговорили возглавить ополчение как человека военного. Оно движется чрезвычайно медленно — мало денег. Ополченцы к тому же не регулярная армия, и когда они осенью 1612 года подходят к Москве, то патриарха Гермогена уже нет в живых, он умер в январе 1612 года от голода в заточении в Чудовом монастыре. Но уже для всех очевидна тщетность попыток и Владислава, и Сигизмунда; для всех уже очевидна предательская деятельность бояр.

И вот ополчение у стен Москвы, но в это время к Москве подходит обоз и небольшой отряд поляков гетмана Хаткевича. Дело в том, что первое ополчение держало поляков в

осаде, и они там сильно стр. 92 голодали. Начинается битва, она идет на территории современного Замоскворечья; ополчение не может разбить поляков, профессионалов; казаки, которые были вместе с ополчением, в бою не принимают участия, они пьянствуют в своем лагере. И вот тогда там появляется Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиевого монастыря. Что он говорил казакам, сказать трудно: сулил ли он им золотые горы, или обещал отпустить им немалые грехи, или взывал к их национальным чувствам, или, наоборот, объяснял, что в польском обозе очень много добра (может быть, как раз последний довод сыграл решающую роль), — короче говоря, казаки неожиданно бросаются в битву, и поляки разбиты.

После этого все остальное — дело времени и техники. Очень быстро взят Китай-город, а дальше поляки вынуждены капитулировать в Кремле. Они двумя полками выходят из разных ворот. Один полк, вышедший на ту сторону, где его принимали казаки, пострадал больше: казаки в прямом смысле слова раздели поляков догола. Те, которые вышли к ополченцам, не пострадали, над ними смилоствивились, потому что они были сильно голодны. Это стало ясно, когда ополченцы вошли в Кремль: они увидели еще кипевшие котлы, где варилась человечина. Поляки занимались уже не первый день каннибализмом. Кремль был превращен в гигантскую помойку, была расхищена вся казна, которая там находилась, все было расплавлено, изгажено, продано, пропито, проедено, были осквернены соборы, иконы, закопчены и загажены терема, дворцы, всюду валялись непохороненные тела. Вообще это был ужас. Вот так просвещенная Европа себя обычно и вела. И если в 1612 году европейцы поляки занимались каннибализмом, то через 200 лет нечто подобное проделали в Москве французы, когда в кремлевских соборах ставили лошадей, когда в алтарях наполеоновские просвещенные маршалы устраивали свои штабы, а в Успенском соборе стояла плавильная печь, где переплавлялось все, что было похоже на золото.

Итак, поляков выгнали, и сразу руководство ополчением рассылает по всем городам грамоты с требованием прибыть в Москву на собор, который должен подвести всему итоги. Этот собор действительно открывается в начале 1613 года, и всем очевидно, что собор должен не мешкая решить вопрос о новом московском царе, начав новый отсчет времени. Причем сразу становится ясно, что нельзя обсуждать вопрос о монархах, приглашенных со стороны, или о «воренке», сыне Марины Мнишек (судьба его была ужасна: его казнили, несмотря на то, что он был младенцем, так же, как казнили, естественно, и мать, и всех, кто был причастен к этой истории). Круг кандидатов сужается, и тогда какой-то донской казачий атаман и какой-то дворянин предлагают кандидатуру Михаила Романова. Скоро становится ясно, что эта кандидатура устраивает всех. Во-первых, на Михаила Романова неоднократно указывал еще патриарх Гермоген. Во-вторых, он ближайший родственник Ивана Грозного по линии его первой жены (царица Анастасия была Романова). В-третьих, он в свои 13–14 лет не участвовал ни в каких гнусностях Смутного времени и вообще ничем не запятнан. В-четвертых, его отец, митрополит Ростовский Филарет — первый и единственный кандидат на патриарший престол, и хотя он и находится в плену, но не век же ему там быть. И действительно, все эти факторы делают свое дело, и Михаил Романов избран царем. Но когда делегация собора прибывает в Кострому, то мать Михаила, инокиня Марфа, отказывается напутствовать сына на царство, и ее материнские чувства понять можно. Надо полагать, она объяснила боярам, что хорошо знает, как в Москве поступают с царями. Тем не менее, ее уговорили.

Остается добавить несколько слов о событии, о котором все у нас слышаны, — об истории, связанной с Иваном Сусаниным. У нас долгое время считали, что это красивая легенда, Н. И. Костомаров даже написал целую работу, доказывая, что это миф. На самом деле мифа никакого не было. Под Костромой были вотчины Романовых. Когда в Москве стало известно, что избран новый царь, причем избран собором, стало очевидно, что будет установлен порядок, а раз так, придет конец бандам насильников и грабителей. У нас умели наводить порядок в те времена. И тогда какая-то банда отправляется под Кострому убивать кандидата в цари, — понятно, почему: чем больше беспорядка, тем больше разгульной

свободы. Состояла ли эта банда из поляков, судить не берусь. Вероятнее всего, как раз поляков там было мало или не было совсем. Там была голытьба самого темного происхождения. И вот они, не найдя Михаила, напоролись на Сусанина, который вызвался проводить их, куда надо. И отвел. И погиб. И память об Иване Сусанине сохранилась в нашем народе. Опера Глинки называлась не «Иван Сусанин», а «Жизнь за царя». Сейчас это название ей вернули.

Лекция 18

XVII ВЕК. ОБЩИЙ ОБЗОР

1. — Управление страной после смуты. 2. — Обзор царствования Алексея Михайловича. 3. — Церковь и государство в царствование Алексея Михайловича. 4. — Приказная система. 5. — Социальный строй общества.

На сегодняшнем занятии я постараюсь ориентировать вас на те темы по XVII веку, которые вам надо будет особенно тщательно проработать по С. Ф. Платонову; постараюсь дать их обзор и ответу на вопросы о том, что будет на экзамене.

Итак, XVII век. Если формально подойти к истории этого столетия, то надо разобрать два царствования — царя Михаила Федоровича и его сына царя Алексея Михайловича. Проблем здесь особенных стр. 93 как будто не предвидится, но эта поверхностная ясность и очевидность на самом деле скрывают колоссальные сложности, которые открываются перед всеми, кто серьезно хочет исследовать это время.

Дело в том, что XVII век чрезвычайно обилён не только событиями, как любое время, но и источниками, которые в полном объёме рассмотреть не просто, а установить взаимосвязи, собрать мозаику событий, попытаться воссоздать ход исторического процесса — задача чрезвычайно сложная. Поэтому обычно, когда речь идет о событиях XVII века, вычленяют основные темы.

Первая тема — деятельность правительства в период до возвращения митрополита Филарета из плена (1613–1619 годы). Это всего 6 лет, но мы увидим, что в этот период практически не расходится Земский собор, происходит только ротация его депутатов в 1615 году. Представители земщины играют здесь чрезвычайно большую роль, но все это время посвящено в прямом смысле слова латанию дыр, и особых результатов нет.

Это время чрезвычайно тяжелое для России, показателем чего являются довольно частые случаи, когда дворяне сознательно и добровольно переходят в холопство, т. к. будучи холопами какого-то боярина, они будут накормлены и спасут свою жизнь. Трудно оставаться просто дворянами, не имея средств к существованию, потому что казна пуста, мужики разбежались, а имение пропало разорено, отнято. Поэтому здесь мы можем говорить о разрухе в стране, о попытках наведения какого-то порядка, и только с возвращением митрополита Филарета, который сразу по возвращении возводится на патриарший престол, начинается какая-то более или менее продуманная работа по организации государственного управления, налоговой системы, по восстановлению каких-то норм суда. Поэтому здесь говорят о правлении митрополита Филарета.

Очевидно, что с 1613 по 1619 год, когда патриарх умер, его сын Михаил Федорович был в тени. И хотя его имя в указах всегда стояло на первом месте, отец, выдающийся администратор, играл первостепенную роль.

Здесь надо сказать, что нового ничего не изобретали, восстанавливали хорошо забытое старое — приказную систему. Но надо помнить, что приказы никогда не были какой-то

омертвелой формой. Количество их могло увеличиться, могло сократиться в зависимости от потребностей. Затем было восстановлено местное самоуправление. Этот акт был направлен на пресечение всяких несправедливостей, лихоимств, которые творили воеводы. Но если в Смутное время грабили все и, строго говоря, жизнь зависела от того, сумеешь ли ты что-нибудь наgrabить, то и потом воеводы практически самовластно распоряжались в тех городах и местностях, куда были назначены, и творили всякое бесчинство. Попытка навести порядок и выражалась в том, что появилось самоуправление в виде старост, которые сосредоточивали в своих руках и суд.

Бесспорной новацией является создание полков иноземного строя. У нас войско состояло из дворянской конницы и ополчения. Дворянская конница была более организованной, а ополчение созывалось в зависимости от обстоятельств. Но дворянская конница в то время не представляла собой серьезной боевой силы. Учитывая положение дворянства, совершенно очевидно, что она и не могла быть боевой силой, поскольку даже на смотрах, куда полагалось приходиться с людьми, с конями и оружием, дворяне не могли представить ни того, ни другого, ни третьего. А те, кто был в состоянии это сделать, старались избегать этих смотров под предлогом общего разорения. Именно тогда в среде русского дворянства и родилось выражение: «Дай Бог великому государю служить, а сабли из ножен не вынимать».

Стало очевидно, что столкновение с шведами или поляками дворянская конница проигрывала вследствие своей неорганизованности, невывученности, и те способные люди, которые все-таки были в ее рядах, не могли повести за собой всю массу спонтанно собранного люда. И вот заводят войско иноземного строя, и это постепенно приносит плоды.

Затем приглашают из-за границы людей, которые обещают найти руды — золотые, железные, медные; ищут их, правда, в таких экзотических местах, как Тверская губерния, и, естественно, ничего не находят, но иногда делают дело серьезно. Так, иностранец Виниус становится владельцем Тульского завода, и именно Тула становится фактически основой будущего военно-промышленного комплекса нашей страны. Потомки Виниуса всегда жили в России.

Здесь мы видим какие-то новации, очень практические, без особо широких замыслов. Смерть патриарха Филарета способствует перестановке интересов, расстановке определенных приоритетов, усилению типичной придворной интриги. В это время Шеин осаждал Смоленск — тот самый легендарный воевода, защитник Смоленска, который попал в плен к полякам только потому, что уже не осталось в живых защитников города. Он вместе с патриархом выдержал плен, вернулся в Россию и вновь как воевода Смоленска был отправлен добывать город у поляков.

Осада русским войском Смоленска продолжалась 8 месяцев, но взять его не удалось. В это время подошла рать с польской стороны, русские войска были окружены в собственном лагере, и тогда Шеин, вынужденный думать и о людях, вступил в переговоры с поляками. Он сдал обоз и пушки, но сохранил людей и вернулся в Москву. Патриарха Филарета уже не было в живых, и Шеин был тут же обвинен в государственной измене и казнен. Эта история достаточно ярко характеризует нравы, в общем-то, любого двора, интриги, когда люди, которые не стремятся взваливать на себя ответственность, пытаются быть судьями и выносить наиболее жестокие приговоры. Конечно, изменником Шеин не был. Эта история показывает, как непрочна была в это время царская власть, потому что, естественно, ни о каком расследовании речи просто не было.

стр. 94

Итак, умирает Михаил Федорович, и на московский трон вступает его 16-летний сын, знаменитый «тишайший» русский царь Алексей Михайлович. Не буду пересказывать С. Ф. Платонова — может быть, страницы, посвященные Алексею Михайловичу, из лучших во всем курсе лекций, — скажу только, что этот действительно замечательный русский монарх столкнулся с колоссальными проблемами.

Во-первых, московские и провинциальные бунты, направленные против

представителей администрации, начавшиеся практически сразу после его воцарения, — бунты посадского населения. В результате был сослан всеильный временщик Морозов, и в 1648 году начал работу земский собор по составлению «Соборного уложения». Это, может быть, было одним из первых важнейших событий царствования царя Алексея Михайловича. Не успели разобраться с новым российским законодательством, не успели ввести его в обиход, как на повестку дня встает вопрос о воссоединении Украины с Россией. Строго говоря, вся первая половина XVII века — это непрерывные неофициальные контакты православного населения Украины с Москвой, поскольку там испытывают жесточайшие притеснения со стороны поляков — не только национальные и социальные, но и религиозные. И вот в середине XVII века, как мы знаем, фактически начинается война казаков и украинского населения против Польши, и Россия вынуждена решать вопрос: если мы соединяемся с Украиной, то это означает войну с Польшей, т. к. иначе этот вопрос разрешен не будет. До середины XVII века мы всячески стараемся уклониться от воссоединения Украины с Россией, потому что выдержать войну с Польшей было, вероятно, невозможно.

Но вот Россия уже накопила какие-то возможности и материальные ресурсы, и, в общем-то, было отлажено государственное управление. Начинается победоносная война с Польшей, результат которой известен: возвращаются исконно русские земли, совершенно иным становится положение населения, которое хотя бы частично остается на польской территории. Тема воссоединения Украины с Россией обнимает и то, что происходило на Украине, и непосредственно земский собор, и Переяславскую раду, и походы Хмельницкого, и, наконец, русско-польскую войну, которая последовала автоматически после земского собора середины XVII века. Уже этого — «Соборного уложения» и украинско-польской проблемы — хватило бы на любое царствование. Но именно царю Алексею Михайловичу, царю чрезвычайно набожному в самом лучшем смысле этого слова, пришлось столкнуться еще с одной проблемой — расколом.

У нас, к сожалению, достаточно широко распространена точка зрения, что патриарх Никон в своей деятельности, руководствуясь исключительно благими целями, был не понят, оклеветан, сослан — следовательно, почти мученик, и за этим его личным подвигом все остальное куда-то исчезает. Но это точка зрения совершенно не историчная. Я вовсе не собираюсь анализировать здесь личность патриарха Никона — он был истовый, честный человек, настоящий монах, и в этом отношении двух мнений быть не может. Но он был патриарх — если хотите, второе лицо в государстве, и его деятельность должна оцениваться именно с этих позиций.

И вот представьте себе: только-только Россия обрела какой-то покой, только-только восстановлена система управления и заработали администрация, приказная система, суд, было создано новое законодательство, обнимающее практически все стороны жизни, достигнуто единство страны уже не формально, а по существу. И в этот момент население совершенно бессмысленно раскалывается пополам — на две партии, причем в вопросе, который вообще лучше не трогать, — вопросе религиозном, церковном, а следовательно затрагивающем каждого русского человека. И вот здесь приходится говорить о том, что раскол, который был создан совершенно искусственно, во многом, как это ни печально, «заслуга» патриарха Никона. На эту тему мы будем говорить более подробно в одной из следующих лекций.

Существуют традиционные вопросы, которые вам тоже будут предложены по XVII веку: Стенька Разин, походы в Сибирь русских казаков, начало или, если хотите, продолжение колонизации Сибири. Тут никаких особых проблем не возникает, если только не обращать внимания на следующее. История Разина имеет как бы два уровня. Сначала это чисто казачьи дела, когда казаки попросту грабили — это начало движения. А потом оно было поддержано уже землей, мужиками, которые грабили помещичьи усадьбы, и этот бунт во второй своей стадии действительно сотрясал Россию. Не думаю, чтобы личность Разина кого-то особенно привлекала. Начало его деятельности было традиционным: грабеж в устье

Волги и вдоль Иранского побережья Каспийского моря. Это приблизительно то время, когда флибустьеры, или королевские пираты, грабили испанские поселения Центральной Америки. Цели тут вполне совпадали. Поэтому когда говорят о том, что Разин выражал какой-то протест, то можно возразить, что он им скорее пользовался.

Теперь остается разобрать вопрос: что собой являла приказная система, каков был социальный строй общества, а также вопрос о западном влиянии.

Приказная система — это система управления, построенная по территориально-отраслевому принципу. Зародилась она достаточно давно, стала отлаженным государственным институтом уже в XVI веке и была восстановлена достаточно адекватно в XVII столетии. Отраслевое управление соединялось с территориальным, и это создавало определенные сложности.

Например, Посольский приказ ведал внешней политикой, Дворцовый приказ — дворцовым хозяйством, Разрядный приказ — разрядами службы дворянской. А, скажем, приказ Казанский управлял всем Поволжьем. Естественно, все дела, касавшиеся Поволжья, будь то дела дворянские или какие-то еще, относились к юрисдикции этого приказа. Разбойный приказ — министерство полиции того времени — понятно чем занимался.

стр. 95

У каждого приказа были фактически свои судебные функции, и, следовательно, структура государственного аппарата была очень сложной. Что касается злоупотреблений, их было, как и всегда в государственном аппарате, очень много.

Что касается социального, сословного деления общества, то здесь легко понять, что пирамида начиналась с крепостных крестьян, которые были у помещиков и бояр. В это время помещичья и боярская вотчины начинают сливаться. Были холопы — совершенно бесправные люди, которые, в отличие от крепостных, не имели собственной земли. Были крестьяне черносошные, которые платили государственные подати; они были прикреплены к земле, но не за каким-то определенным лицом. Было посадское население, состоявшее из ремесленников и купцов; было духовенство — тут своя иерархия, естественно. Наконец, дворянство — служилое сословие, не платившее тягла (налогов). Боярство становится уже не сословием, а должностью. Боярин — это должность в то время, и скоро последуют указы об отмене местничества при Федоре Алексеевиче. И, наконец, сам монарх. Было ли у нас самодержавие? Да, было. Но был ли абсолютизм в это время? Этот вопрос, который иногда задается, можно, вероятно, разрешать по-разному. Но мне кажется, что следует говорить о том, что была, во-первых, боярская дума, был освященный собор, был земский собор. Земские соборы собирались чрезвычайно часто в первой половине XVII века и постепенно сошли на нет во второй половине. Следовательно, здесь можно говорить не об ограничении царской власти на основании каких-то законов, а скорее о каком-то единении царской воли с волей представителей земства, боярства, духовенства — т. е. о выработке каких-то компромиссов на благо страны, на благо общества. Здесь можно говорить об элементах какой-то гармонии, которая была залогом крепости нашего государства. Поэтому говорить о власти русского самодержца как о власти абсолютистской я бы не стал.

Наконец, нужно еще несколько слов сказать о западном влиянии. В XVII веке оно прослеживается с самого начала, поскольку Смутное время — это непрерывная война с поляками, и, как всегда это бывает, через быт, обычаи, язык на нас действует культура соседнего государства. Этот процесс неизбежен. Россия всегда удивительным образом впитывала в себя бытовые и культурные новшества, приходившие с Запада, перерабатывала их и создавала на этом основании свою неповторимую культуру. Какую бы область государственной жизни мы ни взяли, везде появляются постепенно через Украину новации — в быту, в управлении, в организации войска, в культуре (скажем, книгопечатание); мы все время это ощущаем. И в результате такой переработки западного влияния уже в конце XVII столетия возникает неповторимая культура русского барокко, которая впоследствии достигнет удивительного расцвета.

Петр I — не тот человек, который повернул нас к Западу, он сам — порождение того

переворота, который произошел фактически уже до него. Это надо понять, и тогда у нас не будет деления на Русь допетровскую и петровскую, как у нас иногда любят говорить. Петр — не какое-то искусственное явление в русской истории, наоборот: его деятельность есть логический результат всего того, что было сделано в XVII веке, естественное продолжение. Поэтому, мне кажется, вопрос о западном влиянии надо рассматривать более углубленно, и не только в отношении того, что бояре стали носить польские усы, а дамы иногда надевать какие-то польские одежды. И дело не в том, что Василий Васильевич Голицын говорил по-латыни очень бегло или на Руси стали распространяться немецкие гравюры. Я думаю, что это происходил естественный, огромный, очень важный процесс, который набрал особенно сильные обороты при Петре, а потом, когда все это уже было переработано русским организмом, русской душой, явилось новое замечательное явление — русская культура XIX века, культура абсолютно самобытная, которая дала нам совершенно особенные возможности. До известной степени все наше современное достояние — это результат того, что сделали наши предки в XIX веке.

Теперь об экзаменах. Вопросов — 90. В каждом билете три вопроса. Часть вопросов традиционна: крещение Руси, какая-нибудь война, феодальная раздробленность. Тут все просто и понятно. Второй цикл вопросов сводится к каким-то общим местам: например, как раскрыть понятие об истории как науке. У С. Ф. Платонова это, кстати, блистательно разобрано, поэтому в билете так и будет указано: по С. Ф. Платонову. Или, скажем, обзор основных источников по русской истории — тоже по С. Ф. Платонову. Значение природного фактора — это по В. О. Ключевскому. Что такое норманская теория? Значение принятия христианства. И, наконец, вопросы, которые для некоторых студентов составят определенную сложность, если вы сейчас не начнете к ним готовиться. Это вопросы, которые будут требовать от вас знания текстов «Русской правды», «Сказания о Борисе и Глебе», «Повести временных лет», «Жития Александра Невского», «Поучения Владимира Мономаха», «Владимирского Собора 1274 года» (я об этом рассказывал), «Повести о разорении Рязани Батыем», «Послания старца Филофея», «Судебника» 1497 года, сочинения Андрея Курбского, источников по истории смуты (С. Ф. Платонова посмотрите — мне нужна характеристика этих источников), «Соборного уложения».

Вопросы, которые также будут вас волновать: польско-литовская уния, Брестская уния, «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о нашествии Тохтамышша», «Церковный устав» князя Ярослава, внешняя торговля в XVII веке.

стр. 96

Лекция 19

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ

1. — Причины создания Соборного уложения 1649 года. 2. — Работа по составлению Уложения. 3. — Значение Соборного уложения как юридического памятника. 4. — Преамбула и источники. 5. — Содержание глав. 6. — Программа курса.

Сегодня нам предстоит заняться «Соборным уложением» 1649 года [24]. Не буду высказывать здесь каких-либо оригинальных мыслей. Нам надо постараться успеть зафиксировать хотя бы самые общие вещи, которые полезно знать всякому, кто хоть немного

интересуется русской историей.

«Соборное уложение» — это законодательство, созданное в середине XVII века, которое возникло в довольно любопытный момент. Вы помните, что первые 10–20 лет правления Михаила Федоровича страна пыталась восстановить то, что уничтожила смута: систему управления, систему хозяйствования (то, что сейчас мы называем экономическими связями), войско и т. д. Удавалось все это плохо, и показателем тяжелейшего экономического положения страны, тяжелейших проблем в обществе явились многочисленные факты, когда дворяне уходили в холопы — совершенно сознательно, потому что не видели иного способа прокормиться.

В середине XVII века ситуация стала меняться, но вместе с тем она не подкреплялась разработанным законодательством, и несмотря на весьма активную законотворческую деятельность правительства Михаила Федоровича, систематизированного законодательства не было, приходилось совмещать вновь изданные законы с судебниками XVI и даже конца XV столетий. Естественно, возникала масса противоречий и самых невероятных казусов, что приводило к злоупотреблениям. Поэтому когда начались волнения в 1648 году (причем они во многом были связаны не только с «черным людом», как тогда выражались, но и с привилегированным сословием — дворянством), то именно дворяне стали подавать челобитные о том, чтобы было создано новое законодательство, новая «уложенная книга, по которой все дела можно вершить».

И вот тогда был созван земский собор. В самом этом факте не было ничего нового, т. к. земские соборы собирались регулярно. В первые годы правления Михаила Федоровича земский собор попросту не расходился: он работал вплоть до 1622 года, только меняя состав. Потом земские соборы также собирались достаточно регулярно. И вот земский собор собрался 18 июля 1648 года. Точные даты необходимы, чтобы вы могли их сопоставить и представить себе, сколь интенсивно шла работа над новым законодательством.

На земском соборе дворяне подали челобитную — ту самую, о которой я уже сказал, — о составлении уложения, «чтобы вперед по той уложенной книге всякие дела делать и вершить». Тут же была создана комиссия, или «приказ», для выработки нового уложения. В приказ вошло всего 5 человек, т. е. все российское законодательство было создано, разработано очень небольшим коллективом специалистов. Каких именно? «И указал государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси то все собрати и в доклад написать боярам: князю Никите Ивановичу Одоевскому, да князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да окольному князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьякам Гавриле Леонтьеву да Федору Грибоедову».

Законодательство было создано «приказом» из 5 человек. Было тут же принято решение отложить заседание собора до 1 сентября. Зачем? Совершенно очевидно, что пятеро наших законодателей, законотворцев должны были что-то успеть написать. Ведь что должен был делать собор? Обсуждать уже подготовленный проект. И вот 1 сентября начались систематические заседания собора, которые шли в двух палатах: в одной из них был царь, боярская дума и освященный собор, а в другой — выборные люди из разных чинов: дворянство, посадские люди, представители ремесленничества, купечества, даже крестьян и казаков.

29 января 1649 года было закончено слушание, составление и редактирование уложения — то есть сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и январь. Месяц надо убрать, потому что были выходные, праздничные дни. Следовательно, вся работа по составлению, редактированию и принятию нового уложения заняла четыре месяца. Это поразительно быстро, учитывая колоссальный объем работы.

Уложение представляло собой в оригинале свиток из 959 столбцов. Столбец — это продолговатый лист бумаги, на котором строка за строкой написан текст. Когда бумага кончалась, то снизу подклеивали еще столбец. Так вот, лента из 959 столбцов и представляла собой оригинал «Соборного уложения». По местам склеек шли подписи дьяков, т. е. они оформляли все по лучшим нотариальным правилам. А в конце шли подписи всех участников

собора числом 315. Поскольку пользоваться таким текстом было никак невозможно, то с него отпечатали уложение в виде книги в том же 1649 году — было выпущено два тиража по 1200 экземпляров, т. е. всего 2400 экземпляров. А сам свиток был аккуратно свернут, для него изготовили шкатулку в виде круглой серебряной банки. Так он и хранится по сей день в Центральном государственном архиве древних актов на Б. Пироговской улице.

стр. 97

Что же значило это уложение, каковы были его источники, каково было его значение?

Во-первых, сразу надо сказать, что оно не имело никаких precedентов в русском праве. По объему более или менее близко подходит к нему только Стоглав, но по разработанности, глубине, по богатству юридического материала он далеко отстает. Из европейских кодексов того времени с ним можно сравнивать только Литовский Статут — знаменитейший кодекс, но «Соборное уложение» богаче, глубже, обширнее этого юридического памятника. Это первый в русской истории систематизированный закон. В нем содержится материал практически по всем отраслям права того времени. Конечно, не все отрасли одинаково разработаны — это очевидно, но тем не менее именно все отрасли права, которые тогда существовали, там представлены. Закон делится на главы (в «Соборном уложении» 25 глав), которые посвящены определенному конкретному объекту нормирования. В свою очередь главы делятся на статьи, которые выделяют уже специфическое нормирование.

Уложение написано замечательным русским языком. В нем вы не найдете архаизмов, которых так много в «Русской правде», но вместе с тем там нет никакого мусора, которым изобилует язык документов петровского времени. Нет там и никаких заимствований из других языков. Это замечательный русский язык, и сейчас вы прочитали бы его совершенно свободно. Проблемы, вероятно, могут быть лишь с отдельными словами, но и они ясны из контекста.

«Соборное уложение» сохраняло свое значение чрезвычайно долго. Несмотря на все законодательство Петра и вообще XVIII века, несмотря на законодательство начала XIX века, оно в своих отдельных частях действовало до середины XIX века. И когда в 1845 году создавался новый уголовный кодекс, который назывался «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», то влияние соответствующих глав и статей «Соборного уложения» там чрезвычайно сильно. Из этого легко сделать вывод, что уложение не только отвечало потребностям общества того времени, не только замечательно соответствовало состоянию общества и страны, но и как бы предвосхищало их дальнейшее развитие. Этим объясняется долголетие этого русского законодательства.

Об истории изучения «Соборного уложения» мы сейчас говорить не будем, а сделаем следующую работу: я буду называть вам название главы, а в скобках вы будете пометать количество статей. Это довольно любопытно. Глав не так уж много, всего 25, а вот количество статей в них весьма различно. Я дам короткий комментарий к различным главам, чтобы вы могли лучше ориентироваться (на следующий год нам придется говорить о своде законов Николая I, и поэтому сегодняшнее занятие, я думаю, имеет определенный смысл). Хотя мы и строим сейчас правовое государство, у нас нет никакого представления о том, что такое законодательство на Руси.

Итак, «Соборное уложение» 1649 года.

Сначала — преамбула. Там сообщается, когда, где, кем, на основании каких источников был создан этот памятник.

«В лето 7156, июля в 16-й день государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец, в десятое лето возраста своего, в третье лето Богом хранимой своея державы советовался с отцем своим, богомольцем, Святейшим Иосифом, Патриархом Московским и всея Руси, и с митрополиты, с архиепископы и епископы и со всем освященным Собором и

говорил со своими государевыми бояры и с окольничими, с думными людьми, которые статьи написаны в правиле Святых Апостол и Святых Отец и в градских законах греческих царей, а пристойны те статьи государственным, земским делам, о те бы статьи выписать, чтобы прежних великих государей, царей великих, князей российских и отца его государева блаженныя памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указы и боярские приговоры на всякие государственные и иноземские дела собрать и те государские указы и боярские приговоры с старыми судебниками справиться. А на которые статьи в прошлых годах в прежних государевых судебниках указы не положены и боярских приговоров на те статьи не было, и те бы статьи по тому же написать и изложить по его, государеву, указу общим советом, чтобы Московского государства всяких чинов людям, от большого и до меньшего чину, суд и расправа была во всех делах всем равна. И указал государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси то все собрати и в доклад написать боярам: князю Никите Ивановичу Одоевскому, князю Семену Васильевичу Прозоровскому да окольничему князю Федору Федоровичу Волконскому и дьякам Гавриле Леонтьеву да Федору Грибоедову».

Значит, источниками «Соборного уложения» были: церковное законодательство, греческое (т. е. то, что у нас было известно под названием Кормчей книги), светское законодательство, тоже греческое (т. е. сразу можно сказать, что есть связь Уложения с римским правом), судебники XV–XVI веков, царские указы второй половины XVI и первой половины XVII веков (таких указов было около 400, причем только 80 относятся к XVI веку, а основная масса указов была издана при Михаиле Федоровиче). Наконец, имели значение так называемые указы и книги приказов, т. е. книги, где фиксировались указы, которые имели непосредственное отношение к деятельности того или иного государственного учреждения — приказа.

Итак, глава 1 (9 статей) — «О богохульниках и о церковных мятежниках». Здесь предусматривается ответственность за преступления против религии и церкви. Подобные первые юридические акты мы встречаем еще в законодательстве XI века. Уже судебник 1497 года относит подобные преступления к числу особо опасных, но там не дается специального определения состава святотатства. Так вот, здесь дается точное представление о составе преступления. Вместе с тем следует отметить, что суд за подобные преступления ведет светская власть. И при этом только одна статья охраняет основы вероучения, а остальные 8 говорят о вполне конкретных видах преступлений.

«Буде кто иноверцы какие ни буди веры стр. 98 или русский человек возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа или на рождшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию или на Честный Крест и на святых Его угодников, и про то сыскивайте всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника, обличив, казните. Сжечь».

Да, у нас была такая форма казни, но, в отличие от Запада, у нас могли сжечь только конкретного преступника, никаких массовых казней быть не могло — никаких массовых расправ с еретиками, никаких аутодафе. И если мы хотели действительно наказать человека,

совершившего преступление, то он и нес ответственность.

Почему законодательство начинается именно с этой статьи? Очень просто: религия — основа жизни всякого общества, основа нравственности, основа всяких норм. Следовательно, если с этого не начинать, то все будет перевернуто в сознании людей. Здесь очень четкое представление о том, какое значение имеет религия в жизни отдельного человека, в жизни общества и в жизни страны.

Глава 2 (22 статьи) — «О государственной чести и как его, государственное, здоровье оберегать».

Здесь раскрывается понятие о самых важных государственных преступлениях против личности государя, против его чести. Преступление против личности — это покушение на убийство, на здоровье. А понятие чести государя более широко: это хула, клевета, брань, попытки оскорбления и, наконец, действия, которые могут нанести ущерб престижу страны, например, поджог города. Это государственное преступление, которое карается наравне с преступлением против личности государя.

Понятие оскорбления было весьма своеобразным. Это категория невместных слов (слов, которые нельзя вместить). Это не значит брань. Скажем, человек какой-то с пьяных глаз говорил, что государь-де наш не жилец на этом свете — это и было невместное слово. А просто брань в пьяном виде — это была хула, оскорбление, непристойная речь. Наказывали за подобные преступления чрезвычайно жестоко.

Глава 3 (9 статей) — «Чтоб на государевом дворе никакого бесчинства и брани не было».

«Буде кто при царском величестве в его, государевом, дворе и в его государских палатах, не касаясь чести царского величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом об управе и сыщется про то допряма, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил, и по сыску за честь государева двора того, кто на государеве дворе кого обесчестит, посадити в тюрьму на две недели, чтоб, на то смотря, иным неповадно было впредь так делать. А кого он обесчестит, тому указати на нем бесчестие (т. е. тот получит компенсацию)».

Драка, хула, спор, драка, не дай Бог, с применением оружия — все это каралось, причем иногда очень жестоко. «А буди кто при государе вынет на кого какое-нибудь оружие, а не ранит и не убьет, и того казнити — отсечь руку».

Глава 4 (4 статьи) — «О подписчиках и которые печати подделывают», т. е. о тех, кто делает фальшивые грамоты и подделывает государственные печати на этих, видимо, грамотах. За такое полагалась смертная казнь.

Глава 5 (2 статьи) — «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги», т. е. о фальшивомонетчиках. Здесь обратите внимание на слова «денежные мастера». Это люди на государственной службе. Если государственный человек, состоящий на службе, то есть мастер, который делает деньги, начинает заниматься своими личными проблемами

(«которые денежные мастера учнут делати медные, или оловянные, или укладные деньги или в денежное дело, в серебро, учнут прибавливати медь, или олово, или свинец и тем государевой казне учнут чинити убыль, и тех денежных мастеров за такое дело казнити смертью — залити в горло»),

то сплав, которым он оперировал, предлагалось ему выпить. Если же мастер подделывал таким образом материал, из которого он делает ювелирное украшение по чьему-либо заказу, то за это били кнутом. И он должен был компенсировать убытки. Преступление было очень тяжелым, потому что государственный мастер наносил таким образом ущерб престижу казны.

Глава 6 (6 статей) — «О проезжих грамотах в иные государства», т. е. положение об «ОВИРе XVII века». Очень четко, понятно и очень разумно все здесь написано. Надо сказать, что вообще визовый режим в России был поразительно простым и ясным до 1917 года. Для того чтобы еще в 1916 году уехать за границу, надо было, как говорила Анна Андреевна Ахматова, послать дворника с десятью рублями в участок, и он приносил паспорт для поездки за границу. Двуглавый орел, герб, печать — все как полагается. Это был подданный Российского государства, и если, не дай Бог, с ним что-нибудь случится, то консульство или посольство обязаны были взять его под защиту, поскольку этого требует престиж страны. Даже в наше время, когда за границу не так уж сложно съездить, все это кажется все равно каким-то непонятым, нереальным.

Глава 7 (32 статьи) — «О службе всяких ратных людей Московского государства», т. е. о священном долге гражданина, военной службе. Здесь — о том, как служат, где служат, за что и как можно наказывать, если плохо служат и плохо себя ведут.

Глава 8 (7 статей), — может быть, одна из самых замечательных глав «Соборного уложения» — «О искуплении пленных». Все пленные должны были быть выкуплены на счет государства. Выкуп мог быть индивидуальным, поголовным (обмен мог быть только на равное число) и полным, независимо от количества пленными с той и другой стороны. На выкуп пленными собирался специальный налог, так называемые полоняночные деньги, которые не могли быть израсходованы ни на что другое, кроме как на выкуп пленными. Может быть, это был самый хороший налог, который знала наша страна. Естественно, цена посадского человека была одна, крестьянина — другая, а стрельцы ценились в иную цену.

стр. 99

Глава 9 (20 статей) — «О мытах, и о перевозе, и о мостах». Думаю, вы догадываетесь, что мыто — это пошлина, подать (мытарь). Мытищи — когда-то там был мытный двор или мытная изба. Дороги у нас по рекам шли и зимой, и летом. Яуза довольно близко подходит к Клязьме, а Клязьма — это дорога на Владимир. Их разделяет несколько километров, небольшой водораздел. Там и была поставлена для сбора податей мытная изба, которая позднее превратилась в этот не очень привлекательный город. Понятно, почему мытные избы ставили на перевозах, у мостов — потому что там шел поток торговых людей, которые за провоз товара должны были платить. Сейчас, например, все знают, что мыто собирается при входе на вокзал. На электричку можно пройти без пошлины, а если идешь туда, где поезда дальнего следования, — плати. За вход, за багаж — за все плати. Это и есть самое настоящее мыто, а место, где оно собирается, надо назвать вокзальным перевозом. Зимой точка сбора податей менялась, потому что в это время реку можно было переехать где угодно. Но сборщики податей не желали расстаться со своим прибыльным занятием, поэтому откалывали лед вдоль берегов, оставляя только очень узкое пространство, где можно было переехать. За это их наказывали, но практика такая существовала.

Дальше самая большая глава уложения — 10 (287 статей) с самым коротким названием: «О суде». Здесь не только вопросы, которые может решать суд, но очень много отведено места процессуальным нормам, и это очень важно. Как вести следствие — до суда или во время суда, что можно делать во время следствия, как опрашивать свидетелей и т. д. Конечно, не все здесь совершенно, да совершенного вообще, вероятно, процесса и не может

быть. Есть какая-то грань, отделяющая норму от нарушения. Но это была самая обширная и разработанная глава уложения, по объему равная если не половине, то трети его.

Глава 11 (34 статьи) — «Суд о крестьянах». Это самый ценный, самый главный источник наших представлений о крепостном праве. Здесь разбираются вопросы, в основном связанные с прикреплением крестьян к земле, а отнюдь не какие-то имущественные споры. Речь идет о закреплении крестьян, о том, как они должны сидеть на своей земле, какие у них сохраняются очень небольшие права, сколько лет полагается их искать, если они бегут, и т. д.

Глава 12 (3 статьи) — «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян». О том, как вести судебное разбирательство в отношении всех, кто числится за патриархом. Если патриарший суд нарушал закон, то неправильно обвиненный имел право на кассацию в светском суде, и тогда там фактически проводилось повторное исследование вопроса.

«А будет, патриарший приказные люди в каком деле правого обвинят, а виноватого оправят по посулам, или по дружбе, или по недружбе и тем людям, кто будет обвинен не по делу, на тех патриарших приказах людей бити челом государю и по тому челобитию спорные дела из патриарших приказов вносить к государю и ко всем боярам (т. е. в боярскую думу, поскольку она являлась высшей судебной инстанцией. — М. В.). Да будет сыщется, что патриарший судьи кого обвинят не по делу, тем патриаршим судьям за их неправду указ чинить против того же, как указано о государевых судьях».

То есть здесь патриарший суд имел над собой уже контрольную власть.

Глава 13 (7 статей) — «О монастырском приказе». Раньше мы с вами говорили о том, что такое монастырский приказ, поскольку, строго говоря, это непосредственно связано с деятельностью патриарха Никона.

Глава 14 (10 статей) — «О крестном целовании». Крестное целование — то есть присяга, клятва, подтверждение своего мнения, — использовалась, когда не хватало доказательств. И вот здесь оговариваются случаи, когда можно использовать такую форму доказательства и как это делать.

Глава 15 (5 статей) — «О вершенных делах», т. е. о тех, которые уже решены. Имеется в виду, что в соответствии с новым законодательством старые дела заново не перерешаются, потому что закон обратной силы не имеет.

Глава 16 (69 статей) — «О поместных землях». Вы знаете, что земельные владения были поместными и вотчинными. Поместье имел тот, кто был помещен, т. е. дворянин. Вотчинники, бояре имели наследственное земельное владение. В XVII веке происходит процесс слияния этих двух форм землевладения. Эти главы и регламентируют то, что уже сложилось, а также предусматривают то, что будет дальше. Поскольку 17-я глава (55 статей) — «О вотчинах».

Глава 18 (71 статья) — «О печатных пошлинах». Что это значит? Когда вам нужно получить выписку из какого-то документа, заверить документ, получить копию, вы идете в нотариат. Там нотариус заверяет вашу копию, указывает, что она верна, удостоверяет это

своей подписью и соответствующей печатью. После всего вам дают квиток, который вы должны оплатить в сберегательной кассе, а корешок представить нотариусу. Это и есть печатная пошлина. А поскольку грамоты разные, то здесь и указывается, в каких случаях эти печатные пошлины собирать и что они собой представляют.

Глава 19 (40 статей) — «О посадских людях». Коль скоро есть главы о крестьянах, о поместьях, о вотчинах, то должно быть и о посадах, т. е. о городском населении.

Глава 20 (119 статей) — «Суд о холопах». После главы о положении крестьян эта — вторая по значению, которая дает нам представление о том, что собой представляло холопство в XVII веке.

Глава 21 (104 статьи) — «О разбойных и о татебных делех», т. е. уголовный кодекс. Тут все очень четко сформулировано прямо с первой статьи:

«Которые разбойники разбивают и людей побивают и тати крадут в московском уезде и в городе, на посаде и в уездах и такие разбойные, убийственные и татебные дела делают в разбойном приказе».

Этими беззаконниками будут заниматься именно в разбойном приказе — на «Петровке, 38» XVII века.

стр. 100

Глава 22 (26 статей) до известной степени продолжает предыдущую, но здесь есть своя специфика: «Указ, за какие вины кому чинити смертную казнь и за какие вины смертию не казнить, а чинити наказание». Сразу бросается в глаза, что понятие «казнь» вовсе не означает лишение жизни. Казнь — это наказание. А вот «казнить смертию» — это действительно то, что называется смертной казнью. Но можно было казнить через кнут, через батоги, через заключение в тюрьму. Казнить можно было тем, что присудить конфискацию.

За что же безоговорочно полагалась смертная казнь? За убийство родителей детьми: «Казнить смертию же без всякой пощады». Если они это сделали в сговоре с кем-то — тем более. А вот если отец или мать убьют сына или дочь, то заключение в тюрьму на год, потом церковное покаяние — и все. Не знаю, в чем суть дела, но мне кажется, что под воспитанием наш народ понимал весьма суровые методы, и поэтому если убивали в тот момент, когда учили, то это расценивалось как несчастный случай, хотя, конечно, здесь было и немало злоупотреблений. За грубость в отношении матери или отца и, упаси Боже, рукоприкладство полагался кнут. Поскольку, судя по всему, представления об этом у вас нет, скажу следующее: после смертной казни кнут считался вторым по тяжести способом наказания. Человека привязывали к кобыле, т. е. к специальной доске, где были прорези для рук, заголяли ему спину, и специалист, обычно очень высокой квалификации, кнутом, который был сплетен из очень длинных кожаных полос сыромятной кожи (кнут имел в сечении форму четырехгранника, который постепенно утончался) проделывал над ним известную операцию, причем в постановлении суда указывалось, сколько должно быть дано ударов. При желании палач мог убить с третьего удара, потому что уже с первых ударов он мог рассечь спину до позвоночника. Поэтому если давалось 5 или 7 ударов, то это не значит, что это мало. Это очень много. А если 10 или 15, это был просто конец. Выжить после такой процедуры удавалось немногим. Но тот же палач мог и разыграть комедию: он изо всей силы замахивался, щелкал кнутом, которым даже не задевал спины наказуемого, а тот орал оглушительно. Такие вещи иногда делали, чтобы разыграть комедию наказания.

Грабеж имущества родителей опять-таки приводил к кнуту; попытка бить челом на родителей, т. е. искать на них судебную управу, — туда же; убийство брата или сестры — смертная казнь; за умысел на убийство — отсечение руки; убийство хозяина — смертная

казнь. Надругательство в виде членовредительства приводило к тому, что над наказуемым проделывали ту же процедуру: если ты у кого-то что-то отрубил, отрезал или отломал, с тобой делали то же самое. Мужеубийство каралось чрезвычайно жестоко — женщину зарывали заживо в землю так, что торчала только голова, и она медленно умирала. Положение сильного пола здесь было более предпочтительным. За насилие над женщиной полагалась смертная казнь.

Глава 23 (3 статьи) — «О стрельцах».

Глава 24 (3 статьи) — «О атаманах и о казаках».

Глава 25 (21 статья) — «О корчмах». Корчма — это было место, где распитие соответствующих напитков было самым главным занятием. Этот процесс — очень, кстати, доходный — рассматривался весьма серьезно, потому что надо было успеть собрать деньги и не допустить всяческого лихоимства и ущерба для казны. Вообще история питейного законодательства в нашей стране очень интересна, потому что история винных откупов, история казенной монополии, история акциза в XIX веке — это все очень интересно. У нас пытались сразу решить несколько проблем: собрать деньги, которые народ добровольно вкладывал в это дело, не дать провороваться тем, кто их собирает, а вместе с тем поставить под контроль распространение алкоголя. Не всегда все удавалось, но народ пополнял бюджет весьма исправно во все времена, во всяком случае стремился к этому.

Вот вкратце что собой представляет «Соборное уложение». Это замечательный памятник, и я думаю, что современным людям было бы полезно его хотя бы немного знать. Потому что очень многие понятия, которые для нас совершенно, в общем-то, очевидны, впервые четко были зафиксированы в XVII веке. А само построение Уложения тоже даст вам представление о том, что занимало главное место, а что было второстепенным. Количество статей указывает на значение главы. Совершенно очевидно, что в этот момент законодательство о суде было самым главным, потому что именно суд был тогда наиболее слабым местом. Но суд оставался, естественно, сословным, и когда говорится о том, что людям всех чинов полагается равный суд, это вовсе не значит, что дворянин будет судиться вместе с крестьянином. Нет: равный суд — в соответствии с сословным положением.

Все это опубликовано с хорошим комментарием и называется «Российское законодательство X-XX веков», т. 3 («Акты земских соборов»). Москва, 1985. Это не полный свод российского законодательства, но главные вещи. Здесь очень обстоятельный комментарий по всему «Соборному уложению», причем комментарий и по главам, и по статьям. Поскольку все это выходило в то время, когда уже можно было писать достаточно серьезно об этих вещах, то и комментарий здесь весьма толковый. Купить это очень трудно — библиографическая редкость. Тираж был всего 25 тысяч. Но в библиотеках это издание есть.

стр. 101

Лекция 20

УКРАИНА И МОСКОВСКАЯ РУСЬ

1. — События, предшествовавшие унии. 2. — Подготовка унии. 3. — Значение казачества. 4. — Деятельность по сохранению Православия на Украине. 5. — Войны гайдамаков. 6. — Воссоединение Украины с Россией и его последствия.

Понять историю XVII века очень сложно, если игнорировать события, связанные с распространением унии на украинской территории, и события, связанные с расколом. Сегодня я постараюсь связать вопросы истории борьбы с унией и события русской истории, которые нельзя, на мой взгляд, рассматривать в отрыве от украинских событий. А на следующем занятии речь пойдет о значении раскола для русского государства.

Итак, события в Малороссии до 1617 года. И здесь я должен сказать, что уния возникает не сразу. Великое княжество Литовское появилось значительно позже России, русские земли были включены в состав Литовского княжества тоже постепенно. И на протяжении довольно долгого времени государственным языком Литвы, языком делопроизводства, оставался русский язык, а Православие было господствующей религией, и даже великие князья литовские были православными.

Уния конца XIV столетия, когда великий князь литовский Ягелло принял католичество и женился на польской королеве, была первым шагом в деле распространения католичества на православных территориях. Затем последовала Городельская уния, когда Литва получила практически те же гражданские права, которые были и в Польше, когда польская шляхта получила права в Литве и наоборот. А дальше этот процесс становится постепенно почти необратимым. Когда начал распространяться протестантизм, он попал и в Литву, где довольно быстро пустил корни, но укрепнуть он там не успел, поскольку в Литве оказались иезуиты — специалисты по борьбе с протестантизмом. Протестантизм там быстро заглох, но коль скоро иезуиты там остались, то для них представилось более широкое поле деятельности — Православие, которое они решили искоренить.

Укажу узловые моменты событий, о которых необходимо сказать. Не буду касаться вопроса об истории раскола на католиков и православных, истории, связанной с Флорентийской унией, но скажу о том, что было в XVI–XVII веках, что затрагивало русские интересы.

Отношения с Литвой в XVI веке были очень не простыми. Из Литвы на Русь уезжало немало православных людей, которые терпели там притеснения от католиков. Часто эти люди были весьма богатыми и владели большими землями. Таким образом их земли присоединялись к нашему государству, и российское правительство это всячески поощряло. Создавался своеобразный прецедент, а когда эти земли не могли войти в состав русского государства, то население там оставалось православным и не утрачивало связей с Россией. Но вследствие политики Ивана Грозного, когда начался опричный террор, возник обратный процесс: спасая свои головы, люди бежали в Литву. Они готовы были на что угодно, только бы ноги унести, и их можно понять. Литва усиливалась за счет такого притока людей из России. Достаточно вспомнить, что даже первопечатник Иван Федоров вынужден был уехать из Москвы. И если первая книга — московский «Апостол», то точно такая же выходит во Львове. Почему он там оказался? Мы не знаем подробностей, но отъезд его был вскоре после выхода московского «Апостола», а это совпадает по времени с началом опричнины.

Это очень показательно: политика Ивана Грозного ослабила в значительной степени позиции православного народа на литовско-польских территориях. Дальше Люблинская уния 1569 года практически стирает различия между Литвой и Польшей, а раз так, то земли, населенные православным русским населением, которые традиционно считались в составе Литовского княжества, начинают испытывать особенно сильный гнет со стороны Польши и католиков.

Один из героев Голсуорси произносит фразу: «Религия ужасно разжигает страсти». К сожалению, это бывает, хотя на самом деле так не должно быть. В Польше подобная угроза существовала всегда: раз ты поляк, значит ты католик; раз ты католик, то ты можешь быть только поляком. Это странно звучит для православных, которые никогда не стремились никого затаскивать в свою веру насильно. Но тем не менее там это произошло, и вот русское население начинает испытывать гнет не только национальный, но и религиозный, еще более страшный и тяжелый.

Дело тем не менее не движется, потому что простое население упорно держится за свои традиции. И тогда в головах иезуитов созревает мысль о том, что нужно создать своеобразное переходное состояние. Они убеждаются, что просто перекрестить людей из Православия в католичество нет никакой возможности. Тогда надо делать это постепенно, и вот таким переходным этапом должна быть уния, когда будет сохранен православный обряд, но внесена католическая догматика. Это чисто искусственное измышление, абсолютно не жизненное, тем не менее нашло горячих адептов, и творцом унии можно считать вполне обоснованно того самого короля Сигизмунда, от которого было так много неприятностей для России в Смутное время.

В конце XVI века в Бресте западнорусские архиереи, практически все без исключения, кроме двух человек, провозглашают унию. Они говорят от лица всего населения, всей Церкви; они заведомо лгут, стр. 102 потому что никто им не давал таких полномочий, но они делают то, что нужно католической Польше. Если бы Сигизмунд и вообще поляки думали бы о цельности и могуществе своего государства, то ничего подобного бы не сделали, потому что они таким образом сеяли семена будущих раздоров и бунтов, они сеяли тот ветер, который породил ураган, способствовавший в известной степени уничтожению Польши как государства в XVIII веке. Но об этом никто не думал. Маниакальная идея искоренить Православие господствовала в умах польских правителей, и они всеми способами, вполне в духе своих учителей иезуитов, шли к этой цели.

Что происходит дальше?

Население хочет оставаться православным, иерархия насаждает унию, эту унию поддерживает католическая церковь, иезуиты, ее поддерживает королевская власть, причем не просто материально. Конфисковываются православные храмы и создаются униатства, конфисковывается имущество, арестовываются православные священники — т. е. происходит самое настоящее гонение на Православную Церковь. Между прочим, именно тогда и возникает на Украине то отвратительное явление, которое потом так широко распространится. В тех случаях, когда не хватало униатов, конфискованные церкви отдавали в аренду евреям, которых в Польше было довольно много. И таким образом православный священник за пользование храмом должен был платить аренду хозяину-еврею. Часто храм превращается в трактир, зафиксированы случаи, когда из конфискованного церковного облачения шьются юбки для трактирщиц. Возникает явление, которое мы называем антисемитизмом, которое укоренится на Украине и даст ужасные всходы, получит огромное распространение. И когда Малороссия войдет в состав России, то именно на этих территориях и будет процветать антисемитизм, который Запад впоследствии станет приписывать всей Великодержаве, хотя у нас ничего подобного никогда не было, нет и, даст Бог, не будет.

Так вот, получается следующая картина. Польское государство было неоднородным в национальном отношении (поляки, литовцы, хотя и имеющие одинаковые права, украинцы, или малороссы) плюс религиозный элемент: католицизм, униатство и Православие. Как известно, сила любого организма, и государства в том числе, в его единстве. Поляки сделали все, чтобы это единство уничтожить.

Начинается борьба, с одной стороны, католиков и униатов против Православия, с другой стороны, борьба православных за выживание против католиков и униатов. В это время возникают братства — добровольные объединения вокруг приходов и монастырей, где все стараются принести пользу друг другу, работают на общее дело и помогают в каких-то частных случаях. При братствах возникают типографии, школы, больницы. Поскольку в Польше существовал довольно любопытный обычай (все-таки она была страной аристократической, и королевская власть была выборной) — там существовали определенные свободы, и братства могли печатать то, что считали нужным. Поэтому защита интересов Православия могла быть публичной. Пусть суды все решают не в пользу православных, пусть идет открытое гонение, пусть конфисковывают храмы, но опубликовать

полемическую книгу, текст, просто издать религиозную литературу можно (если, конечно, есть связи).

Огромную роль на землях, которые в этот момент уже принадлежали Польше, играло казачество. Об истории его, о том, как формировалось это своеобразное сословие, хорошо сказано у С. М. Соловьева. Это были беглые люди, которые уходили от непосильных налогов, от крепости к земле; люди, которые совершили какое-то преступление и не хотели нести ответственности. Короче говоря, это были энергичные люди, способные на многое, которые уходили на окраины русского государства, где была более или менее вольная жизнь, и служили часто в войске, но в войске нерегулярном. Их использовали для охраны границ, несения сторожевой службы.

Казачество в Малороссии состояло как бы из двух частей: казаками считали себя просто очень многие жители деревень, хуторов; поскольку они мыслили себя людьми вооруженными, они объединялись в какие-то команды, но представляли собой достаточно анархическую силу. Но было еще и регулярное казачье войско, так называемые реестровые казаки, которые числились на службе у польской короны. Эти казаки сами по себе представляли серьезную силу, потому что были хорошо организованными. Казачьим войском командовал гетман (от немецкого Hauptmann — атаман, капитан), во главе стояли старшина, войсковой судья, войсковой писарь, полковники. Казаки были переписаны и обязаны были служить польской короне. В основном их использовали для борьбы против Турции. Особенностью казачьего войска было то, что все оно было сплошь православным. И когда на православных началось гонение, то именно казаки объявили себя защитниками православной веры.

Возникла своеобразная коммуна, центр казачества — Запорожская Сечь, куда вход не-казакам был заказан. Они жили своим весьма своеобразным миром, который все-таки не вполне адекватен изображенному на известном полотне Репина «Казаки пишут письмо турецкому султану». Хотя письмо такое написано было. Когда его издадут, то делают это с большими купюрами — все, что там содержится, печатать просто неудобно.

Поначалу казаки занимают позицию достаточно пассивную. Они подданные короля и бунтовать открыто не собираются. Но они требуют, чтобы Православие не подвергалось гонению, чтобы права, которыми обладает католическая церковь, были и у православных. Естественно, эти требования никто удовлетворять не собирается. Отсюда — протест, который рано или поздно приведет к взрыву.

В это время существовала опасность уничтожения иерархии. Коль скоро епископы уклонились в унию, то надежда была только на тех, которые остались, и таких было всего два человека, но и те вскоре умерли. Таким образом, полякам нужно было просто дожидаться, когда вымрут православные священники, стр. 103 и дело будет кончено. Но Иерусалимский патриарх Феофан, приехав в Польшу, тайно рукоположил новых епископов, которые так же тайно начали рукополагать священников. Иерархия была восстановлена, и это был колоссальный шаг. Хотя польское правительство объявило Феофана шпионом Турции, а новых епископов незаконными (они подлежали аресту, как и все те священники, которых они рукоположат), но дело было уже сделано. Кроме того, оставалась столица Малороссии Киев, где поляки распоряжаться не могли, потому что это был центр казачьего войска. Там православные чувствовали себя в полной безопасности. Там же возникает и центр просвещения — Киево-Могилянская академия, названная так по имени ее основателя Петра Могила. «Могила» по-украински означает «холм» («могила» в нашем понимании по-украински называется «домовына»). Поэтому фамилию Могила у нас, вероятно, перевели бы как Холмский или Курганский.

Митрополит Петр Могила, который управлял западнорусской Церковью более 10 лет, оставил удивительную о себе память, потому что непрерывно заботился о подготовке кадров образованных людей. Иезуиты обрушили на православное население поток пропагандистской литературы. Отвечать на это было необходимо, но это было трудно, поскольку у нас такой полемикой никогда не занимались. В братствах сразу же начинают

готовить первые апологетические сочинения, но особое развитие это получает во время управления церковью митрополитом Петром, который сам составляет немало выдающихся трудов, не утративших значения и по сей день. Может быть, самая знаменитая его книга — «Камень веры». Это развернутая апология Православия. Знаменит и Большой Требник, где он чрезвычайно тщательно собрал все чинопоследования Православной Церкви. Он задумал, как известно, издание Миней Четий, которое осуществил уже святитель Димитрий Ростовский.

Короче говоря, Могила видел в распространении просвещения одно из самых верных средств защиты Православия. И для нас это тем более важно, что именно из Киево-Могилянской академии к нам и поедут в середине XVII века первые учителя, а первые московские школы откроют именно киевские ученые монахи. И не случайно именно оттуда приедут потом действительно выдающиеся просветители XVII века, имена которых мы всегда чтим и, надеюсь, никогда не забудем: Симеон Полоцкий, Димитрий Ростовский и многие другие.

Получается, что оборона Православия шла по линии распространения серьезного просвещения и путем, если хотите, активизации деятельности казаков. Это хорошо разобрано у А. В. Карташева: на каких сеймах какие законы принимались, как вынуждали польское правительство идти на попятный, как все то, что принимали, тут же пересматривали; как неистовствовала польская шляхта; какое было отвратительное насилие над православным населением; какие безумства чинили униаты. Здесь достаточно упомянуть знаменитого униатского епископа Иоганна Кунцевича, который у них почитается святым. Он был убит в Витебске толпой после насилия, которое учинил над православным священником.

Кунцевич прославился тем, что приказывал выкапывать тела православных людей из могил и бросать их на съедение собакам в порядке идейной борьбы с Православием. Это обычный уровень униатов, это то, что видело православное население: нельзя было крестить детей, венчаться, отпевать покойников, да и просто служить в храме, потому что храма не было, а служили в шалашах — вот что такое униа при поддержке иезуитов.

Надо сказать, что сами поляки к униатству относились очень скептически. Польская шляхта по отношению к униатам задирала нос и называли униатство «вярой хлопской», т. е. верой холопов, в отличие от католической религии, которая называлась «вярой господской», т. е. верой благородных.

Но иезуиты просчитались. Воображая, что униатство станет своеобразной ступенькой при переходе от Православия к католицизму, они не учли, что униатство укоренится в мозгах иных людей в качестве самостоятельного варианта религии, и его адепты не захотят переходить ни в Православие, ни в католицизм. Дойдет до того, что наиболее серьезные польские политики уже не будут знать, кула им деваться от этих безумных униатов, потому что они, так сказать, сотрясали славянские государства в самый неподходящий момент, создавая дополнительное напряжение.

Когда после очередного сейма права православных в очередной раз были нарушены, когда вольных малороссов стали прикреплять к земле, когда началась очередная волна репрессий, начались восстания. Они вспыхивали в отдельных районах, и до сих пор на Украине называют имена Наливайко и других. Все это называлось гайдаматчиной, т. е. восстанием гайдамаков, и изобиловало безумными зверствами с обеих сторон, как всякая гражданская война. Казаки люто расправлялись с католиками и униатами и в ответ получали то же самое. Казаки считали себя мстителями, потому что им действительно было за что мстить, а те карали казаков как государственных изменников. Это было прелюдией к тому, что должно было произойти, но вряд ли кто-нибудь предвидел это в угаре борьбы.

И вот войсковой писарь (второй или третий человек в казачьем войске) Богдан Хмельницкий, достаточно законопослушный человек (он должен был соблюдать польские законы уже вследствие своего положения), после того, как польский шляхтич убил его малолетнего сына, отправился подавать жалобу королю. Жалоба не была принята, обидчик,

хоть он и был известен, наказан не был. Тогда Хмельницкий начинает действовать, и в 1648 году разгорается настоящая казацкая война, которая первоначально приносит казакам большие успехи. Польское войско разбито, коронный гетман попадает в плен, Богдан Хмельницкий продает его туркам в Крым, таким образом сразу как бы ублажая своих союзников и вместе с тем проявляя гуманность по отношению к гетману (турки тоже не собираются его убивать, потому что за него можно получить очень приличный выкуп).

стр. 104

По Зборовскому миру поляки должны пойти на очень большие уступки. Во-первых, число реестровых казаков увеличивается до 40 тысяч; фактически Украина благодаря такому войску становится автономной, потому что справиться с ним очень сложно. А учитывая, что на каждого реестрового казака приходится 1–2 нереестровых, это войско становится и того больше. Во-вторых, Киев и область полностью переходят под контроль казаков, и они добиваются обязательства польского правительства убрать евреев со всех территорий, занятых казаками. Конечно, не притеснять Православие и прочая и прочая.

Но поляки понимают, что не могут уступить, и военные действия продолжаются. На этот раз они удачны для Польши, и после поражения Хмельницкого по Белоцерковскому миру количество реестровых казаков сокращается в два раза. Православие не имеет никаких прав и признается только вследствие давних обычаев. А дальше будет издан универсал, по которому всякий подданный, исповедующий ересь, или схизму, должен преследоваться по закону.

В этих условиях Хмельницкий прекрасно понимает, что сам он ни освободить Малороссию от поляков, ни сокрушить Польшу не может. Значит, надо обращаться на Восток, в Москву. Неофициальные переговоры с Москвой велись практически на протяжении всех 20-х, 30-х и 40-х годов. Сначала Москва не собиралась никого поддерживать, потому что не было возможностей. Но к середине XVII века такие возможности постепенно появляются, и Москве надо решить вопрос: воссоединение Украины с Россией означает войну с Польшей.

И вот на земском соборе 1653 года принято решение о воссоединении Украины с Россией; в 1654 году это объявляется и в Москве на соборе, и на раде в Переяславле, и начинается война с Польшей. Она будет продолжаться (с перемирием где-то посередине) до 1667 года. Война будет успешной для России; Хмельницкий будет хранить верность своим новым друзьям, потому что он получил большие права и сохранил определенную автономию. Единственное, на что он не имел права, это вести самостоятельно дипломатические переговоры с Польшей. Налоги, которые украинцы должны были платить в Москву, были весьма щадящими, поэтому простой народ приветствовал то, что произошло.

Но вот Хмельницкий умирает. С. М. Соловьев очень правильно отметил, что поскольку польская шляхта стала мгновенно уходить на запад, на территорию собственно Польши, то здесь уже местная казацкая аристократия стала занимать ее место, стремясь сохранить ту же анархическую свободу, к которой уже привыкла в период своего польского подданства. Именно старшина казацкая тянула в Польшу, потому что там было больше свободы. Москва все-таки предпочитала централизацию и не позволяла слишком сильно, как говорится, высовываться. Поэтому практически все гетманы, за исключением одного-двух, на словах — подданные московского царя, а на деле — изменники. И Выговской, и сын Хмельницкого Юрий сначала объявляют себя подданными московского государя, а потом переходят на польскую сторону.

Кончается это очень просто: Украина делится на две части — на лево- и правобережную. Левобережная начинает тянуть к Москве по-настоящему и выбирает своего гетмана. Здесь фактически начинается процесс слияния с Московским государством, тогда как правобережная Украина пытается создать нечто самостоятельное. Из этого ничего не выходит, потому что очень скоро турецкий султан идет войной и на Польшу, и на Украину, и вообще на весь Юг, с тем чтобы прибрать их к рукам.

Андрусовский мир 1667 года очень выгоден для России: вся левобережная Украина

отходит к России, и Киев тоже. А Киев стоит на правом берегу. Вероятно, Польшу можно было, как говорится, дожать и значительно больше, потому что она в это время была атакована шведами, которые хозяйничали там, как у себя дома. Но Москва умудрилась в этот благоприятный момент поспорить со шведами из-за Лифляндии. Хотя поляки потеряли далеко не все, что могли потерять, они все-таки расплатились за всю ту мерзость, которую учинили в XVI–XVII веках: за все унии, за издевательство над православными и т. д. С этого момента начинается закат Польши как серьезного государства, который будет продолжаться на протяжении конца XVII и всего XVIII века. И кончится это тем, что в конце XVIII века ее просто разделят на три части между Пруссией, Австрией и Россией. Польша перестанет существовать как государство до 1917 года. В 1917 году, в результате распада Российской империи она воскреснет, но ненадолго. В 1939 году ее поделят еще раз, на этот раз уже на две части: до Буга, скажет Гитлер, это мое; за Бугом, скажет Сталин, это мое. Сохранилась контурная карта, где это показано. Потом Польша будет восстановлена уже в куда более скромных границах в результате второй мировой войны, и границы эти сейчас всем хорошо известны. Значение Польши как европейского государства весьма невелико и вряд ли когда-нибудь будет больше, и надо сказать, что это прямое следствие того, что поляки делали в те времена, о которых у нас идет речь.

Что касается униатства, то в XVIII веке оно постепенно не уничтожалось, но изживалось. Репрессий со стороны русского правительства не было. Была продуманная политика, и постепенно число униатов было сведено к очень небольшому количеству. Но советская власть сделала все, чтобы униаты появились: их стали гнать. Я был в командировке во Львове в 70-х годах и своими глазами видел афиши, расклеенные по городу, в которых сообщалось, что в клубе какого-то завода состоится лекция на тему: «Униатство — идеология фашизма». Если бы я был местным жителем, то после такой лекции стал бы униатом. Во Львове, где униатские традиции всегда были достаточно сильны, читать такие лекции мог только сумасшедший.

Это надо представлять, потому что все, что завязалось мертвым узлом тогда, будет оказывать влияние на события XVIII, XIX и XX века. Вся неурядица с Украиной, Севастополем, Одессой и прочим стр. 105 на самом деле является продолжением всех этих дел. Проведите голосование на левобережной Украине, и вам скажут, что им совершенно не нужна самостийность. Но мнение в других частях Украины будет совершенно иное.

Как относились к украинцам у нас в России? Они имели те же права, что и русские. Достаточно сказать, что иерархия у нас очень быстро пополнялась за счет выходцев как раз из Малороссии. Я уже говорил, что Димитрий Ростовский — святитель, которого очень чтут на Руси, это украинский писатель Дмитрий Туптало, как его называют (на Украине его одно время квалифицировали как писателя). Я уж не буду говорить о Феофане Прокоповиче и других. Если говорить о светских государственных деятелях, то надо вспомнить канцлера России в XVIII веке князя Безбородко, знаменитого дипломата времен Екатерины, знаменитого графа Кочубея, тоже выдающегося дипломата, и многих других.

Теперь, я думаю, понятно, что именно эти взаимоотношения, эти процессы, происходившие в XVII веке, и обусловили очень своеобразный вариант западного влияния на Русь. Оно во многом шло через Украину. Нельзя сказать, что целиком оттуда, но ведь оттуда шли книги. Кто написал «Граматику»? Мелетий Смотрицкий (между прочим, он перешел к униатам. Но «Грамматика» все равно очень хорошая). «Арифметика» — Магницкий, и т. д. Я уж не говорю о чисто бытовых сторонах жизни: Ломоносов одевался в свитку какого-то там черкасского покроя, такой факт известен. Влияние, таким образом, было и бытовым, и культурным, да и богословие, если хотите, в XVII веке — это богословие выходцев с Украины. Они создавали предпосылки для развития серьезных знаний. В конце XVII века и у нас началось систематическое светско-богословское образование, потому что при царе Федоре Алексеевиче была создана Славяно-греко-латинская академия.

Когда мы говорим о западном влиянии, то самая большая ошибка, которую можно сделать, самая большая нелепость, которую иногда утверждают, — это то, что Петр нас

повернул к Западу, а до этого мы были сами по себе и ни на кого не смотрели. Петр сам — продукт западного влияния. Будучи ребенком, он уже видел так много и бытовых, и учебных, и книжных и всяких иных новаций чисто западного происхождения, иногда напрямую привезенных с Запада, а иногда позаимствованных из Малороссии, что это во многом определило его психологию государственного деятеля. Другое дело, что он внес в реформы свой личный темперамент, что у него были свои личные идеи, личные впечатления от поездок на Запад. Но его подготовил XVII век. Поэтому когда нашу историю делят на петровскую и допетровскую, это деление чисто условное. Вся петровская Русь выходит из XVII века, и не случайно петровские преобразования выходят из XVII, а не из XVIII века. Поэтому попытка выделить Петра как нечто инородное, неестественное — это ошибка, но ошибка распространенная. Лично я считаю такой взгляд неверным, неправильным. И мне кажется, что если вы вздумаете отстаивать это мнение, то вы должны его очень тщательно аргументировать. Я прошу не ссылаться на книгу Солоневича «Народная монархия». Солоневич был прекрасный человек, замечательный русский патриот, человек, любивший свое Отечество и много делавший для того, чтобы не просто сохранить в среде эмиграции память о России — он старался принести России много пользы. Но книга его как историческое исследование не выдерживает критики. Она поверхностна, и я прошу к ней так и относиться. Когда я ее прочитал, у меня возникло двойственное впечатление об авторе: Солоневич как патриот, замечательный человек, и Солоневич как публицист, у которого мы видим много пристрастия, но не видим систематического анализа, потому что он не наблюдает естественной взаимосвязи России XVII века и России при Петре Первом.

На будущий год я буду читать вам лекции о Петре, а сейчас коснусь темы, которую у нас иногда трактуют своеобразно. Известно, что Петр создал «всешутейший Собор» — какую-то конгрегацию пьяниц, бесстыдников и безобразников и сам в этой компании принимал участие в совершенно непотребном веселии. У нас после романа А. Толстого любят изображать Петра таким бесстыдником и богохульником. Но «всешутейший Собор» пародировал католическую церковь. Я думаю, после нашего сегодняшнего разговора вам понятно, откуда идет желание пародировать католическую Церковь. Вся борьба с католиками на Украине была хорошо известна в России, и нелюбовь к католицизму была сюда привнесена с богословием, с распространением знаний и т. д. Поэтому князь-папа, и конклав из кардиналов, и папские одежды на Никите Зотове — это московская сатира на католицизм. Это была внешняя пародия не на религию, не на Православную Церковь, а на католицизм, а иногда на отдельных лиц, о которых было известно что-то крайне неприятное, крайне их порочащее.

Сама такая идея — пародировать Церковь — не могла родиться в голове человека, воспитанного в Православии. А Петр был православным человеком. Он пародировал католическую церковь, католиков он не любил. Даже его любовь к протестантам основана на его нелюбви к католикам. Поэтому еще раз подчеркиваю, что Петр — это выходец из XVII века, это человек того времени, воспитанный под влиянием тех западных новаций и заимствований, которые уже имели место. Поэтому для нас с вами деление на допетровскую и петровскую Русь — деление чисто условное, скорее дань традиции, и мы на этом настаивать не будем.

стр. 106

Лекция 21

РАСКОЛ

*1. — Государство и управление церковными землями. 2. —
Значение вопроса о церковном землевладении. 3. — Дониконовские*

опыты в исправлении книг. 4. — Исправление книг при патриархе Никоне. 5. — Характер и личность патриарха Никона. 6. — Влияние раскола на петровские преобразования.

Нашу последнюю лекцию я хотел бы посвятить так называемой проблеме патриарха Никона, но при этом отнюдь не отбивая хлеб у тех, кто ведет курс истории Русской Церкви.

Можно говорить о патриархе Никоне как о человеке, который применял или не применял те или иные каноны; можно рассматривать чисто церковную специфику его правления, его действий. Но на занятиях по русской истории нам важна проблема, связанная с позицией Никона в отношении церковных имуществ — все, что связано с главой из Уложения, которая называется «О монастырском приказе». Второй момент — политика Никона в отношении исправления и издания церковных книг. Это была проблема общегосударственная, поэтому ее тоже необходимо коснуться. И третье: влияние никоновской деятельности, влияние раскола на последующие события.

Итак, о Соборном уложении и о монастырском приказе. Мы уже говорили о том, когда было написано Уложение, сколько статей в главе о монастырском приказе, и здесь следует сразу заметить, что эта глава Соборного уложения не меняла принципиально политики государства в отношении Церкви. Оно давно уже проводило политику объединения страны, политику единого подхода к землям. В XVII веке активно идет процесс слияния дворянского поместья и боярской вотчины; мы знаем, что поместье начинает передаваться по наследству, как вотчина. Следовательно, церковное землевладение фактически в этом процессе является рудиментом феодальных отношений и представляет своеобразный церковный удел в общей массе земель, которые контролирует государственная власть. Значит, власть государственная была заинтересована не в ограблении Церкви, а в упразднении удельной традиции распоряжения огромными земельными имуществами, которые, находясь под юрисдикцией патриарха, представляли, таким образом, своеобразные самостоятельные владения или даже какие-то государственные начала.

В данном случае власть не шла против Церкви, никаких параллелей с изъятием церковных ценностей быть не может. Нужно понять простую вещь: монастырский приказ создавался для управления этими землями. На этих землях должно было быть такое же управление, как и везде. Но учитывая то, что эти земли долгое время находились под управлением патриарших чиновников, создавалась специальная контора, учреждение, которое должно было привести все эти дела в соответствие с тем, что было вообще принято в стране. Вряд ли можно допустить мысль о том, что православное государство собиралось грабить Церковь.

Нужно также сказать, что патриарх Никон здесь усмотрел то, о чем иногда говорят: именно факт ограбления Церкви. Не просто политику какой-то государственной централизации, не просто объединение, чисто экономически необходимое для страны (вспомните, в каком тяжелом состоянии была Россия после смуты). Он противопоставил Церковь и государство и увидел в этом факте попытку не просто унижить, а именно ограбить Церковь. Поэтому вся его борьба, чисто политическая, ведется против монастырского приказа, и он добивается того, что приказ, объявленный законом, не действует.

Надо сказать, что власть тоже была непоследовательна. Алексей Михайлович в период своего расположения к Никону дарил ему большие земельные угодья (не в личное, конечно, владение, а как патриарху) и закрывал глаза на те случаи, и нередкие, когда Никон покупал новые земли. Существует перечень земель, которыми владел патриарх Московский. Надо сказать, что это нечто грандиозное, и в его правление чисто церковное земельное имущество резко увеличилось в объеме. То есть фактически он вел политику, направленную не просто на сохранение того порядка, который уже имел место, но на увеличение чисто церковных территорий, ликвидацию какой бы то ни было государственной, светской власти на эти земли и таким образом противопоставлял Церковь и государство в экономическом, если

хотите, аспекте. Никон постоянно ссылался на каноны, но понимал их весьма упрощенно. Я не буду говорить здесь ничего нового, а сошлюсь на тех, кто специально исследовал этот вопрос. Каноны несколько иначе квалифицируют эту историю, и можно прочитать у А. В. Карташева, и у Н. Ф. Каптерева интересные мнения по этому вопросу, который, я думаю, будет освещаться у вас в курсе истории Церкви. Это одна сторона вопроса. Вторая сторона — о том, что, собственно, собирались оставить за патриархом.

Монастырский приказ не должен был подобрать под себя все территории — оставалась собственно патриаршая область, которая сохраняла старое управление. Например, в настоящий момент Москвой управляет Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Он регулирует процесс назначений, снятий, передвижек. В то время была тоже собственно патриаршая территория, и там монастырский приказ не должен был действовать. Он распространялся вообще на церковные территории вне патриаршей области. Но Никон и этого не желал допускать.

Еще в бытность свою архиепископом Новгорода Великого он добился благодаря своим хорошим отношениям с царем Алексеем Михайловичем особых поблажек для своей епархии, для себя лично и когда стр. 107 стал патриархом, эта тенденция, естественно, усилилась. И здесь мы видим, что при Никоне церковная власть действовала откровенно против государственных законов, а государственные законы не действовали, и уж во всяком случае государственная власть была непоследовательна.

Мы уже говорили о том, что важнейшим фактором стабильности в России, ее успешного развития был всегда союз Церкви с государством. В данном случае в вопросе о территориях, об управлении этими территориями, а если хотите, о юрисдикции Никон как бы вбивает клин между церковной и светской властью. Конечно, можно сказать, что именно светская власть покушалась на церковные земли. Но дело все в том, что потом, после Никона, все равно этот процесс прошел именно так, а не иначе. Никон явно не чувствовал ход истории, а кроме того, его не лишали прав чисто канонических, а что касается светского контроля за экономической стороной жизни, то его, бесспорно, хотели ввести. При чем здесь Московский патриарх, когда вопрос, связанный с теми или иными землями, должен разбираться в самом обычном суде на основании всеобщего государственного закона? И что это за страна, где два законодательства, два верховных правителя, две хозяйственные системы (государственные земли и церковные)? Ведь это же факторы нестабильности — и хозяйственной, и политической, и религиозной.

Никон этого не почувствовал, он расценил это как покушение на права — не свои личные, а права Церкви. Не знаю, как вы отнесетесь к вопросу о том, что Никон хотел доказать превосходство церковной власти над светской или не хотел уступать домогательствам светской власти в отношении к власти церковной. Вопрос это не новый, и своих адептов имеют сторонники той и иной точки зрения, но бесспорно, что Никон своей политикой в отношении монастырского указа фактически как бы создавал еще одно государство внутри России. Конечно, это вызвало резкий протест.

Всякое дело можно улучшить или испортить своими личными качествами, и в этом отношении Никон — фигура совсем не простая. С одной стороны, истовый, способный на личные жертвы, бесспорно честный человек. С другой стороны, человек заносчивый, высокомерный, гневливый и в силу этих качеств способный на несправедливость по отношению к отдельным людям. Он внес во все вопросы, будь то вопрос о Монастырском приказе или об исправлении книг, свой личный темперамент, что дела не улучшило, а наоборот; во все времена люди легко обижались и обижали, а в вопросе, который стоял так остро, подобные вещи были недопустимы.

Церковная жизнь после смуты, конечно, была в определенном упадке. Это было неизбежно, потому что само государство было в упадке. В самом народе был разброд: поколения, которые выжили при смуте, сформировались при смуте, не представляли из себя ничего особенно выдающегося. Они были сформированы в период острейшей политической борьбы, острейшей опасности для государства, поэтому среди них мы можем увидеть самые

разные взгляды, в целом не всегда конструктивные. В таких случаях очень часто, не видя собственных корней, собственных истоков, собственных традиций (которые в период смуты, естественно, были утрачены), обращаются к авторитетам, а на Руси уж так повелось, что во все времена мы искали авторитетов где-то «там». Сейчас ищем в Германии или в Америке, а тогда решили поискать авторитета в Греции.

Когда-то, в XV столетии, когда устраивалась Флорентийская уния, несмотря на феодальную войну, у России нашлось достаточно здравого смысла, чтобы очень спокойно и твердо разрешить все эти проблемы и, не занимая опыта у греков, поставить все на свои собственные рельсы и совершенно точно с канонической точки зрения определить права Русской Церкви. Такое было время, когда была учреждена автокефалия. Зачем Никону понадобилось искать ума у греков, судить не берусь. Думаю, это происходило от того, что он сам был человеком неглубокого образования, очень поверхностного, начетнического.

Вы знаете, что печатный станок работал у нас с середины XVI века. Первая книга точно датирована выходными данными 1564 годом — это «Апостол» Ивана Федорова 1564 года. Незадолго перед этим вышло еще несколько анонимных изданий без выходных данных, хотя и высокого качества — выпускал их для пробы Иван Федоров или кто-то еще, судить не берусь. А дальше Иван Федоров, по-видимому, был вынужден бежать из любезного отечества, из столицы нашей родины — с одной стороны, начиналась опричнина, а с другой стороны, если принять остроумную гипотезу А. В. Карташева, переписчики книг могли увидеть в печатном станке страшное орудие, которое разрушит их монополию, и, учитывая, что в условиях опричнины доносительство более чем поощрялось, постарались оклеветать Ивана Федорова, и поэтому он вынужден был спастись из Москвы бегством. Поражает тот факт, что когда заработал печатный станок, тенденция к переписыванию книг сохранилась еще надолго. У нас писали рукописные сборники и в XVII, и в XVIII, и даже в XIX веке. Но тем не менее встал вопрос: что печатать и как печатать? И здесь классический пример являет Иван Федоров, который, находясь в Остроге у своего покровителя князя Константина Острожского, задумал напечатать Библию архиепископа Геннадия Новгородского, которая хранилась в Москве. Несмотря на ужасные времена, он обратился за помощью, и в Острог прислали этот единственный уникальный экземпляр — на несколько лет! Она была не просто механически «перешлепана» с рукописи на печатный лист. Была произведена корректура, редакционная правка, сличение отдельных частей с новыми переводами — короче говоря, к делу отнеслись серьезно, после чего и появилась знаменитая Острожская Библия, которую печатали фактически два года. А рукописный экземпляр благополучно вернулся в Москву, где он и хранится — в настоящее время в отделе рукописей Исторического музея.

Иван Федоров понимал, что слепо копировать любой рукописный текст, пусть даже и Библию, нельзя: туда могут вкрасься и описки, и просто ошибки. В конце XVI — начале XVII веков печатное дело стр. 108 набирало темпы, а после смуты начинается систематическое печатание книг в довольно большом объеме. Патриарх Филарет не любил ни латинистов, ни латинской культуры, и это легко понять, если вспомнить, что он провел в польском плену не один год. Поэтому он больше ориентировался на греков, но делал это достаточно сдержанно. Его преемники, Иоасаф и Иосиф, ничего принципиально нового в дело печатания книг не вносили, если не считать, что при Иосифе было выпущено несколько книг, которые очень чтут старообрядцы. Их издали без особой лишней справки по тем рукописям, которые, видимо, были под рукой, и оказалось, что это как раз то, что было нужно старообрядцам.

Так, вероятно, пошло бы и дальше, если бы Алексей Михайлович не задумал реформу церковных обрядов — не кардинальную, но направленную на некоторые улучшения. Дело в том, что у нас накопилась масса безобразий: многоголосное пение, не читались часы между службами, существовала масса мелких обрядовых нарушений, батюшки позволяли себе во время службы беседовать с прихожанами и т. д. Был составлен целый реестр всяких исправлений, в том числе надо было упорядочить и книги. Для Никона, который наследовал

все эти проблемы, книги на первый план не вышли. Он должен был заниматься вообще улучшением всего. И вот здесь вместо того, чтобы посмотреть всерьез, что же было у нас, собственно говоря, хорошего — ведь не все же было плохо, — он обратился к грекам. Те обрадовались случаю показать свое превосходство, и вот каждый, кто приезжает из Греции, начинает тыкать пальцем во все то, что «не по уставу» — т. е. не соответствует греческому образцу. И с ними тут же начинают во всем соглашаться, не думая, не проверяя, откуда у греков так, а не иначе, а почему у нас именно так получилось, просто считают: раз греки советуют, значит, так и надо. При том, что формально Никон сделал очень много: была собрана колоссальная библиотека замечательных рукописей, которые свезли в Москву из разных монастырей. Арсений Суханов несколько раз ездил на Восток, на Афон, откуда привез горы ценнейших книг и рукописей. Все это надо было как следует переработать, а это было сделано довольно поверхностно.

Сам процесс исправления печатных книг имел несколько периодов. Такие известные в дальнейшем расколоучители, как протопоп Аввакум, Иван Миронов и другие, сначала всего лишь занимались правкой книг. Следовательно, сам критерий, по которому отбирали людей, чтобы вести книжную справу, был неустойчивым: занимались этим разные люди, в том числе и абсолютно случайные. Так, патриарх Никон приблизил к себе Арсения Грека, который в свое время перешел в католицизм, учился в католических университетах, затем вернулся в Православие, потом попал в плен к туркам, принял ислам, попал к нам в свите одного из греческих святителей. Тот не знал, что Арсений собой представляет, но на обратном пути сообразил и донес в Москву. Его тут же отправили на Соловки замаливать грехи, и по делу. Там он вкусил монастырского устава и жаловался на строгость содержания. Но вот туда за мощами митрополита Филиппа Колычева приехал Никон, тогда еще архиепископ Новгородский, взял его с собой в Москву и приставил к делу — видимо, в качестве высокого научного авторитета. Арсений Грек имел, конечно, массу различных сведений, почерпнутых из собственной фантастической биографии, но вряд ли он годился для серьезного дела. Очевидно, в самом процессе исправления книг не было никакого ясного, четкого подхода — что делать и как делать. Дилетантизм, импровизация и полное нежелание оценить последствия всей этой весьма, с позволения сказать, спазматической деятельности.

Все это продолжалось до тех пор, пока Никон «рукою властной» не ввел троеперстие, трегубую «аллилуйю» и все остальное, что все мы хорошо знаем. Вместо того, чтобы что-то объяснить, сказать, почему так, а не иначе, и сделать это поэтапно, мягко — просто разослали циркуляр по московским церквям и приказали делать так, как там указано, без каких бы то ни было объяснений. Но когда с русским человеком так поступают, он, как известно, не склонен слушаться.

Начался раскол. Правление Никона — это 1652–1658 годы. Но ведь это время войны с Польшей. И вся эта история говорит о том, что интересы страны в целом, интересы православного населения Украины были у Никона явно не на первом месте. Патриарха Русской Церкви интересовала совершенно иная сфера, он действовал вообще без учета того, что происходит со страной, как будто этого не существует.

Патриарх Никон очень любил парадные богослужения. Он заботился, конечно, не о своей личной персоне, а о величии Церкви. В Оружейной палате можно увидеть парадное облачение патриарха Никона, которое полностью сохранилось. Полный патриарший убор весил более 40 кг. Он был атлет, настоящий атлет. И вот в этом облачении он совершал полным чином всю службу да еще ходил в крестных ходах. Тут во многом раскрывается характер Никона. Вот такое понятие о благочестии ему было свойственно. Приблизительно так же он воспринимал и все остальное: чем больше будет жемчуга, золота, драгоценных камней, тем лучше. При этом он был настоящим монахом, носил вериги. Эти контрасты, эти противоречия говорят о том, что сам по себе внутри он не был цельным человеком. Безумно гневаясь, он потом приходил в противоположное состояние духа. Видимо, он очень переживал конфликт с царем. После нежной дружбы («мой собинный друг» — так называл

его царь), от печалования царю каждую пятницу за всех, кто подает царю челобитные, от покаяния, которое он принимал у царя — и вдруг такой афронт, что ты-де больше великим государем не пишишь, а пишишь просто патриархом, а царь на тебя гневается...

Что в таких случаях делать? Не в первый раз царь на него гневался. Зафиксированы случаи, когда царь оскорблял его за какие-то, по мнению царя, упущения в порядке службы. Ничего, находили потом общий язык и все как-то сходило спокойно на нет. А здесь Никон обиделся. А обидевшись, решил все вот так, с размаху: после службы в Успенском соборе облачился в простую монашескую рясу, взял клюку, стр. 109 заявил, что он-де недостоин, и двинулся в путь. Может Патриарх так уйти со своего стола? Здесь, в этом дерзком поведении, открывается и подход, который применялся и ко всем остальным делам. Конечно, Никон не хотел раскола, он просто о нем не думал. Подумаешь, какая проблема — ввести троеперстие вместо двуперстия. Правильно, никакой канонической разницы между двумя и тремя перстами нет — и те и другие православные. И он это понимал. Но не понимал, с кем имеет дело. Его это не волновало. Ах, его не слушаются?! И пошло... Патриарший пристава охотились по Москве, забирали в кутузки попов, которые вели себя несообразно, те начинали жаловаться на патриарших приказных. Естественно, все те, кто не любил Никона, воспользовались этими нестроениями. При дворе всегда были интриги.

И вот получилось, что, желая каких-то вполне разумных вещей, необходимых, по его мнению, для того, чтобы что-то упорядочить в Церкви, решая проблемы, унаследованные от своих предшественников, Никон начал рубить сплеча, да так, что раскололось русское общество — в то время, когда оно только-только начинало срастаться. Да еще сделал это во время войны. А ведь присоединение Украины к России породило немало проблем, куда более острых, чем вопрос о том, как крестятся греки и как — русские. С Украины к нам шло очень сильное латинское влияние, и тут надо было выработать совершенно определенный подход, а этого сделано не было.

Мы уже говорили об отношении Никона к земельным владениям церковным, которое он всячески отстаивал. Он хотел не просто церковного владения какими-то землями — они и так принадлежали Церкви, но добивался права решать самостоятельно абсолютно все проблемы, с ними связанные, что приводило уже к созданию в стране параллельного законодательства и соответствующего параллельного аппарата.

Наконец, это был человек, у которого личные сиюминутные настроения как бы определяли подход к решению многих важных вопросов. Оказавшись на вершине пирамиды церковной иерархии, патриарх Никон не сумел представить себе все глобальные проблемы, как это сделал бы человек поистине государственный.

Прежде чем прийти к какому-то согласию, у нас принято сначала хорошенько подраться и разойтись в разные стороны, чтобы потом объединиться. Поэтому и к Никону у нас существуют два абсолютно различных, полярных подхода. Таким же образом мы часто оцениваем личность и деятельность Петра, да и все на свете. Только полюса: юг или север, черное или белое. И вот одни читают Зызыкина, где нет никакого исторического анализа, а разбирается лишь канонический аспект, а другие считают, что нечего Церкви вообще соваться в государственное управление. И тем и другим рекомендую наиболее серьезное и теперь уже доступное исследование — книгу проф. Н. Ф. Каптерева «Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон» [25]. Книга эта очень солидная, с обширным приложением, где опубликованы очень интересные документы, и написана очень хорошим языком. Чрезвычайно уважительное отношение к личности патриарха сочетается с очень объективным, на мой взгляд, анализом его деятельности как главы Православной Церкви Русского государства XVII столетия.

Перекидывая своеобразный мостик к последующей эпохе, обращаю ваше внимание на то, что патриарх Никон — это не только раскол в XVII веке и не только Монастырский приказ, не только пышное богослужение и богатое облачение. Никон — это еще отчасти и

история петровских преобразований. Когда Петр после смерти патриарха Адриана на многие годы оставил Русскую Православную Церковь без предстоятеля, это было сделано не потому, что Петр был безбожником, и не потому, что он не понимал значения патриарха для Русской Церкви. Человек практического склада, Петр, несомненно, первое время искал подходящую кандидатуру. По его мнению, это должен был быть человек морально безупречный, понимающий масштаб его, петровских, деяний, помощник царя. Такого человека он, видимо, не нашел. И тогда он пришел к мысли о необходимости создания духовной коллегии, то есть Синода. Причем в данном случае — это зафиксировано в самом тексте Духовного регламента — имелось в виду не просто какое-то «министерство вероисповедания», а принцип соборности, хотя бы и в ограниченном объеме. Когда будут высказываться разные мнения по каким-то вопросам, можно будет понять, что надо и чего не надо. Для Петра история Никона была историей семейной. Дома он наслышался о Никоне столько и такого, что это во многом определило его отношение к патриаршеству вообще. Он не хотел, чтобы Русской Церковью теперь управляли в зависимости от личного темперамента. Петр вынужден был иметь очень много дел с раскольниками. Не всегда эти дела решались хорошо, удачно, спокойно. Именно в юности Петра начинаются знаменитые гари, причем горят не старообрядцы, а те раскольники, которые отпочковались от старообрядцев. Он должен был оценивать и это. Кто это все спровоцировал? Царь? Да нет, скорее наоборот. При этом Петр, повторяю, в своем «всешутейшем соборе» отнюдь не пародировал именно Никона и непосредственно русскую Православную Церковь. Еще В. О. Ключевский говорил, что ни при какой цензуре это творение мысли Петра не будет опубликовано (потом его все-таки опубликовали, правда, с многоточиями). Там пародировалась скорее католическая Церковь — и понятно почему: нелюбовь ко всему латинскому была в крови у царей дома Романовых со времен основания династии. Впоследствии Петр I крайне цинично высказывался о Западе, и в первую очередь о католическом Западе. Но, вероятно, имело место какое-то пародирование конкретных лиц. Когда говорят о том, что Петр якобы сочинил какое-то безбожное антихристианское творение в виде своего «Собора», скажу, что нового он ничего не изобретал, потому что была «Служба стр. 110 Кабаку», которая распространялась в бесконечном количестве списков, представляющая собой точнехонькое воспроизведение чинопоследования малой вечерни, но речь там шла о водке, чарке, трактире и т. д. Это было чисто народное творчество. Когда иерархия не представляет собой большого авторитета, тогда появляются подобные вещи. А представлял ли собой Никон авторитет для православных — это уж решать православным. Не убежден, что мнение будет одинаковым. Поэтому мне кажется, что вопрос о патриархе Никоне надо решать исходя из вообще государственных проблем, оценивая русскую историю как единый процесс, т. е. мы не должны тут ничего разделять: вот здесь у нас патриарх Никон, а здесь отдельно — Соборное уложение. Все это было в одно время.

Мне кажется, что эта проблема, которая вспыхивает у нас в обществе постоянно, должна быть решена, исходя из каких-то общих принципов, общего анализа развития России, общего подхода к проблемам ее истории. Искусственное деление на светскую и церковную историю невозможно, потому что все священнослужители и монахи когда-то были мирянами. И дети белого духовенства чаще всего оставались мирянами. Не надо забывать, что почти все дьяки и подьячие русских приказов XVI–XVII веков были поповичи. Они были грамотными, дети священников, и если не хотели идти по стезе своих отцов, то шли именно в бюрократию, так все было связано одно с другим. Никон эти естественные связи рубанул сплеча. А дальше последовало то, что всем хорошо известно. Суриков ничего не выдумал в своей картине «Боярыня Морозова», он изобразил настоящий увоз боярыни Морозовой со двора. Даже композиция картины соответствует описанию. Он увлекся несколько, может быть, лишь в отношении узорчатой шали и платка до бровей. А все остальное так и было: двуперстие, калеки, ухмыляющиеся бояре. Белые и красные, почти

гражданская война. Зачем, спрашивается? Из-за двуперстия? Из-за того, что греки что-то посоветовали? Все родилось из ничего. Потому что, как вы понимаете, никакие канонические проблемы тут не затрагивались. Греки и сейчас носят рясы, скроенные иначе, чем у нас.

Наконец, несколько слов о Стоглаве, охаянном, оплеванном греческими «экспертами» в XVII веке. Это очень интересный и чрезвычайно важный памятник русского законодательства, хотя там и разбираются вопросы чисто церковные. Самая замечательная глава, которая для всех важна и которая полностью сохранила свое значение по сей день — 43-я. В ней рассказывается о том, какими должны быть учителя иконописцев и как надо учить иконописи — не с точки зрения технической, а с точки зрения нравственной.

Что же касается двуперстия, которое утвердил Стоглав, оно было у нас изначально, с момента нашего крещения в X веке, и ничего нового здесь не изобретали. И если греки ввели у себя троеперстие — пожалуйста, это их личное дело. Казалось бы, для русских Стоглав должен был быть авторитетом в этом отношении. Но нет, греки на него набросились, и в результате этот памятник получил репутацию недостоверного. Конечно, там есть всякие неточности, курьезы, без этого не бывает, но все это настолько невинно, что вызывает улыбку: например, там запрещается брить и стричь бороду, потому что так заповедал пророк Моисей. Хотя старообрядцы и это пытались соблюсти. Что касается написания имени «Иисус», двуперстия, тригубой и двугубой «аллилуйи», хождения по солнцу или против солнца и тому подобных вопросов, то все они носят чисто обрядовый характер. А ведь из-за таких вопросов Никон расколол русское общество, и последствия этого ощущаются как-то и по сей день.

К сожалению, популярной литературы на эту тему у нас нет. Я вам очень рекомендую прочитать А. В. Карташева. Там во втором томе прекрасно разобрана вся история с Никоном, с исправлением книг и с расколом. Это не исчерпывающее исследование, но достаточно подробное. О Карташове говорят разное, но это человек замечательно образованный, умный исследователь. Можно по-разному трактовать разные части его «Истории», но на сегодняшний день лучшего систематического изложения истории Русской Церкви нет. Там, правда, отсутствует справочный аппарат, и это понятно: он писал эту книгу за границей. Но в свое время он был заведующим отделом Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, благодаря ему был собран богатейший богословский фонд этой библиотеки, и в данном случае, когда он писал свою «Историю» по лекциям, которые читал в Сергиевском институте в Париже, он не отклонялся от фактов, хотя не всегда мог дать точные ссылки. Это надо учитывать. Поэтому, повторяю, это ваш путеводитель, хотя бы в данном вопросе.

Примечания

1. *Татищев В. Н.* История России в 7-ми томах М., 1962–1968.
2. *Карамзин Н. М.* История государства Российского в 12-ти томах М., 1989.
3. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения в 18-ти томах. М., 1988.
4. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. *Его же.* Собрание сочинений в 9-ти томах. М., 1958.
5. *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993.
6. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995.
7. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы XI — начала XII вв. М., 1978.
8. *Митрополит Макарий.* История Русской церкви. М., 1995.
9. *Карташев А. В.* Собрание сочинений в 2-х томах. Очерки по истории Русской

церкви. М., 1993.

10. Российское законодательство X-XX веков. М., 1984 Т. 1.
11. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси М., 1948
12. *Голубинский Е.* История Русской церкви в 2-х томах. М., 1900–1904.
13. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. Вып 3 М., 1981.
14. Русская историческая библиотека. Памятники древнего русского канонического права. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1. (Памятники XI–XV веков).
15. *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты) М., 1915.
16. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник М., 1988.
17. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947.
18. *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской правды. М., 1953.
19. *Федотов Н. М.* Святые древней Руси. М., 1990.
20. Послания Ивана Грозного // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986
21. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским М., 1981 (2-е изд. 1993). Или по кн.: Памятники литературы Древней Руси Вторая половина XVI века М., 1986. С. 16–84.
22. *Андрей Курбский.* История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 218–400.
23. Послания Ивана Грозного // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.
24. «Соборное уложение» опубликовано в кн.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3. (Акты земских соборов)
25. *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909–1912. В 2-х томах. *Его же.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887.